

ЕВРОПЕЙСКИЕ СКАЗКИ БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ

ЦОРН

ЦЕНТР ОЗДОРОВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ НАЦИИ
ЦОРН.РФ

ВИРУС ЗДРАВОМЫСЛИЯ

Аленка

Жили дед и баба. И была у них дочка Аленка. Но никто из соседей не звал ее по имени, а все звали Крапивницей.

— Вон, - говорят, - Крапивница повела Сивку пастись.

— Вон Крапивница с Лыской пошла за грибами. Только и слышит Аленка: Крапивница да Крапивница...

Пришла она раз домой с улицы и жалуется матери:

— Чего это, мамка, никто меня по имени не зовет?

Мать вздохнула и говорит:

— Оттого, что ты, доченька, у нас одна: нет у тебя ни братьев, ни сестер. Растешь ты, как крапива под забором.

— А где ж мои братья и сестры?

— Сестер у тебя, — говорит мать, — нету, это правда, а вот братьев было трое.

— Где ж они, мамка?

— Кто их знает. Как тебя в колыбели еще баюкали, поехали они с огненными змеями — смока-ми — воевать, себе и людям счастье добывать. Вот с той поры и не вернулись...

— Мамка, так я пойду искать их, не хочу, чтоб меня Крапивницей называли!

И как ни отговаривали ее отец с матерью — ничего не смогли поделать.

Тогда мать и говорит:

— Одну я тебя не отпущу: мала ты еще для такой дороги. Запрягай Сивку и поезжай. Сивка наша старая, умная — она привезет тебя к братьям. Да, смотри, на ночь нигде не останавливайся: езжай день и ночь, пока братьев не найдешь.

Запрягла Аленка Сивку, взяла на дорогу хлеба и поехала.

Выехала она за деревню, видит — бежит за возом их старая собака Лыска. Хотела было Алёнка назад ее прогнать, да передумала: пусть, мол, бежит — в дороге веселей будет.

Ехала она, ехала — подъезжает к перекрестку. Сивка остановилась, назад поглядывает. Аленка спрашивает у нее:

Заржи, заржи, кобылица, Скажи, скажи мне, Сивица: На какую дорогу тебя направлять, где мне братьев родных искать?

Подняла тут Сивка голову, заржала, на левую дорогу указала. Пустила ее Аленка по левой дороге.

Едет она чистыми полями, едет темными борами. Приехала в сумерках в чащу лесную. Видит — стоит в пуще у дороги хатка. Только Аленка подъехала к хатке, как выбежала оттуда какая-то горбатая, костлявая старуха с длинным носом. Остановила она Аленку и говорит ей:

— Куда ты, неразумная, на ночь глядя едешь. Тебя тут волки съедят! Оставайся у меня ночевать, а завтра, как развиднеется, и поедешь.

Услыхала это Лыска и затявкала потихоньку:

Тяв, тяв! Не велела мати Ночек ночевати!.. Тяв, тяв! Не старуха это Говорит с тобою, - Ведьма Барабаха Замышляет злое...

Не послушалась Аленка Лыску, осталась ночевать в хатке.

Расспросила ведьма Барабаха Аленку, куда она едет. Аленка все ей рассказала. Ведьма от радости так и подскочила: Аленкины братья, думает она, и есть, наверно, те самые богатыри, что всю ее родню со свету сжили. Теперь-то она с ними расправится...

Наутро поднялась ведьма, нарядилась, как на ярмарку, а всю Аленкину одежду спрятала и будит ее:

— Вставай, поедем братьев искать! Встала Аленка, смотрит — нету одежды...

— Как же я поеду? — говорит Аленка. Принесла ей ведьма старые нищенские лохмотья.

— На, — говорит, — хороша тебе будет и такая одежда.

Оделась Аленка, пошла запрягать Сивку. Взяла ведьма нож и толкач, села в повозку, как пани, а Аленку вместо кучера посадила.

Едут они, а Лыска бежит сбоку и тьякает:

Тяв, тяв! Не велела мати Ночек ночевати!... Тяв, тяв! Ведьма Барабаха Барыней сидит, на тебя, Аленка, как змея, глядит...

Услыхала это ведьма Барабаха, схватила толкач и кинула в Лыску. Завизжала Лыска — перебила ей ведьма ногу.

Алёнка заплакала:

— Бедная, бедная Лыска, как же ты будешь теперь бежать!

— Замолчи, - пригрозила ей ведьма, - а то и с тобой так будет!

Едут они дальше, а Лыска не отстает, на трех ногах скачет. Доехали до нового перекрестка. Сивка остановилась. Аленка спрашивает у нее:

Заржи, заржи, кобылица, Скажи, скажи мне, Сивица: На какую дорогу тебя направлять, где мне братьев родных искать?

Заржала Сивка, на правую дорогу показала. Целую ночь ехали они темною пушей по правой дороге. Утром-светом выехали на луг, видят — стоит перед ними шелковый шатер, а рядом три коника пасутся. Сивка весело заржала и повезла Аленку с ведьмой прямо к шатру. Обрадовалась Аленка:

— Здесь, наверно, мои братья живут! Ведьма злобно фыркнула:

— Лучше помалкивай. Здесь живут не твои братья, а мои!

Подъехали к шатру. Выходят оттуда три стройных хлопца-молодца — все на одно лицо, голос в голос, волос в волос.

Спрыгнула ведьма с воза и к ним:

— Как, братики, поживаете? А я весь свет объездила, измаялась, вас все искала...

— Так это ты наша младшая сестрица? — спрашивают братья-богатыри.

— Да, да, — говорит ведьма, — ваша родная сестра...

Кинулись братья к ней и давай ее целовать-миловать, на руках подбрасывать. Уж так рады-радешеньки, что и не рассказать.

— Вишь, - удивляются они, - как долго мы воевали: за это время сестра не только выросла, а и состариться успела... Ну, да ничего: всех ворогов мы перебили, осталась одна только ведьма Барабаха. Как найдем ее, то сожжем, а тогда и домой поедем.

Услыхала это ведьма и только ухмыльнулась: посмотрим еще, кто кого сожжет!..

— А что это, сестрица, за девочка с тобой приехала? — спрашивает старший брат.

— Да это моя наймичка, — отвечает ведьма Барабаха. — Она у меня за кучера ездит и мою кобылку пасет.

— Хорошо, — говорят братья, — она и наших коней будет пасти.

Повернулась ведьма, крикнула строгим голосом Аленке:

— Чего сидишь? Выпрягай Сивку да веди ее пастись!

Заплакала Алёнка, стала Сивку выпрягать. А братья подхватили ведьму Барабаху на руки, понесли в шатер, стали поить-потчевать.

Ест ведьма Барабаха, пьет, а сама думает: "Как улягутся они спать, я всех их зарежу..."

А Аленка сидит тем временем на лугу возле коней и поет, плачучи:

Солнышко, солнышко, Сырая земляца, Мелкая росица, а что моя мамка делает? Отвечают земля и солнце: Холсты ткет, Холсты ткет, Золотым узором завивает, Дочку Аленку С братьями ожидает...

Вышел младший брат из шатра и заслушался.

— — Знаешь, сестрица, знаете, братья, то ли это птичка на лугу щебечет, то ли это дивчина напевает. Да так жалобно, что аж за сердце хватает.

— Это моя наймичка, — говорит ведьма Барабаха. — Она на все выдумки хитра, да только работать ленивая.

Вышел тогда средний брат послушать, хоть ведьма и не пускала его.

Послушал он жалобную песню Аленки, а потом слышит, как собака Лыска затявкала:

Тяв, тяв! Ведьма Барабаха Во шатре сидит, На чужих на братьев Гадиной глядит, Булки ест, вино пьет, Медом запивает, Родная ж сестрица Слезы проливает.

Вернулся средний брат и говорит старшему

— Ступай и ты послушай.

Пошел старший брат, а средний все на ведьму Барабаху поглядывает.

Послушал старший брат песню Аленкину, послушал и что собака Лыска про ведьму Барабаху сказала, и обо всем догадался.

Подбежал он тогда к Аленке, схватил ее на руки и принес в шатер.

— Вот кто, — говорит он братьям, — наша настоящая сестра! А это — обманщица ведьма Барабаха!

Развели братья большой костер и сожгли на нем ведьму Барабаху, а пепел в чистом поле развеяли, чтоб и духу ее не было, а потом свернули шелковый шатер и поехали счастливые вместе с Аленкой к старикам своим, к отцу-матери.

Андрей всех мудрей

Жил один пытливый хлопец Андрей. Хотел он все знать. Куда ни глянет, что ни увидит, обо всем у людей расспрашивает, обо всем выведывает. Плывут по небу облака... Откуда они взялись? И куда плывут? Шумит за деревней река... Куда течет? Растет лес... Кто его посадил? Почему у птиц крылья, всюду вольно летают, а у человека нет крыльев?

Люди отвечали ему, отвечали, да под конец видят, что и сами-то они не знают, что отвечать.

— Ты, Андрей, хочешь быть всех мудрей, — стали люди над ним смеяться. — Да разве ж можно все знать?

Но не верит Андрей, что нельзя всего знать.

— Пойду, — говорит, — к самому солнцу, оно всюду светит, все видит, все знает. Вот и расскажет мне оно, чего я сам не знаю.

Покинул он свою хатку и пошел искать то место, куда солнце на ночь лег садится.

Идет он, идет, глядь — сидит у дороги на камне человек и всех спрашивает: “Долго ли мне тут сидеть?”

И Андрей ему тоже не мог ничего ответить.

Пошел он дальше. Видит — подпирает человек плечами тын.

— Что это ты, дядька, делаешь? — спрашивает Андрей. — Зачем старый тын подпираешь?

— Не знаю... Может, ты знаешь?

— Кабы знал я, то не искал бы того, кто все знает, — сказал Андрей и пустился дальше.

Прошел немного, видит — человек в мусоре роется.

— Ты зачем это, дядька, мусор разгребаешь?

— Не знаю.

— Ну и я не знаю, — сказал Андрей и двинулся дальше.

Долго ли коротко шел он, зашел в дремучий лес. Целый день шел лесом, а под вечер выбрался на поляну. — И тут ему вдруг глаза так и ослепило: такой блеск с поляны засиял. Зажмурил он глаза, видит — поблизости солнцевы хоромы огнем пылают. Только вошел он в хоромы — ничего от сиянья не видно. Пообвык маленько, глядь — сидит в кресле старенькая солнцева мать.

— Ты чего, хлопец, сюда явился? — спрашивает. Поклонился ей Андрей и говорит:

— Пришел я к солнцу о том да о сем поразведать.

— а о чем же это — о том да о сем?

— Да обо всем, чего я сам не знаю.

— А чего же ты сам не знаешь?

Стал ей Андрей рассказывать, а старуха слушала-слушала и зевать начала.

— Ладно, — говорит она, — погоди немного, вот скоро сын ночевать вернется.

А я тем временем подремлю: уж больно я за долгий день наморилась.

Вышел Андрей из хором. Развел костер, начал поджаривать сало на вертеле: проголодался ведь за долгую дорогу!

Наелся он сала с хлебом. Пить захотелось. Пошел к речке и нагнулся к воде. Вдруг видит — подымается со дна реки девица, да такая красивая, что и глаз не оторвать. И она тоже на него загляделась.

— Не пей воды из речки, — говорит она, — а то солнце тебя сожжет!

— А мне очень пить хочется.

— Ступай за мной.

Привела его девица к старому дубу, а из-под него бьет родник чистой студеной воды.

Нагнулся Андрей и напился вволю воды родниковой. А тут и солнце начало спускаться с неба в свои хоромы. Надо к нему идти, да не в силах он с красивою девицей расстаться.

— Ты ж смотри, не говори солнцу, что меня здесь видел, — сказала девица, поднялась ввысь и заблестела оттуда ясной звездочкой.

Пошел Андрей в хоромы. А там солнце так печет, что аж стены хором потрескивают. Но Андрею хоть бы что — напился он родниковой воды, вот и не может солнце его спалить. Только шапку надвинул на лоб, чтобы глаз не сожгло.

Рассказал он солнцу, зачем пришел. Говорит солнце:

— Мне учить тебя нету времени. Но я сделаю так, что ты сам все узнаешь.

Сказало это солнце, собрало все свои лучи в один пучок и блеснуло ему в голову. И вмиг Андрей почувствовал, что стало в его голове ясней и светлей, только слишком горит она, а сердце сделалось вдруг холодным, как лед...

Вышел он из хором. Нехорошо ему стало с холодным сердцем. Вспомнил он про девицу. И так ему захотелось увидеть ее еще раз, что он даже разомлел весь. Стал звать ее. И скатилась с неба ясная звездочка и обернулась перед ним красивою девицей. Как глянул на нее Андрей, так вмиг и почувствовал, что сердце его стало опять таким же, как было.

Взял он девицу за руку и повел в свои края. И так он был теперь счастлив, что и птицам крылатым уже не завидовал.

Подошли они к тому человеку, что мусор разгребал. Посмотрел на него Андрей, и все ему стало ясно.

— Ты, — говорит он человеку, — ищешь в мусоре потерянные копейки и зря только время тратишь. Возьмись-ка лучше за работу — скорей заработаешь те копейки, чем найдешь их.

Послушался его человек, начал работать и нажил добро и деньги.

Идут они дальше, увидели человека, что подпирает плечами тын. Посмотрел на него Андрей и говорит:

— Не подпирай, человек, то, что сгнило, оно все равно завалится. Сделай-ка ты лучше новый тын.

Послушался его человек и поставил новый тын вместо гнилого.

Дошли они до человека, что на камне сидит и не знает, долго ли ему там сидеть. Андрей ему говорит:

— Не будь, человек, таким жадным: дай посидеть на этом камне и другим проходим.

Снял Андрей человека с камня и сел сам с девицей. А человек побежал довольный домой.

Отдохнули они немного и двинулись дальше в те края, где жил Андрей.

И теперь не Андрей у людей обо всем спрашивает, а люди у него.

Так стал Андрей всех мудрей.

Бабка-шептуха

Жила в одном сельце старенькая бабка. А сельцо-то было небольшое, дворов с десять. И на самом его краю стояла бабкина хатка. Такая же старенькая, как и бабка.

Нашелся какой-то добрый человек, поставил подпорки к бабкиной хатке и завалинкой ее обложил. И стоит она, не зная, на какой ей бок повалиться. Насобирает бабка щепок, растопит печку, да и греется себе у огня. Понятно, старому человеку и летом-то холодно. Коли есть что, то поест, а нету — и так обойдется.

А проезжал раз через то сельцо пан. Увидел он знакомую бабку и удивился.

— Ты жива еще? — спрашивает.

— Жива, паночку. Не идет за мной смерть.

— А сколько ж тебе лет?

— Да я своим годам и счету не ведаю.

— А как живется тебе?

— Да какое ж мое житье-то! Чем так жить, так уж лучше сгнить: работать не в силах, а дети и внуки все давно поумирали. Одна я теперь на свете, как во поле былинка. Некому и воды подать. А не помог бы ты, паночку, чем-нибудь старому человеку?

А пан был скупой. Не было еще того, чтоб помог он кому-нибудь в беде. Подумал он и говорит:

— Чего ж ты, старая, не шепчешь или не ворожишь?

— Да не умею я, панок.

— Так я тебя научу.

— Что ж, научи, голубь, научи, чтоб не задаром мне на свете жить.

Наклонился пан к бабкиному уху, говорит:

— Как позовут тебя к больному, ты подууй на него немного да шепчи: “Сигала жил, сигала нет”. Пошепчи вот так маленько, дай попить из бутылочки, он и одужает. А не одужает, так сигал его забори.

Поблагодарила бабка пана, да и начала шептать, как он научил ее.

Пошла молва по околице, что объявилась такая, мол, бабка-шептуха, что очень хорошо лечит и людей, и скот. Да не только лечит, а и все угадывает.

И повалил к той бабке народ отовсюду. Несут и везут ей всякое добро.

Живет теперь бабка и помирать не хочет.

А выехал однажды пан на охоту. День был холодный. Долго гонялся пан за зайцами, кричал на ветру во всю глотку, ну и случись в горле у него болячка.

Пан и к тому, и к другому доктору — никто той болячки вылечить не может. А она вот-вот задушит его.

Жена говорит, что надо, мол, шептуху позвать, а пан и слушать о том не хочет: он-то ведь знает шептуху эту!

Терпел он, терпел, наконец не выдержал, да и согласился бабку позвать.

Привезли бабку, а пан уже еле дышит. Вот и принялась бабка скорей дуть да шептать: “Сигала жил, сигала нет...”

Слышит пан, что бабка шепчет то, чему он в шутку ее научил, и одолел его смех. А бабка ни на что внимания не обращает — шепчет: “Сигала жил, сигала нет...”

Слушал-слушал пан, а потом как захохочет — тут болячка в горле и лопнула...

Опамятовался пан, стал бабку благодарить, что спасла она его от смерти.

— Ты это так все и лечишь, как я тебя научил? — спрашивает пан.

— Ага, панок, вот так и лечу.

— Ну, а как же ты угадываешь?

— Да как случится...

— Так угадай, что я сейчас думаю. Посмотрела бабка пану в глаза и говорит:

— Думаешь: заплатит ли мне за шептанье, или нет?

Пан засмеялся:

— А чтоб тебе, бабка, пусто было: как же это ты угадала?

— Да это, пане, каждый ведь угадает, кто тебя знает.

Былинка и воробей

Сел воробей на былинку и хотел, чтоб она его поколыхала. Но былинка не захотела колыхать воробья, взяла, да и сбросила его.

Рассердился воробей на былинку, зачирикал:

— погоди ж ты, лентяйка, я нашлаю на тебя коз! Полетел воробей к козам:

— Козы, козы, ступайте былинку грызть, она не хочет меня колыхать!

Не послушались козы воробья.

— погодите ж, козы, нашлаю я на вас волков!

Полетел воробей к волкам;

— Волки, волки, ступайте коз душить, не хотят они былинку грызть, а былинка не хочет меня колыхать.

Не послушались его и волки.

— погодите ж, волки, нашлаю я на вас охотников! Полетел воробей к охотникам:

— Охотники, охотники, ступайте волков бить, не хотят они коз душить, а козы не хотят былинку грызть, а былинка не хочет меня колыхать!

Не послушались его и охотники.

— погодите ж, охотники, нашлаю я на вас веревки!

Полетел воробей к веревкам:

— Веревки, веревки, идите охотников вязать, а то не хотят охотники волков бить, не хотят волки коз душить, не хотят козы былинку грызть, а былинка не хочет меня колыхать!

Не послушались и веревки.

— погодите ж, веревки, нашлаю я на вас огонь! Полетел воробей к огню:

— Огонь, огонь, ступай веревки жечь, а то не хотят веревки охотников вязать, не хотят охотники волков бить, а волки не хотят коз душить, не хотят козы былинку грызть, а былинка не хочет меня колыхать!

Не послушался и огонь.

— погоди же, огонь, найшу я на тебя воду! Полетел воробей к речке:

— Вода, вода, иди огонь тушить, а то не хочет огонь веревок жечь, не хотят веревки охотников вязать, не хотят охотники волков бить, не хотят волки коз душить, не хотят козы былинку грызть, а былинка не хочет меня колыхать!

Не послушалась и вода.

— погоди ж ты, вода, найшу я на тебя волов! Полетел воробей к волам:

— Воны, воны, идите воду пить, а то не хочет вода огонь тушить, не хочет огонь веревок жечь, не хотят веревки охотников вязать, не хотят охотники волков бить, не хотят волки коз душить, не хотят козы былинку грызть, а былинка не хочет меня колыхать!

Не послушались и воны.

— погодите ж, воны, найшу я на вас долбню! Не послушалась и долбня.

— погоди ж ты, долбня, найшу я на тебя червей! Не послушались и черви.

— погодите же, черви, найшу я на вас кур! Полетел воробей к курам, стал их просить, чтоб в беде помогли.

— Ладно, — ответили куры, — поможем! Пошли куры червей клевать, — и теперь клюют. Пошли черви долбню точить, — и теперь точат. Пошла долбня волов бить, — и теперь бьет. Пошли воны воду пить, — и теперь пьют. Пошла вода огонь тушить, — и теперь тушит. Пошли веревки охотников вязать, — и теперь вяжут.

Пошли охотники волков бить, — и теперь бьют. Пошли волки коз душить, — и теперь душат. Пошли козы былинку грызть, — и теперь грызут. Стала былинка воробья колыхать, — и теперь колыхет.

Вдовий сын

Приключилась в некотором государстве большая беда: налетел откуда-то девятиглавый змей Чудо-Юдо и украл с неба солнце и месяц.

Плачут люди, горюют: и темно без солнца, и холодно.

А жила в тех краях одна бедная вдова. Был у нее маленький сын - так лет пяти. Трудно жилось вдове в голоде да холоде. И была одна только у нее утеха, что растет сынок разумный да удалый.

И жил там поблизости богатый купец. Был у него сын таких же лет, как и вдовий.

Подружился купеческий сын со вдовым. Бывало, только проснется, так и бежит к нему играть. Позабавятся они в хате, при лучине, а потом идут на улицу. Известное дело, дети малые: надо ж им в каталки поиграть и на речку сбегать.

И все бы хорошо, да вот беда - невесела игра без солнца.

Однажды и говорит вдовий сын купеческому:

- Эх, кабы ел я то, что ты, то стал бы я богатырем и одолел бы Чудо-Юдо, отобрал бы у него солнце-месяц и опять бы на небе повесил!

Пришел купеческий сын домой и рассказал отцу, что ему вдовий сын говорил.

- Не может этого быть! - удивляется купец, - Ступай вызови его на улицу - хочу сам услышать.

Пошел купеческий сын к дружку, зовет его погулять.

- Я есть хочу, - говорит вдовий сын. - А у нас и куска хлеба нету...

- Пойдем на улицу, я тебе вынесу хлеба. Вернулся купеческий сын домой, взял краюшку хлеба, вынес другу.

Поел вдовий сын хлеба, повеселел.

- Ты помнишь, что ты мне вчера говорил про Чудо-Юдо? - спрашивает купеческий сын.

- Помню.

И повторил слово в слово, что говорил про Чудо-Юдо. А купец стоял за углом и все слышал своими ушами.

“Эге, - подумал он про себя, - это, видно, не простой хлопец. Надо взять его к себе. Посмотрим, что получится”.

Взял купец к себе в дом вдовьего сына, начал его кормить тем, что и сам ел. Видит, и вправду растет вдовый сын, как на дрожжах. Спустя год или два сделался он таким сильным, что и самого купца мог побороть. Написал тогда купец царю: “Так, мол, и так, ваше царское величество, живет у меня вдовый сын, он берется, когда вырастет, одолеть Чудо-Юдо и вернуть на небо солнце с месяцем...”

Царь прочитал и пишет ответ: “Тотчас доставить мне вдовьего сына во дворец”.

Запряг купец пару лошадей, посадил вдовьего сына в повозку и повез его к царю.

- Чем тебя, вдовый сын, кормить, чтобы вырос ты богатырем? - спрашивает царь.

- Кормите меня три года воловьей печенью, - отвечает вдовый сын.

А царю-то волон не покупать: велел - и стали резать волон и кормить печенью вдовьего сына.

Растет теперь вдовый сын лучше, чем на купецких харчах. Играет в царских палатах с царевичем-однолетком.

Прошло три года. Говорит царю вдовый сын;

- Теперь я пойду Чудо-Юдо искать. Но хочу, чтобы сын твой и купеческий сын были при мне в товарищах. Все же веселей в дороге.

- Хорошо, - соглашается царь, - пусть с тобой идут. Только бы Чудо-Юдо одолели.

Послал он купцу письмо, чтобы сын его во дворец явился. Не хотелось купцу отпускать сына в дальнюю дорогу, да с царем-то спорить не будешь.

Приехал купеческий сын в царский дворец. Тогда вдовый сын и говорит царевичу:

- Скажи отцу, чтоб он выковал мне булаву пудов этак на шесть. Будет хоть чем от собак отбиваться, а то я боюсь их.

- И мне, - говорит купеческий сын, - хоть пуда на три...

- А я что ж, хуже вас, что ли - мне тоже надо взять в дорогу булаву, хоть пуда на два, - говорит царский сын.

Пошел он к отцу. Велел царь кузнецам выковать хлопцам по булаве: вдовьему сыну на шесть пудов, купеческому - на три пуда, своему - на два.

Взял вдовый сын свою булаву, вышел в чистое поле и кинул ее в небо. Пробыла булава в небе часа три и летит назад. Подставил вдовый сын правую ладонь. Ударилась булава об ладонь и переломилась надвое.

Рассердился вдовый сын и говорит царскому сыну:

- Скажи отцу, чтоб не обманывал! С такой булавой и я пропаду и вы. Пускай велит кузнецам сковать мне булаву крепкую да большую - пудов на шестнадцать.

- А мне пудов на шесть - говорит купеческий сын.

- А мне на три! - говорит царский сын. Пошел он к отцу. Созывает царь к себе кузнецов:

- Вы, такие-сякие, что вы себе думаете! Почему слабую булаву сковали вдовьему сыну?

И дает им наказ выковать три новых булавы, побольше да покрепче.

Кузнецы стук да бряк - выковали три новых булавы.

Взял вдовый сын свою булаву, вышел в чистое поле и подбросил ее в небо. Пробыла булава в небе с утра до вечера и летит назад. Подставил вдовый сын колено - булава ударилась об него и надвое переломилась.

Пошел вдовый сын с друзьями сам к царю:

- Коли вы хотите, чтобы я Чудо-Юдо одолел и солнце-месяц у него отобрал, то прикажите медникам, пускай отольют мне медную булаву пудов на двадцать пять, да чтоб она не ломалась. Купеческий сын говорит:

- А мне на девять пудов! Царский сын говорит:

- А мне и на шесть хватит.

Позвал царь медников и велел им отлить без всякого обмана три булавы: одну на двадцать пять пудов, вторую на девять, а третью - на шесть.

Взял вдовый сын медную булаву в руки, повеселел - понравилась она ему. Потом вышел в чистое поле, кинул булаву в небо. Залетела булава за самые высокие

облака. Целый день и целую ночь ходил вдовый сын по полям, по лугам, ждал булаву. Наконец рано утром слышит: летит булава из-за туч. Подставил вдовый сын плечо - булава ударилась и покатилась наземь.

- Вот это булава настоящая! - говорит он. - С такою булавой можно куда хочешь собираться, с Чудом-Юдом поганым сражаться.

Купеческий сын и царский тоже рады - добрые им булавы отлили медники!

Тогда вдовый сын и говорит друзьям:

- Ступайте с отцами проститься. Пора нам в путь-дорогу.

Царский сын пошел, а купеческий отказался:

- Зачем мне время тратить: я уже с отцом простился, когда сюда ехал.

Собрались хлопцы и тронулись в большую дорогу.

Одно царство прошли, второе, третье - дошли до калинового моста. Видят - стоит поблизости старенькая хатка.

- Давайте, - говорит вдовый сын, - тут заночуем, денек-другой отдохнем. А то неизвестно еще, какая дорога нам предстоит.

Зашли они в хатку. А там старенькая бабулька пряжу прядет. Поздоровались с нею хлопцы и просят переночевать:

- Мы, бабка, с дальней дороги, больно устали...

- Ночуйте себе на здоровье, - говорит старушка. - Кто по дорогам ходит, тот хаты с собой не носит.

Разговорился вдовый сын с бабушкой и проведал, что попали они в царство поганого змея Чуда-Юда: как раз туда, куда им и надо!

Ночь наступила. Вдовый сын думает: "Надо бы дозор на калиновом мосту выставить, чтобы никто невзначай не напал".

Посылает он на стражу царского сына.

Взошел царский сын на калиновый мост, походил немного и думает:

"Что мне стоять тут на виду? Если будет кто идти или ехать, то увидит меня.

Пойду-ка я лучше да лягу под мостом - там поспокойнее будет".

Так он и сделал.

Тем временем не спится вдовьему сыну: “Надо, - думает, - проверить, стоит ли царский сын на страже”.

Вышел он в полночь на калиновый мост, смотрит, а сторожа-то и нету!

Пока он искал царского сына, глядь - едет на охоту трехглавый змей, младший брат Чуда-Юда. На средней голове у него зоркий сокол сидит, сбоку быстроногая борзая бежит. А конь только ступил на мост, сразу заржал, борзая залаяла, а сокол закричал.

Ударил младший Чудо-Юдо коня промеж ушей:

- Ты чего, травяной мешок, заржал? А ты, собачье мясо, чего залаяла? А ты, ястребиное перо, чего криком кричишь? Если супротивника моего чуеи, то здесь его и близко нету. Есть у меня один только супротивник, но тот живет за тридцать земель, в тридесятом царстве. Это - вдовый сын. Но сюда и ворон костей его не занесет!

Услыхал такие слова вдовый сын и говорит:

- Доброго молодца не ворон кости заносит - он сам приходит!

Испугался змей:

- Так ты здесь, вдовый сын?

- Здесь, нечистая сила!

- Ну, что будем делать - биться или мириться?

- Не для того я шел дальний свет, чтобы с вами, погаными, мириться, а для того, чтобы биться!

- Так готовь ток! - крикнул змей. Вдовый сын отвечает:

- Тебе надо - ты и готовь! У тебя три духа, ты и дуй, а у меня один. Я к панской роскоши не привык: могу и на сырой, земле биться.

Слез Чудо-Юдо с коня, дохнул в три духа, и стал ток гладкий на три версты.

Начали они биться.

Три часа бились. Одолел вдовый сын младшего Чудо-Юдо, сбил ему все три головы. Коня на зеленый луг пустил, борзую и сокола - в чистое поле. А сам в хатку вернулся и лег спать.

Поутру приходит царский сын из дозора.

- Ну, как тебе там сторожилось? - спрашивает вдовый сын. - Может, кто шел или ехал?

- Нет, - говорит царский сын, - за всю ночь и птица даже близко не пролетала...

“Ненадежный ты у меня товарищ, - думает вдовый сын. - Надо, видно, больше на себя полагаться”.

На следующую ночь посылает он на калиновый мост купеческого сына. Походил купеческий сын по мосту и думает себе: “И чего мне здесь своей головой рисковать? Пойду-ка я лучше под мост, спать лягу”,

Так он и сделал.

Вышел вдовый сын в полночь на мост проверить, стоит ли на страже его товарищ. Посмотрел туда-сюда - нету! Вдруг видит - въезжает на калиновый мост Чудо-Юдо о шести головах. Поднялся конь на дыбы, громко заржал, борзая залаяла, сокол закричал. Чудо-Юдо хватить коня промеж ушей:

- Ты чего, травяной мешок, заржал? А ты, собачье мясо, чего залаяла? А ты, ястребиное перо, чего криком кричишь? Здесь нет супротивника, равного мне по силе. Есть он, правда, да за тридевять земель, в тридесятом царстве, - вдовый сын. Да сюда и ворон костей его не занесет!

А вдовый сын отвечает:

- Доброго молодца ворон костей не заносит - он сам приходит!

- А-а, так ты здесь, вдовый сын?

- Здесь, нечистая сила!

- Ну что ж: биться будем или мириться?

- Не для того шел я дальний свет, чтобы с вами, погаными, мириться, а для того, чтобы биться!

- А я бы тебе советовал, вдовый сын, лучше мириться, а то я тебя убью.

- Убьешь, тогда и говорить будешь.

- Ну так готовь ток! - заорал Чудо-Юдо.

- Тебе надо - ты и готовь. У тебя шесть духов, а у меня один. Мне и без тока хорошо: я мужицкий сын, к роскоши не привык, могу и на сырой земле биться.

Слез Чудо-Юдо с коня, дохнул в шесть духов, и стал ток гладкий на шесть верст. Начали биться.

Бились шесть часов. Вдовый сын сбил Чуду-Юду все шесть голов. Коня на зеленый луг пустил, борзую и сокола - в чистое поле. А сам в хатку вернулся и лег спать.

Наутро приходит сторож, будит вдовьего сына:

- На чужой стороне долго спать не положено. Я вот целую ночь и глаз не смыкал...

Подумал вдовый сын: "И на этого товарища малая надежда. Надо только на себя надеяться".

Настала третья ночь. Вдовый сын отправил старушку ночевать в овин, а сам воткнул в стену нож, поставил кубок и говорит друзьям:

- Ежели в этот кубок капнет с ножа кровь, то бегите мне на помощь.

А чтоб друзья не уснули, он дал им карты и велел играть.

Но только вышел он за порог, как те бросили карты и легли спать.

Пришел вдовый сын на калиновый мост, стал на стражу. Ровно в полночь видит - въезжает на калиновый мост самый старший Чудо-Юдо о девяти головах. На груди у него месяц сияет, на средней голове солнце сверкает. Конь под ним на колени упал, громко заржал, борзая залаяла, сокол закричал.

Чудо-Юдо ударил коня промеж ушей:

- Ты чего, травяной мешок, заржал? А ты, собачье мясо, чего залаяла? А ты, ястребиное перо, чего криком кричишь? Говорит конь:

- Эх, хозяин, в последний раз ты на мне на охоту едешь...

- Ты что, волчье мясо, врешь! Тут нету моего супротивника. Есть только за тридевять земель, в тридесятом царстве вдовый сын, да сюда и ворон костей его не занесет.

Вышел вдовый сын вперед и отвечает:

- Доброго молодца ворон костей не заносит - он сам приходит!

- Ах, так ты здесь, вдовый сын?

- Здесь!

- Ну что ж ты хочешь: биться или мириться? Я советовал бы тебе лучше мириться: молод ты еще, чтоб со мною силой меряться.

- Молод ли - не молод, а не для того я шел дальний свет, чтоб с тобой, вор поганый, мириться, а для того, чтобы биться.

- Ну уж если ты отважился биться со мной, то готовь ток. Посмотрю, какая в тебе сила.

- Мне ток не нужен: я и на сырой земле могу биться! А ты готовь себе, коль привык ходить по чистому.

Слез Чудо-Юдо с коня, дохнул - на девять верст сделался ток гладкий.

Начали биться.

Бились, бились - вдовый сын Чуду-Юду три головы сбил, а одолеть не может.

“Где же мои товарищи? - думает он. - А не спят ли они?”

Просит вдовый сын у Чуда-Юда передышки:

- Цари-короли воюют, да и то передышку имеют: давай и мы сделаем!

- Давай, - говорит Чудо-Юдо.

Отошел вдовый сын в сторону, снял с левой руки рукавицу да как кинул ее в хатку, где остались товарищи, - всю крышу снес начисто. А друзья повернулись на другой бок и спят себе, как спали.

Видит вдовый сын - нету подмоги.

Начали опять биться. Бились, бились - сбил вдовый сын еще три головы у Чуда-Юда, сам по колено в крови стоит, а с последними головами справиться не может.

Опять просит он передышки.

- Что это ты, - ухмыляется Чудо-Юдо, - все передышки просишь?

- А разве времени у нас мало?

- Ну, давай передохнем.

Улучил вдовый сын минутку, когда враг отвернулся, и кинул вторую рукавицу в хатку. Хатку по самые окна снесло, а дружки спят, как спали.

Передохнули немного, да и начали опять биться. Вдовый сын уже чуть не по пояс в крови стоит, а с последними головами справиться не может: силы не хватает.

Тем временем и светать начало. “Друзья уж, наверно, выспались, - думает вдовый сын. - Надо им еще разок о себе напомнить”.

Говорит он опять Чуду-Юду:

- Цари-короли воюют, да и то передышку имеют. Давай мы и в третий раз передохнем. А тогда уж до конца будем биться.

Чудо-Юдо тоже ослаб.

- Ладно, - говорит, - давай передохнем. Снял вдовый сын сапог с левой ноги и швырнул его в хатку.

Долетел сапог до хатки и развалил ее до самого подпола. Вскочили с постели его друзья, видят - полон кубок крови; с ножа натекло...

- Ну, - говорят, - видно, плохо нашему товарищу, если так.

Схватили они свои булавы и бросились на калиновый мост. Как увидел их Чудо-Юдо, так и затрясся:

- Ах, вдовый сын, теперь-то я знаю, зачем ты передышки просил да сапог с левой ноги бросал! Перехитрил ты меня...

И как взялись друзья бить втроем Чудо-Юдо со всех сторон, уж тот не знает, на кого и нападать.

Сбили они последние три головы. Тут Чуду-Юду и конец настал.

Взял тогда вдовый сын солнце и месяц и повесил их на небо. И враз стало на всей земле светлым-светло. Выбежали люди на улицу, радуются, любят, на солнце греются-Вернулись друзья к старушке, поставили ей новую хатку, да лучше той, что была, и решили перед дорогою немного отдохнуть.

Царский и купеческий сыновья спят себе, гуляют, а вдовый все думает: “Ни одного Чуда-Юда больше нету на свете, но остались еще их жены - ведьмы. Как бы не наделали они какой беды!”

Оставил он друзей, а сам переоделся и пошел в палаты, где жили все три Чуда-Юда.

- А не надо ли вам работника? - спрашивает он ведьм.

- Да, надо, - отвечает самая старая ведьма. - Мы ведь теперь осиротели: некому работать. Всех троих наших мужей вдовый сын поубивал. Но ничего, мы его сживем со свету!

- А как же вы его сживете? - спрашивает работник. - Он ведь, как видно, сильно силен.

- У него сила, а у нас колдовство, - говорит жена младшего Чуда-Юда, - Вот будет он ехать со своими помощниками назад в свое царство, а я и разольюсь по пути родником: напьются они воды - и конец им.

- А если это не поможет, - говорит жена среднего Чуда-Юда, - то сделаюсь я сладкою яблоней. Съедят они по яблоку - и больше уж не захотят...

- Без воды да без яблок, - говорит жена самого старшего Чуда-Юда, - они могут и обойтись. А я вот лучше придумала: расстелюсь я на сто верст цветущим лугом. А в стороне тенистую вербу поставлю. Будут они ехать и захотят коней на лугу попасть, под вербой отдохнуть. И только лягут они, так уж больше не встанут. А конь как щипнет три раза травы с того луга, так и ему не жить больше...

А вдовьему сыну только это и надо было. Дождался он ночи, когда ведьмы уснули, вышел из дворца и бегом к друзьям.

На другой день чуть свет пошли они на зеленый луг, поймали каждый себе по коню. Вдовый сын сел на коня девятиглавого Чуда-Юда, купеческий - на коня шестиглавого, а царский - на коня трехглавого Чуда-Юда. И поехали в свое царство.

Едут они полями, едут борами, подъезжают к роднику. И тут царскому сыну и купеческому так пить захотелось, что выдержать не могут.

Вдовый сын и говорит:

- Вы как-никак люди не мужицкого звания. Погодите, я вам сам воды принесу.

Спрыгнул он с коня, подошел к роднику и давай колотить по нему булавой. Разбил так, что одна только грязь да кровь остались. Друзья чуть не плачут:

- Ты зачем это сделал? Мы умираем от жажды...

- Не родник это, - говорит вдовый сын, - а обман только.

Сел он на коня, и поехали они дальше.

Подъезжают к яблоне. И такие на ней яблоки растут - красные да румяные, сами в рот просятся.

Кинулись товарищи к яблоне, а вдовый сын остановил их:

- Погодите! Вы все же люди панского звания - я вам лучше сам яблок нарву.

Подошел он к яблоне, ударил по ней булавой - та враз повалилась и завяла.

- Ты зачем это сделал? Мы бы хоть по яблочку съели.

- Не яблоки это, а смерть наша, - говорит вдовый сын.

Двинулись они дальше. Подъезжают к цветущему лугу. Увидели тенистую вербу, и так всем спать захотелось - никак не удержаться. А кони так копытами и бьют - к цветущей траве тянутся.

Придержал вдовый сын коня:

- Пойду погляжу, можно ли коней на лугу этом пасти.

Подошел он к вербе да как начал ее булавой бить, так луг враз и засох весь, а от вербы одни лишь кости остались.

- Вот видите, какая это верба и какой луг, - говорит он товарищам.

Проехали они сухой луг и остановились ночевать в зеленой дубраве. Коней пустили пастись, а сами поужинали, да и спать легли. Три дня и три ночи проспали. А как проснулись, вдовый сын и говорит друзьям:

- Тут и царство наше уже недалече. Езжайте себе по домам одни. А то ваши отцы давно вас ждут. У меня же отца нету. Я еще по белу свету поброжу, погляжу.

Простился вдовый сын с друзьями и поехал по белу свету гулять.

Долго ли ездил он, или недолго, - приезжает к царю Постоянцу. А был тот царь однобокий, одноглазый, с одною ногой, с одною рукой, на плечах - полголовы, на лице - полбороды. И очень любил он лошадей.

Увидел он коня вдовьего сына и говорит:

- Давай бежать взапуски вокруг дворца. Если я тебя обгоню - коня твоего заберу, а если ты меня обгонишь - отдам тебе свое царство.

Подумал вдовый сын: “Не может быть, чтоб однобокий да одноногий царь меня опередил”. И согласился.

Кинулись они бежать. Вдовый сын и трех шагов не сделал, а одноногий царь уже трижды вокруг дворца оббежал-Забрал царь Постоянец коня вдовьего сына и поставил у себя на конюшне.

Вдовый сын чуть не плачет: жаль ему коня.

Стал он царя просить:

- Какую хочешь службу тебе сослужу, только верни мне назад коня!

Подумал царь Постоянец и говорит:

- Живет в тридевятой земле, в тридесятом царстве баба Каргота. Есть у нее двенадцать дочерей, все как одна: волос в волос, голос в голос и все на одно лицо. Бабин дом обнесен высоким частоколом, и на каждой частоколине человечья голова торчит: это всё тех, что приходили за бабиных дочерей свататься. Только одна частоколина пустая. Так вот: ежели ты сосватаешь за меня младшую дочь бабы Карготы - верну тебе коня.

Подумал вдовый сын: если не согласиться; то не видать ему коня как своих ушей. А согласиться, может, без головы останешься, а может, и с головой, и с конем”

- Ладно, - говорит он царю. - Пойду в сваты. Идет он, идет, глядь - бежит человек по морю, словно по мосту. Загляделся вдовый сын на бегуна.

- Добрый день тебе. Морской Бегун! - поздоровался он.

- Доброго здоровьица, вдовый сын! Куда идешь, куда путь держишь?

- Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочку за царя Постоянна.

- Возьми и меня с собой. Я тебе в беде пригожусь.

- Идем.

Идут они вдвоем. Видят - держит человек одним усом мельницу, что на двадцати жерновах мелет, а другим усом облако в небе подпирает.

- Добрый день тебе, Усач! - Доброго здоровьица, вдовый сын! Куда идешь, куда путь держишь?

- Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянна.

- Возьми и меня с собой.

- Идем.

Пошли они втроем. Шли, шли, видят - пьет человек из озера воду. Целое озеро выпил, а все кричит: "Пить хочу!"

- Добрый день, Водопой!

- Добрый день, вдовый сын! Куда идешь, куда путь держишь?

- Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

- Возьми и меня с собой.

- Ладно, иди с нами.

Прошли немного, видят - грызет человек осиновую колоду и все кричит: "Есть хочу!"

- Добрый день, Обжора!

- Добрый день, вдовый сын! Куда идешь, куда путь держишь?

- Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

- Возьми и меня с собой.

- Ступай с нами.

Подожли к лесу. Встречают человека в тулупе до пят. Стоит он у дороги да все рукавицами - хлоп, хлоп! И только он хлопнет - враз деревья инеем покрываются. ,

- Добрый день, Мороз!

- Доброго здоровьица, вдовый сын! Куда идешь, куда путь держишь?

- Иду к бабе Карготе сватать ее младшую дочь за царя Постоянца.

- Без меня тебе с бабой Карготой не стовориться.

- Так иди и ты с нами.

Пошли они вшестером. Шли, шли и подошли ко двору бабы Карготы. Видят - на всех частоколинах головы торчат, только на одной нету. Вдовый сын и говорит:

- Вот тут моя голова торчать будет!

- Может и торчала бы, - усмеваются товарищи, - если б не мы...

Начали они искать ворота. Да нету нигде их. Тогда Морской Бегун оббежал трижды вокруг двора и нашел ворота.

Вошли они на двор. Стоит баба Каргота на крыльце, дивуется, как могли найти ее ворота эти дорожные люди.

Подошел вдовый сын к бабе Карготе:

- Здравствуй, хозяйюшка!

- Здравствуй, вдовый сын! Ты зачем ко мне явился?

- Пришел сватать твою младшую дочку за царя Постоянца.

- Ну что ж, сватай, коли не шутишь. Но прежде чем дочку сватать - испей пивка из моего погребка. Выпьешь все - выдам дочку за царя Постоянца, а не выпьешь - голову сниму.

- Выпью охотно, - отвечает вдовый сын. - Я с дальней дороги, и пить очень хочется. Да и у дружков моих тоже во рту пересохло.

Велела баба слугам отвести вдовьего сына с товарищами в пивной погреб. Отвели их слуги туда и на замок заперли.

Вдовый сын с друзьями пьют кружками, а Водопой - целыми бочками глотает. Выпьет бочку, стукнет по ней кулаком - та и рассыпается на клепки. Выпил все бочки и кричит во всю глотку:

- Баба Каргота, давай еще пива! Открыла баба Каргота погреб, смотрит - все бочки разбиты, а пиво все выпито!

- Пива у меня, - говорит, - больше нету. А есть пироги. Коль съедите все пироги - будете дочку сватать.

Обрадовались сваты;

- Давай, бабка, свои пироги! Мы с дороги проголодались, крепко есть хочется.

Велела баба слугам открыть другой погреб - с пирогами. Впустила туда сватов. А пирогов-то в погребе целые горы.

Пока другие по пирогу съели, Обжора весь погреб очистил, стену проел и кричит во всю глотку:

- Баба Каргота, подавай еще пирогов! Разозлилась баба: три года пекла она с дочками пироги, а сваты за час все поели. Велела она тогда слугам натопить железную баню. Слуги так натопили, что аж стены покраснели. Говорит баба сватам:

- Помойтесь в моей баньке, переночуйте, а там и о деле потолкуем.

- Ладно, бабка, мы по дорогам находились, сильно запылились, баня нам не во вред.

Повела баба сватов в баню сама. И только вдовый сын подошел к порогу, а Мороз хватить его за плечо и поставил позади себя. Сам вошел первым, надел рукавицы, махнул раз-другой, и миг холодом повеяло. Вошли вслед за Морозом и остальные сваты, а баба закрыла двери и на ключ заперла...

И давай тогда Мороз по бане похаживать, рукавицами помахать:

- Ну как: не слишком холодно? Можно будет спать не укрываясь?

- Баня что надо, - похваливают товарищи. - Не жаркая, не холодная, как раз в меру. Помылись и спать улеглись.

Наутро посылает баба Каргота слуг своих в баню:

- Сходите да выкиньте собакам сватов жареных!

Открыли слуги баню, и выходят оттуда шесть молодцев, все крепкие, как дубы.

Баба так и обомлела: ничего со сватами поделать не может! Вот и говорит она вдовьему сыну:

- Коль узнаешь мою младшую дочку, то будешь сватать ее за царя Постоянца.

А не узнаешь - насажу твою голову на пустую частоколину.

Пригорюнился вдовый сын: "Как же узнать ее, эту младшую дочку?"

- Я узнаю, - шепчет Морской Бегун. - Я их не раз видел, когда приходили они к морю купаться.

- Ладно, - говорит вдовый сын бабе, - веди своих дочек.

Приводит вскоре баба Каргота двенадцать дочерей - все на одно лицо, волос в волос, голос в голос, плечо в плечо - все как одна! Сама вышла наперед, а дочек сзади поставила.

Обошел вдовый сын бабиных дочек трижды, а какая младшая - не узнал: все одинаковы!

Тут Морской Бегун подмигнул и глазами указал на младшую дочку. Взял ее вдовый сын, да и вывел вперед, к бабе Карготе.

- Вот твоя младшая дочь!

Затряслась баба от злости, да ничего не поделаешь: не помогла ей хитрость!

Взял вдовый сын бабину дочку за руку и повел за ворота. Но только они вышли - прыгнула бабина дочка в небо, уселась на облаке и смеется.

Тогда Усач поднял правый ус вверх, подцепил ее, да и снял с облака.

Видит бабина дочка - с такими сватами шутки плохи, и успокоилась.

Пошли сваты домой.

По дороге каждый, как только дойдет до того места, где со вдовьим сыном встретился, там и остается. Морской Бегун занялся своей работой, Усач своей. Водопой своей... А вдовый сын с бабиной дочкой пошли к царю Постоянцу.

Царь натаскал за это время на коне вдовьего сына полную яму смолы и подогревает ее снизу: смола так и кипит. А сверху положил тонкую тростинку.

Приходит к нему вдовый сын.

- Вот, - говорит, - тебе, царь, младшая дочка бабы Карготы: еле высватал! Отдавай теперь назад моего коня.

Показал царь на тростинку и говорит, усмехаясь в однобокую бороду:

- Перейдешь по этому мостку - отдам коня. Посмотрел вдовый сын на тонкую тростинку - страшно ему стало. А бабина дочка толкает его в бок: "Не бойся!"

И никто не заметил, как сунула она под тростинку крепкий стальной прут.

- Ступай, - говорит вдовьему сыну. Он и пошел по тростинке. Перешел и говорит царю Постоянцу:

- Вот что, царь: сослужил я тебе две службы. Ну, так сослужи и ты мне хотя бы одну - перейди по этому мостку, что сам проложил.

- Что ж, - уговаривает царя бабина дочка, - перейди, а то не быть тебе мужем моим.

Видит царь, раз вдовый сын перешел, то и ему бояться нечего.

И только он ступил на тростинку, как бабина дочка - дерг! - и вытащила из-под него стальной прут... Надломилась тростинка, и полетел царь в кипящую смолу да там и остался.

- Ну вот, - говорит вдовый сын, - не рой другому яму, сам в нее попадешь.

Женился он на младшей дочке бабы Карготы и остался жить в том царстве.

И теперь живет-поживает да добра наживает.

Вихревы подарки

Жили-были дед да баба. Жили они бедно-пребедно, ничего у них не было, была только одна кошелка ржи. Вот дед и спрашивает как-то бабу:

— Бабка, бабка, что нам делать с этой рожью?

— Иди на мельницу, смели там рожь — хлеба на печем, — говорит та.

Пошел дед на мельницу, смолол рожь и понес муку домой.

Откуда ни возьмись, налетел вихрь и развеял всю дедову муку. Принес дед домой пустую кошелку.

— Бабка, бабка, что мы будем делать? Вихрь всю нашу муку развеял!..

— А ты иди, дед, к вихрю, взыскивай с него! Пошел дед искать вихря.

Шел-шел, долго шел, пришел в дремучий лес. Смотрит — стоит хатка. Вошел дед в хатку. Сидит в той хатке старуха. спрашивает она:

— Зачем ты, добрый человек, пришел сюда?

— Да вот вихря ищу.

— А зачем тебе вихрь?

— Развеял он мою муку, хочу с него за это взыскать!

— Ну, — говорит старуха, — куда тебе нужно, туда ты и пришел: это вихрева хатка, а я его мать родная!

Накормила она деда и велела дожидаться вихря. Долго ли, скоро ли — прилетел вихрь. спрашивает его мать:

— Зачем ты у этого человека муку развеял? Теперь у него хлеба нет! Вихрь говорит:

— Не тужи, дед, дам тебе за твою муку хороший подарок!

И дает ему скатерть.

Дед спрашивает:

— Что это за скатерть? На что она мне?

— А эта скатерть не простая, — говорит вихрь. — Как скажешь: "Эй, скатерка, скатерка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!" — она тебе все и даст.

Пошел дед домой со скатертью. Отошел немного и думает:

"Дай-ка проверю, не обманул ли меня вихрь". Да и говорит:

— Эй, скатерка, скатерка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!

Скатерка раскатилась, развернулась — и появились на ней разные кушанья, какие только на свете бывают.

Подивился дед, поел, свернул скатерку и пошел домой. И застигла его на дороге ночь. Попросился он в одну хату ночевать. А жила в этой хате богачка. Разбогатела она обманом да хитростью.пустила она старика и стала выпрашивать да выпытывать:

— Откуда, дед, идешь?

— Да вот ходил к вихрю за муку взыскивать!

— Что же тебе вихрь дал?

— А дал он мне скатерку.

— Какая же это скатерка?

— Не простая! Как скажешь ей: "Эй, скатерка, скатерка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!" — она все и даст.

— Положи, дед, свою скатерку в сених: ее у нас никто не возьмет.

Старик послушался и положил скатерку в сени. Хозяйка с ним о том о сем разговаривает, а сама позвала дочку и шепнула:

— Возьми-ка дедову скатерку, а вместо нее положи нашу!

Дочка так и сделала: свою скатерку положила, а дедову спрятала.

Наутро дед встал, сунул скатерть за пазуху и отправился домой.

Приходит и говорит:

— Ну, старуха, теперь будем сыты! Садись-ка за стол!

Сели они за стол. Дед вынул из-за пазухи скатерть и приказал:

— Скатерка, скатерка, раскатысь, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!

А скатерка и не шевельнулась. Рассердилась баба и прогнала деда из хаты.

— Иди опять к вихрю!

Пошел дед снова в дремучий лес. Шел-шел, нашел вихреву хатку. Вошел и стал браниться:

— Бессовестный ты, вихрь! Обманул ты меня! Ничего твоя скатерть не дает!

Привел вихрь баранчика и говорит:

— Вот тебе, дед, баранчик. Как скажешь: "Баранчик, баранчик, встряхнись, дай злата-серебра", он и даст.

Взял дед баранчика и пошел домой.

Шел-шел и зашел на ночлег в ту же хату. Пустила его хозяйка и спрашивает:

— Что это у тебя за баранчик?

— А этого баранчика мне вихрь дал. Как скажу ему: "Баранчик, баранчик, встряхнись, дай злата-серебра", — он и даст.

— А ну, покажи!

— Дай-ка мне, хозяйюшка, рогожку!

Хозяйка принесла рогожку. Дед разостлал рогожку, поставил на нее баранчика и говорит:

— Баранчик, баранчик, встряхнись, дай злата-серебра!

Баранчик встряхнулся, и посыпалось с него злато-серебро.

Хозяйка увидела это и подменила ночью баранчика.

Наутро дед взял хозяйского баранчика и пошел домой. Приходит и говорит старухе:

— Ну, старуха, теперь у нас деньги всегда будут!

Принеси-ка рогожку!

Старуха принесла.

Дед поставил баранчика на рогожку и приказал:

— Баранчик, баранчик, встряхнись, дай нам злата-серебра!

А баранчик стоит, как стоял.

Прогнала бабка деда из избы:

— Ступай к вихрю, взыскивай с него за нашу муку!

Пошел дед опять к вихревой хатке. Выслушал его вихрь и дал ему рожок:

— Возьми, дед, этот рожок. Теперь все твое добро к тебе вернется, только скажи: "Из рога всего много!"

Пошел дед домой и думает: "А ну-ка, испробую я этот рожок!" Да и говорит:

— Из рога всего много!

Выскочили тут из рога молодцы с дубинками и давай бить деда. Хорошо, он догадался крикнуть:

— Все в рог обратно!

Молодцы с дубинками сейчас же в рог скрылись, а дед своей дорогой пошел.

"Ну, — думает, — спасибо вихрю! Научил меня уму-разуму. Знаю, что мне теперь делать!"

Дошел он до хаты, где прежде ночевал, и опять на ночлег попросился. Хозяйка поскорее дверь от крыла, пустила его и спрашивает:

— Что это у тебя, дед, за рожок такой?

— Этот рожок мне вихрь подарил. Он что хочешь даст, только скажи: "Из рога всего много!"

Сказал это дед и вышел из горницы, а рожок на столе оставил. Только он за дверь, а хозяйка схватила рожок и говорит:

— Из рога всего много!

Как только она это сказала, выскочили из рога молодцы и давай ее бить дубинками. Били-били, били-били! Закричала она во всю мочь:

— Дед, дед! Помоги!

— Отдашь мою скатерку и баранчика?

— Я их не брала!

— А, не брала? Ну, так бейте ее, молодцы!

— Ой, дед, отдам, только спаси меня!

Тогда дед говорит:

— Все в рог обратно!

Молодцы с дубинками сейчас же в рог спрятались. Отдала хозяйка деду и ска-терку, и баранчика. Пошел дед домой.

Пришел, принес своей старухе все вихревы подарки, и стали они жить да по-живать без нужды, без горя.

Волк и волчица

Разговорилась однажды волчица с волком.

— Плохо тебе, волк, живется, — вздыхает волчица.

— Почему? — поглядел на нее волк.

— Да ты все по кустам шатаешься, от людей скрываешься.

— Хм, — пробурчал волк, — ты ведь тоже от людей прячешься...

— Нет, я где хочу, там и хожу, и никто меня не видит.

— Ну, уж это ты врешь, голубушка! — не соглашается волк. — Тебя видят так же, как и меня!

— Что ж, — ответила волчица, — верь-не верь, а я правду говорю!

Покрутил волк головою и говорит:

— Коли так, то давай проверим. Я спрячусь в кустах, а ты ступай в поле. По-смотрим, заметят тебя люди или нет.

— Ладно, — согласилась волчица, — посмотрим!

Спрятался волк в кустах, а волчица вышла в поле. Увидели ее пахари и под-няли крик:

— Волк, волк!.. Бей волка!

Услыхал волк из кустов, что его поминают, задрожал от страха и айда в лес. Бежит и думает:

"Странно: ведь волчица на поле вышла и ничего, а я в кустах сидел и меня увидели".

Догнала его волчица и спрашивает:

— Ну что, чья правда?

Отдышался волк и говорит:

— Твоя правда. Ничего не скажешь. Кабы не проверил, никогда б не поверил.

Волк, собака и кот

Жил старик. Так себе жил, небогато. И была у него старая собака. Дед и прогнал ее со двора. Пошла собака в лес, глядит — а там сидит волк. Волк и говорит: Иди ко мне, будем с тобой в дружбе жить!

И пошла собака жить к волку. Лежали они как-то раз в логове, и захотелось им есть.

— Иди, — говорит волк, — погляди: может, кто есть в поле!

Вышла собака, поглядела и говорит:

— Гуси ходят!

—хлопот много, а поживы мало! — отвечает волк. А собака есть хочет, так ей хоть бы и гусятинки! Прошло время, волк снова говорит:

— Выйди-ка погляди: может, еще кто-нибудь ходит! Собака вышла и говорит: — Свины ходят!

— Ну, с ними хлопот много, а поживы мало! Через час-другой волк снова говорит:

— Выбеги: может, кто ходит! Собака выбежала и говорит волку:

— Там конь ходит!

— Ну теперь пойдем!

Волк окунулся в воду, вывалялся в песке и спрашивает собаку:

— Здорово я прикинулся? Не узнать меня?

— Здорово!

Пошли они к коню. Волк зашел ему спереди, встал прямо перед мордой и отряхнулся. Конь глаза зажмурил, а волк его и задушил. Поели они с собакой, та и говорит волку:

— Ну, я теперь научилась, пойду одна.

Пошла она, а навстречу ей кот. Собака и зовет кота:

— Пойдем со мной, я научу тебя давить скотину. Пошли они в лес. Собака приказывает коту:

— Иди погляди: может, кто-нибудь ходит в поле! Кот вышел и говорит:

— Э, хлопот много, а поживы мало! А кот есть просит. Собака и говорит:

— Выйди-ка теперь: может, кто ходит! Кот вышел и говорит:

— Свиньи ходят!

— Э, хлопот много, а поживы мало!

Через час-другой собака опять посылает кота:

— Выбеги: может, кто ходит! Кот выбежал и говорит:

— Конь ходит!

— Ну вот теперь пойдём!

Пошла собака, окунулась в воду, вывалялась в песке, воротилась к коту и говорит:

— Здорово я прикинулась?

— Нет! — отвечает кот.

— Нет, ты скажи, что здорово!

— Ну, здорово!

Собака и пошла к коню, подошла к нему сзади, а тот как хватит ее копытом по лбу, она и покатилась замертво. А кот говорит:

— Вот теперь здорово!

Волшебная дудка

Давно ль это было или недавно, так ли было или не так — теперь никто уж о том не знает.

Ну, так расскажем вам то, что деды своим внукам рассказывали, а внуки — своим внукам.

Когда-то жили люди в одной стране в мире и согласии. Земли много, всюду просторно — один другому не мешали, а случится с кем беда — друг другу помогали, беду одолевали.

Да вот повадился летать откуда-то в те края страшный-престрашный змей. Начал он летать, людское добро забирать, к себе в змеево логово таскать.

Наташил добра — и девать некуда! Задумал он тогда хоромы себе строить. А сам работать не умеет да ленится. Не привык змей работать. Начал людей он ловить, в свое, змеево, логово носить.

Наловит людей и заставляет их строить хоромы, глубокими рвами их окапывать, высокими насыпями обсыпать, густой оградой окружать. А своим слугам — тиунам и гайдукам велит людей не жалеть, бить и наказывать их.

Работают люди на змея, день и ночь трудятся, горюют, свою горькую долю проклинают, прежде времени умирают.

А змей хватает все новых людей. Понастроил себе людским трудом столько хором, что не счесть, проложил между ними дороги, нагородил оград да частоколов.

Пухнут люди с голоду, мрут как мухи. И чем дальше, тем хуже: нету от змея спасения.

Но вот состарился змей, ослаб и лежит, еле дышит, не может уже хватать людей и таскать их добро.

Тем временем змеевы слуги — тиуны и гайдуки сами панями заделались и начали из змеевых хором расползаться, за людьми гоняться. И стало людям еще горше от панов, чем от того змея. Нигде от них не укроешься: все царство заполонили.

А чтоб не быть на людей похожими, повыдумали себе паны разные новые имена да прозвища. Кто Волком назвался, кто Медведем или другим зверем, кто Коршуном, Вороной, а кто деревом каким-нибудь. Простых же людей они теперь иначе как “быдлом” не называли.

Служат люди змею, служат панам, последнее отдают, а сами в голоде да холоде за работою света не видят.

Вот так и живут. Одни умирают, другие рождаются, а облегчения нет никакого. И никто не знает, что делать, чтоб житье изменить.

И вот родился в том краю мальчик. Был он такой уж слабенький — как сизмальства занедужил, так и поправиться никак не может. Такой вышел хилый, что даже паны его не трогают, на панщину не гонят: никому он ненужный.

Подрос он, вошел в годы, а все с детьми играет, как маленький. И прозвали его люди Иванкой-Простачком.

Сидит Иванка-Простачок зимой на печи, игрушки из лучинок складывает, а летом песок на завалинке пересыпает.

Зашли однажды в ту деревню, где жил Иванка-Простачок, трое старцев, калик перехожих. Куда они не зайдут — везде пусто, ни живой души: всех паны на работу погнали.

Увидели старцы на завалинке Иванку и зашли к нему во двор отдохнуть.

Сели они, передохнули, трубки табаком набили. Пошарили в карманах — нету ни у кого кресала, чтоб огонь выкресать. Просят старцы у Иванки огня. Пошел Иванка в хату, набрал с загнетки угольков и вынес старцам.

Закурили старцы трубки, поблагодарили Иванку и спрашивают, что он дома делает.

— Песок на завалинке пересыпаю, — отвечает Иванка. — А что ни делай — все на панов идет.

Послушали калики перехожие Иванку, головами покачали, потом взяли лиры и громко заиграли.

В первый раз заиграли — большой ум Иванке дали.

Во второй раз заиграли — дар к слову и музыке дали.

В третий раз заиграли — на панов гнев в сердце нагнали.

Ушли старцы, и чует Иванка, как стало светло у него в голове, как гнев на панов закипел в сердце... Стал он за дело приниматься, в дорогу собираться.

Сделал себе дудку-веселушку да так заиграл, что не только люди, а звери и птицы заслушались.

Начал Иванка по людям ходить, на волшебной дудке играть, правду про змея и слуг его сказывать.

Стали у людей глаза открываться. Увидели они, что великая неправда на свете живет: одни пануют, другие горюют, одни богатству счету не знают, а другие с голоду помирают.

И куда ни придет Иванка — люди там ума от него набираются, за косы и топоры хватаются.

Думают паны, гадают, как бы Иванку со свету сжить. Начали они войско собирать, Иванку искать. Слышат голос на востоке — шасьт туда. Сабли звенят, пики, как лес, торчат, пушки, как гром, гремят, а Иванки нигде не видать...

Остановятся паны с войском, стоят, слушають. Вдруг слышат голос на западе — Иванкина дудка играет, людей научает, на великий бой подымает. Только щекот идет-гуляет от села к селу, от края до края.

Кинутся паны на запад. Кони вихрем летят, сабли звенят, пушки стреляют, а где Иванка — не знают.

И с той поры нету ни днем, ни ночью змеевым слугам покоя. Только дудку заслышат, аж мороз по коже пробегает: ждуть беды, как вол долбни.

А дудка посвистывает, дудка играет, щекот далеко по свету гуляет, людей собирает. Его ни поймать, ни пушками расстрелять. Всюду дорогу он пробивает, никаких преград не знает.

Играет дудка, играет, панов тревожит, а придет пора — их всех уничтожит.

Воробей и мышь

Жили по соседству воробей и мышь: воробей под стрехой, а мышь в норке в подполе. Кормились тем, что от хозяев перепадало. Летом еще так-сяк, можно на поле или в огороде что-нибудь перехватить. А зимой хоть плачь: воробью хозяин силоч ставит, а на мышь - мышеловку.

Надоело им так жить, и задумали они ляду копать, хлеб сеять.

Вскопали ладную делянку.

- Ну, что поседем? - спрашивает воробей.

- Да то, что люди сеют, - отвечает мышь. Собрали семян и посеяли пшеницу.

- Что будет твое, - спрашивает мышь воробья, - корешки иль вершки?

- Сам не знаю.

- Бери корешки, - советует мышь.

- Ладно, пускай будут корешки.

Настало лето. Пспела пшеница. Мышь сжала колосья, а воробью оставила солочу.

Отнесла мышь колосья в свою нору, смолотила, смолола, напекла пирогов да и ест себе зимою. Хорошо живет, нужды не знает.

А воробей попробовал солому - невкусная!

Пришлось ему на мусорной яме, голодному, зимовать.

Наступила весна. Мышь вылезла из норы, увидела воробья и спрашивает:

- Ну, как, соседушко, зимовалось?

- Плохо, - говорит воробей, - еле выжил: невкусная наша пшеница уродилась.

- Так давай этим летом будем морковь сеять, она сладкая. Все зайцы любят ее.

- Давай, коль не врешь! - подскочил воробей от радости.

Вскопали они новую лядину, посеяли морковь.

- Что ж твое будет, - спрашивает мышь у воробья, - корешки иль вершки?

- Вершки, - говорит воробей. - Боюсь брать корешки: я уже раз на пшенице обжегся.

- Ладно, бери вершки.

Выросла морковь. Взял воробей вершки, а мышь - корешки. Отнесла она свои корешки в нору и ест себе помаленьку.

А воробей попробовал вершки, а они-то не лучше пшеничных корешков...

Нахохлился воробей, чуть не плачет. Летит ворона. Увидела воробья.

- Ты чего, воробей, нахохлился? - спрашивает.

Рассказал ей воробей, как они с мышью пшеницу и морковь сеяли.

Выслушала его ворона и расхохоталась во все горло:

- Глупый ты, воробей! Мышь тебя обманула... В пшенице самое вкусное это вершки, а в моркови - корешки.

Рассердился воробей, прискакал к мыши.

- Ах ты, негодница, ах ты, обманщица! Я с тобой биться буду.

- Ну, что ж, - говорит мышь, - давай биться!

Пригласил воробей к себе в помощники дроздов и скворцов, а мышь - крыс да кротов.

Начали они биться. Долго бились, да никто никого не одолел.

Пришлось воробью отступить с войском своим к мусорной яме.

Увидела это ворона:

- Ха-ха, воробей, и слабых же ты помощников выбрал! Позвал бы ты морского сокола, тот враз бы всех мышей, и крыс, и кротов проглотил.

Полетел воробей на море, кликнул морского сокола.

Прилетел сокол и все мышинное войско проглотил. Одна только мышь, та, что воробья обманула, осталась: спряталась в нору.

Наступил вечер. Полетел сокол ночевать на ржанище. Сел на камне и крепко уснул. А воробей пощебетал на радостях и под стреху забрался.

Тем временем хитрая мышь побежала в поле к пастухам, схватила головешку и подпалила ржанище, где спал сокол. Взвился огонь, зашумел - разгорелся и опалил соколу крылья.

Проснулся сокол, а у него крыльев-то и нету... Погоревал он и двинулся пешком к морю. Заметил его по дороге охотник, хотел застрелить, а сокол и говорит ему:

- Не стреляй меня, добрый человек. Возьми лучше с собой: когда отрастут у меня крылья, я тебя за это отблагодарю.

Взял охотник сокола. Целый год кормил его и за ним ухаживал.

Отросли у сокола крылья, вот и говорит он охотнику:

- А теперь возьми меня на охоту. Я буду тебе зайцев и птиц ловить.

С той поры и служит сокол помощником у охотника.

Два мороза

Гуляли по полю два мороза, два родных брата — мороз Синий-нос и мороз Красный-нос.

Гуляют-погуливают морозы, друг дружку похваливают. А ночь светлая, светлая. Просторно морозам на воле.

А тихо, так тихо, будто живой души не осталось на свете. Перебежали морозы с поля на лес. Бегают, пощёлкивают, с дерева на дерево перепрыгивают, зайчиков пугают. Из лесу в деревню заскочили и давай по крышам стрелять!

— Эге, — говорит мороз Синий-нос, — все попрятались, боятся на двор вылезть.

— Пусть только вылезет кто-нибудь — зададим ему страху, — отвечает мороз Красный-нос.

Стало светать. Повалил из труб дым густой. Заскрипели колодцы. Повыходили мужчины из хат. Кто молотить пошёл, кто в лес по дрова собирается.

— Погоди-ка, брат, — сказал мороз Красный-нос. — Давай побежим с тобой на дорогу в поле.

И побежали они опять в поле. Стоят рядышком, путников поджидают.

Заскрипели сани на дороге. Зазвонил где-то звоночек под дугою.

В санях селянин сидит, коника погоняет. А за санями ухарский возок плывёт, звоночек звенит.

— Ну, погодите-ка, — говорит мороз Синий-нос. — Ты беги за мужиком, а я за паном.

И побежали они путников морозить.

Долго бежал мороз Синий-нос, пока пана догнал. Наконец догнал, под шубу залез. Тепло выгоняет оттуда. Поёживается пан, ноги зябнут, холод по телу пошёл, панский нос посинел. А мороз Синий-нос только посмеивается. Чуть до смерти пана не заморозил.

А мороз Красный-нос догнал селянина и давай его морозить.

— Эге, мороз не шутит, — говорит селянин. Слез он с саней, ногами топает, по плечам руками хлопает. Пробежал так с полверсты, ему и жарко стало. Сел себе в сани, едет — и горя мало.

— Ну, погоди же, брат: пройму я тебя, когда дрова рубить будешь.

Заехал человек в лес. А мороз Красный-нос обогнал его, в лесу ждёт. Выпряг коника селянин, топор взял да как начал рубить — жарко стало ему. Сбросил кожух. А мороз обрадовался: залез в кожух и давай там белые кросна ткать.

Сделал кожух белым как снег.

Нарубил дров человек, к тулупу идёт, а он весь обмёрз.

— Эге, братец, да ты здесь?

Взял кнутовище да как стал молотить — чуть живой выскочил мороз Красный-нос и прямо в лес.

Рассердился мороз Красный-нос на селянина, но ничего с ним поделаться не может.

Дятел, лиса и ворона

Выдолбил дятел в осине дупло, сделал гнездо и вывел деток — трёх дятликов.

Растут маленькие, и радуется дятел. “Выращу, — думает, — деток — будет мне в старости помощь”.

Но недаром говорится: “Кабы у дятла да не длинный носок, никто б его не нашёл!” Не умел он радоваться про себя, а раструбил на весь лес о своих детях. Кого ни встретит — всем хвастается: “Ох, и какие же у меня славные детки! И умные и пригожие. Других таких деток ни у кого на свете нету!..”

Прослышала об этом лиса. Захотелось ей отведать молодых дятловых птенчиков. Но как их достать из гнезда? Лазить на деревья лиса не умеет.

Растит дятел деток — кормит, поит, а лиса у осины похаживает, скалит зубы да всё думает, как бы ей дятловых птенчиков со свету сжить.

И придумала наконец.

Подходит раз к осине и давай хвостом по дереву стучать.

Высунул дятел голову из дупла:

— Ты что, лисичка, делаешь? Зачем моих деток пугаешь?

— Вот как? — говорит лиса. — А у тебя и дети есть?

— Есть, — говорит дятел. — И такие славные детки!

— Ну так гони их вон, да и сам выбирайся, а то я сейчас дерево буду рубить...

— Зачем тебе дерево это?

— Как это — зачем? Распилю на дрова, печь топить буду.

— Ой, лисичка, ой, матушка, — начал упрашивать дятел. — Дай сперва деток выкормить, а потом и руби дерево. Куда ж я теперь с малышами-то денусь?

А лиса ещё сильнее стучит хвостом по дереву:

— Не могу я ждать, пока ты детей выкормишь! Кто ж виноват, что ты как раз на этой осине гнездо устроил! Разве мало было деревьев в лесу?

— Оно-то правда, — говорит дятел, — деревьев в лесу много, но кто мог знать, что вот эта старая, гнилая осина понадобится тебе на дрова!

— Прежде чем гнездо делать, надо было у меня спросить, — злится лиса. —

Сам виноват! Почесал дятел свою пёструю голову:

— Что же мне, лисонька, делать? Посоветуй.

Облизнулась хитрая лиса, повертела хвостом и говорит;

— Сбрось мне одного дятлика, тогда не буду рубить дерево.

Подумал дятел — жаль дитяtko, да что делать: хоть двое ему останутся. И сбросил одного птенчика. Подхватила его лиса, побежала за куст и съела.

На другой день приходит опять:

— Сбрось ещё одного дятлика, а то дерево буду рубить, — и давай хвостом по осине стучать.

Как ни упрашивал дятел, а пришлось ему ещё одного сбросить.

Понравились лисе дят-ловы птенчики. Спустя денёк пришла снова. Жаль дятлу последнее дитя отдавать. Он и говорит:

— погоди, лисичка, хотя бы до завтра. Дай ещё хоть немного дитяtkoм утешиться.

— Ладно, — согласилась лиса. — Приду завтра.

Сидит дятел в дупле, горюет и всё думает, как бы ему спастись от лисы. Да ничего придумать не может.

А тем временем прилетает в гости к дятлу его кума — серая ворона.

— Так, мол, и так, — говорит ей дятел, пове-сив нос. — Не до гостей мне, кумушка: последнее дитяtko лиса забирает...

Ворона была птица старая и умная, не такая, как другие.

— Дурень, — говорит она, — а ты не отдавай!

— Тогда лиса дерево срубит, всё равно нас загубит.

— Это она только пугает. Как придёт она завтра, ты скажи ей: “Руби себе, я тебя не боюсь!”

Обрадовался дятел, поблагодарил куму ворону за умный совет и даже хорошо её угостил жуками-короедами.

Прибегает на другой день лиса.

— Ну, дятел, — говорит, — давай, что обещал, а то сейчас дерево срублю,

А дятел высунул свой длинный нос из дупла и говорит:

— Руби себе, я тебя не боюсь! Удивилась лиса: откуда дятел ума-разума набрался?

— Кто это тебя научил так говорить? — спрашивает она.

— Моя свояченица, ворона-кума! — смело ответил дятел.

Обозлилась лиса на дятлову куму — серую ворону.

“Постой же, — думает, — я этого тебе не прощу!”. И ушла, глотая слюну.

Думала она, думала, как бы отомстить вороне, и наконец надумала. Выбежала на полянку, легла и прикинулась мёртвой.

Увидела это с дерева ворона. “А-а, — обрадовалась, — неплохая еда валяется”.

Тут она крыльями мах, мах — и вмиг возле лисы очутилась. Сперва клюнула её в хвост, чтоб проверить, вправду ли лиса мёртвая.

А та даже не шелохнулась. Лежит как неживая.

Ворона осмелела, подпрыгнула к голове и уже собралась было клюнуть в глаза, а лиса как схватится и цап ворону за ногу!

— Ага! — засмеялась лиса, оскалив зубы. — Попалась ты мне на обед вместо дятлова птенчика! Будешь знать, как дятла учить.

— Ну что ж, — говорит ворона, — ты перехитрила меня. Теперь я только одного боюсь: чтоб ты не мучила меня так, как твоя мать мою мучила.

— А как же она мучила? Я что-то не припомню.

— Да ты тогда маленькою была...

— Так расскажи.

— Ладно, расскажу, — согласилась ворона. — Дело было так. Твоя мать поймала мою мать. Вот как ты меня сейчас...

— Ну понятно, — перебила её лиса. — Моя мать была не такая глупая, как твоя.

— Да-да, — ответила ворона. — Она и вправду была умная, не захотела есть мою мать с перьями: перья-то ведь невкусные!

— Конечно, невкусные! — подтвердила лиса.

— Так вот что твоя мать сделала: взяла два решета, посадила в них мою мать, потом сложила решёта вместе да как пустит их с крутой горы, так на моей матери и перышка не осталось, все дочиста осыпались. Брр! — ужаснулась ворона. — Ведь это для нас, ворон, самая страшная мука...

“Хорошо же, — подумала лиса. — Не буду и я глупей своей матери”.

Достала она два решета, посадила туда дятлову куму, да и пустила решёта с крутой горы. Решёта разъехались в стороны, а ворона поднялась и полетела на дерево.

Жадный богатеи

Жили два брата: богатый и бедный. Богатый сам ничего не делал, было у него много работников. А бедный удил в озере рыбу — тем и жил.

Справлял раз богатый свадьбу — сына женил. Много собралось у него гостей.

“Пойду-ка и я к брату в гости”, — думает бедняк. Взял он займы у соседей каравай хлеба, да и пошел на свадьбу.

Пришел и стоит на пороге с хлебом. Увидел его богатый брат:

— Ты чего притащился? У меня тут гости не тебе чета! Убирайся отсюда!

И прогнал его.

Обидно стало бедному брату. Взял он удочку и пошел рыбу ловить. Сел в старый челнок и выплыл на середину озера. Удил, удил — а все мелкая рыбешка попадается. А тут и солнце уже заходит. “Ну, — думает бедный рыбак, — закину на счастье еще разок”. Закинул он удочку и вытащил такую рыбку, какой отродясь не видывал: большая да вся серебряная.

Порадовался он дивной рыбине и стал ее в торбу запихивать. А та и говорит вдруг голосом человеческим:

— Не губи меня, добрый человек, отпусти назад в озеро.

Вспомнил рыбак про своих детей и говорит:

— Не могу тебя отпустить — и сам я голодный, да и дети давно есть хотят. С чем я домой вернусь?

— Раз ты такой бедный, — говорит рыбина, — то засунь руку мне в рот и вытащи оттуда золотой перстенок.

Подумал рыбак и говорит:

— Боюсь, ты мне еще руку откусишь.

— Не бойся, не откушу!

Осмелел рыбак, сунул руку рыбине в рот и вытащил оттуда золотой перстенок.

— А что мне с ним делать? — спрашивает рыбак. — Ведь он меня не накормит.

— Ничего, — говорит дивная рыбина, — еще как накормит! Выбрось свою мелкую рыбешку из челна и кинь туда перстенок этот.

Так рыбак и сделал. И только бросил он на дно челнока перстенок, как вмиг стала целая куча денег.

Отпустил рыбак рыбину в озеро, а сам к берегу побыстрее поплыл. Снял он на берегу рубаху, сложил в нее деньги и пошел домой.

Зажил теперь бедный брат так, что лучше и не надо. Поставил новую хату и созвал гостей на новоселье. А брата не позвал — не мог простить ему обиды.

Проведал богатый, что его бедный брат новую хату построил и с гостями пирует. Говорит он сыну:

— Ступай погляди, что у него там делается. Пришел сын, поглядел да и бегом назад.

— Ой, — говорит отцу, — у тебя того нету, что у твоего бедного брата, — и хата новая, и скотины полно, и на столе всего вдосталь!

Богатый так от зависти и почернел. Посылает опять сына, чтоб позвал бедного брата.

Приходит бедный брат к богатому.

— Откуда у тебя столько добра? — спрашивает богатый брат бедного. — Ты, говорят, живешь лучше моего.

Бедняк все и рассказал, как было.

Как услышал это богатый, так руки у него и зачесались.

“Пойду-ка, — думает, — и я поймаю ту рыбину”.

Взял он удочку покрепче, сел в новый челнок, да и поплыл на середину озера. Ловил, ловил и выудил-таки дивную рыбину.

— Не губи меня, — просит рыбина, — отпусти назад, у меня там дети малые...

— Нет, голубушка, — заупрямился богатый. — Не пущу! Дай мне такой же перстенок, какой дала ты моему брату.

— Так брат твой был бедный, у него и хлеба не было. А тебе-то зачем?

— Как так зачем? Не хочу, чтоб брат был богаче меня! Давай перстенок и все! А нет — отнесу тебя домой и зажарю.

— Ну что ж, — говорит рыбина. — Бери, коли ты такой уж завистливый. Мне-то что.

Раскрыла она рот. А жадный богачей всунул ей в рот руку по самый локоть. Тут рыбина как придавит зубами — откусила руку и нырнула с нею на дно озера.

Воротился богатый брат домой и без денег, и без руки.

Так ему и надо!

Зайчики

Сели два зайчика в лесочке под берёзкою, греются на тёплом солнышке и беседуют.

А в лесочке так хорошо!.. Мушки гудят, друг за дружкой гоняются, крылышками звенят, будто смеются. А там дроздик посвистывает, мальчика Пилипку подразнивает:

— Пюлип! Пюлип!

А Пилипка по вересочку с лукошком ходит, боровички приглядывает.

Ещё дальше кукушка кукует.

Ну, так светло, тепло, весело!

Но не весело зайчикам, разговор невесёлый у них.

— Ох, какая горькая долюшка наша! — говорит один зайчик. — Бойся каждый денёк, дрожи

каждую минутку, прислушивайся, не ходит ли враг твой близко.

— А сколько у нас врагов! Кто только не обижает нас, бедных зайчиков! Обижают нас люди, обижают звери; даже птицы-хищники — коршуны, совы, филины — и те нас, зайчиков, допекают.

— И как спастись нам от злых наших врагов? Где искать защиты? Одна только надежда на наши ножки: унесут от беды — наше счастье, не унесут — пропала наша шкурка!

И горько-горько заплакали зайчики. Плачут и слезы лапками утирают.

— Ну, как нам на свете жить? — говорит второй зайчик. — Никто не боится нас, — совсем никто!.. Пойти разве да в воду броситься!

Наплакались, нагоревались бедные зайчики и пошли в озеро топиться с горя.

Пришли к озеру, остановились, распрощались друг с дружкой. К самому берегу подошли, чтобы в воду броситься, и вдруг видят — прыг лягушка на кочку. Увидела зайчиков и испугалась.

— Эге, — говорит один зайчик, — есть, оказывается, на свете твари, что и нас боятся. Видно, им ещё труднее на свете жить.

Переглянулись зайчики и побежали назад в лесок.

Золотая птица

Было у одного человека трое сыновей, двое умных, а третий дурачок.

Старший сын, Степан, умел на скрипке играть, средний, Пилип, — на дудке, а меньшей, Иван, ни к чему не способный: сидит на печи да всё лучинки строгаёт.

Выросла у того человека в саду яблонька, а на ней золотые яблоки. Любуется отец яблоками, и сыновья рады. Каждое утро ходят в сад поглядеть, целы ли они.

Проверили как-то — не хватает одного яблока! И на другое утро не досчитались одного яблока...

Пригорюнился отец: "Видно, — думает, — какой-то вор повадился в сад лазить". Говорит он старшему сыну:

— Ступай-ка, сынок, яблоки караулить.

Вечером подставил Степан к яблоньке лесенку, взобрался на нее, сидит да на скрипке играет. Всю ночь проиграл, а под утро так спать ему захотелось — они вздремнул. Вдруг слышит сквозь сон: что-то над головой сильно зашумело, захлопало. Проснулся Степан, протер глаза — нигде никого нету, только одного яблока не досчитался...

Вернулся он к отцу невеселый.

— Не устерег я, — говорит, — вора. Опять одного яблока не хватает...

На другую ночь говорит средний сын — Филипп:

— Пойду я караулить. Не может того быть, чтоб я не устерег!

Пошел он, примостился на лесенке и наигрывает себе на дудке разные полочки. Всю ночь играл, а под утро так спать ему захотелось — он и задремал. Вдруг слышит сквозь сон: что-то над головой сильно зашумело, захлопало. Пока проснулся — опять одного яблока нету!

Стыдно ему в хату идти, да что поделаешь: не доглядел вора.

На третий день говорит меньшей сын — Иван:

— Плохие из вас, братцы, караульщики. Вот я пойду, наверняка вора подстерегу.

Все только над словами его посмеялись, да что ж, известное дело, — дурачок!

Набрал Иван целый пук лучинок, да и пошел сторожить. Сидит на лесенке, лучинки строгают да песенки себе под нос напевает.

Стало светать. Слышит Иван — что-то будто вдали зашумело. Притаился он, вглядывается. Вдруг видит — летит к яблоне большая золотая птица. Подлетела близко и собралась было яблоко схватить, а Иван изловчился и цап ее за длинный хвост.

Вырвалась птица и улетела без яблока. Смотрит Иван, а в руке у него три золотых пера осталось.

Прибежал он в хату, всех разбудил:

— Смотрите, — говорит, — я вора подстерег да три золотых пера у него из хвоста вырвал. Посмотрели братья и от стыда покраснели, что не они, а дурачок славу себе добыл. Одолела их зависть.

— Ладно ж, — говорит старший брат, — поеду я по свету золотую птицу искать.

Взял он одно перо для приметы, набрал еды, денег на дорогу, да и поехал.

Прошло с полгода — ни Степана, ни птицы нету. Вот средний брат и говорит отцу:

— А не поехать ли мне искать золотую птицу? Заодно и брата найду.

Набрал он всякой снеди на дорогу и поехал.

Прошел целый год, но ни о братьях, ни о птице и слыхом не слыхать.

Горюет отец, а Иван на печи лучинки строгает да бормочет себе под нос:

— Видно, надо мне самому в путь-дорогу собираться.

Подумал отец: "Что ж, пропали умные сыновья, уж пусть и этот, глупый, пропадает". И не стал ему перечить.

Ничего не взял с собою Иван: ни денег, ни хлеба. Только взял он третье перо, посошок в руки да ножик, которым лучину строгал. И пошел пешком золотую птицу искать.

Идет он, идет, а уже вечереть стало. Слышит он поблизости волчий голос. Пошел на тот голос. Глядь — сидит в глубокой яме старая волчица.

— Ты чего тут воешь? — спрашивает Иван волчицу.

— Да вот такая беда, — отвечает волчица: — бежала я на обед чего-нибудь промыслить да в яму угодила... Помоги ты мне, добрый человек, выбраться отсюда. Я тебе чем хочешь отплачу.

Говорит Иван:

— Ты старая волчица, всюду летаешь, всюду бываешь, а не скажешь ли ты мне, где живет золотая птица? Коли скажешь, то вызволю тебя из ямы.

— И скажу, и даже к ней приведу, — обещает волчица.

— А не обманешь?

— Нет.

— Ну, смотри ж!

Принес Иван две суковатые жерди, опустил их в яму. Выбралась волчица по жердям наверх, да и говорит Ивану:

— Спасибо тебе, что выручил. А теперь садись на меня, я тебя быстрее туда доведу, чем ты сам дойдешь.

Сел Иван на волчицу, а та и помчалась напрямик по полям, по лесам, по болотным кустам. Иван только за уши держится, чтоб не упасть.

Примчалась волчица к морю. Остановилась и говорит Ивану:

— Посиди тут немного, а я побегу где-нибудь гусыню поищу. Тебе надо хорошенько подкрепиться, чтобы сильный ты был, а то ведь большая работа у тебя впереди.

Сел Иван на морском берегу, на волны поглядывает. Шумят они, колыхаются. Забавно! Смотрел, смотрел, да и уснул. Долго ли спал он, или недолго, а тут и волчица прибегает с гусыней. Разбудила его. Развели они огонь, зажарили гусыню. Наелся Иван.

— Вот и хорошо, — говорит волчица, — а теперь опять садись на меня. Поплывем за море.

Переплыли они море. Смотрит Иван — стоит на морском берегу золотой дворец.

Волчица говорит:

— Ступай в этот дворец. Только потихоньку да помаленьку, чтоб нигде и не стукнул, ведь это дворец заколдованный: все в нем спит. А дотронешься до чего-нибудь невзначай — все проснется, а уж тогда живым тебе оттуда не выбраться. Как войдешь в ворота, увидишь там двух собак. Они на железных цепях к столбам прикованы. Да только смотри ж, не разбуди их, а то, как залают они, так весь дворец на ноги подымут. Пройдешь так вот через ворота и войдешь в первую комнату. Висит там звенящий меч. Он золотой, весь самоцветами выложен. Но ты его не трогай, а то начнет он звенеть и всех разбудит. Войдешь во вторую комнату, висят там часы певучие, ты их тоже не трогай, а ступай прямо в третью комнату: в ней увидишь золотую клетку и сидит в той клетке золотая птица. Вынь ее осторожно из клетки и сам потихоньку ко мне возвращайся.

Двинулся Иван в заколдованный дворец. Прошел ворота с собаками, вошел в первую комнату, во вторую. Видит, а там мастеров разных и не счесть: и столяры, и слесари, и каменщики. А вокруг них стража с саблями да ружьями. И где кто что делал, тот там и уснул. Поглядел Иван на них и пошел дальше, в третью комнату.

Вот перед ним и золотая клетка висит, а в ней золотая птица сидит. Как увидел Иван птицу-воровку, так позабыл и осторожность. Схватил клетку, сорвал со

стены. И враз такой звон пошел!.. Иван испугался и назад. В другой комнате зацепился невзначай за золотые часы. А те и запели, затикали на все лады. Побежал Иван дальше. Вскочил в первую комнату, схватил меч — уж такой он красивый был! А меч как зазвенит... И все в заколдованном замке проснулось. Все кинулись за Иваном вдогонку. Да Иван тоже не дремал — стрелой пролетел мимо собак и выскочил из дворца.

Видит волчица — беда: мчится Иван во весь дух, а за ним целая погоня. Подбежала к нему волчица.

— Садись, — говорит, — скорей на меня! Сел Иван, а волчица — в море и поплыла. Переплыл Иван море и просит волчицу:

— Скажи, где братья мои? Не могу я без них домой вернуться.

— Эх, — вздохнула волчица, — братьев ты лучше не ищи, а не то они тебя со свету сживут.

— Ничего, не сживут, — говорит Иван.

— Ну, раз ты такой смелый, то ступай на королевский двор — там твои братья в темнице сидят. Только смотри, остерегайся ты их. От них добра не жди.

Простился Иван с волчицей, поблагодарил ее и двинулся на королевский двор.

Пришел к королю, поздоровался.

— Что скажешь? — спрашивает король.

— Выпусти моих братьев, — говорит Иван. — Зачем ты их в темнице держишь?

Король говорит:

— Не выпущу. Твои братья хотели моих лучших коней украсть.

Иван просит и так, и сяк — не соглашается король.

— Тогда я выкуплю их.

— Какой же ты выкуп дашь? Вынул Иван из-под свитки Золотой меч:

— Вот тебе выкуп.

Посмотрел король на меч — понравился он ему: нет у него такого!

— Ну ладно, — согласился король, — забирай своих братьев. Только не пускай их больше в мое королевство.

Забрал Иван своих братьев, рассказал им, как добыл он золотую птицу, и пошли все вместе домой.

Пришли они в дремучий лес, убили братья Ивана, а сами забрали золотую птицу и побежали к отцу, к матери.

Много ли, мало ли времени прошло, а случилось попасть в тот лес волчице. Чует она: где-то человек близко. Побежала в ту сторону и увидела убитого Ивана.

— Вот, — горюет волчица, — так-то ты меня послушался! А я же тебе говорила, я же тебя научала — остерегайся злых братьев!

Побежала волчица на высокую гору, достала фляжку живой воды. Вернулась и оживила Ивана. Поднялся он, потянулся.

— Ох, как же я долго спал!

— Спать бы тебе тут веки вечные, если бы не я, — говорит волчица.

— А где ж мои братья? — спрашивает Иван.

— Дома. Пospешай и ты поскорее домой. Там отец твой на радостях, что твои братья вернулись и золотую птицу принесли, уже пир готовит. Съезжаются к нему даже паны да короли на диво поглядеть. Но отец теперь-то тебя не узнает, ведь ты от живой воды изменился. А ты, когда придешь домой, попросись к повару в помощники. И как сварится еда, то капни в нее по капельке живой воды.

Научила волчица Ивана, что ему делать, и убежала.

Воротился Иван домой. А там и вправду гости уже собираются. Повар один прямо разрывается — много разных кушаний надо для гостей наварить да нажарить. Подошел Иван к повару:

— Дай-ка я тебе помогу.

— Хорошо, — согласился повар, — Помоги, а то мне одному не управиться.

Взялся Иван помогать. А потом и говорит повару:

— Ты, дядька, старый, вижу, ты уморился, отдохни-ка, а я сам все доделаю!

Видит повар, что помощник его хорошо старается, и прилег отдохнуть.

Приготовил Иван обед, капнул в каждое кушанье по капле живой воды и разбудил повара. Тот понес подавать обед к столам.

А гости на пиру едят да кушанья похваливают — очень уж все вкусно приготовлено!

После обеда зовет хозяин повара, дает ему подарок и благодарит за вкусные блюда. А повар и говорит:

— Да это один хлопец тут у меня за помощника был, вот он и наварил таких вкусных кушаний. Сам-то я готовить так не умею.

Хозяин говорит:

— Так позови его ко мне, надо и его отблагодарить.

Позвали Ивана. Хозяин спрашивает:

— Где это ты научился такие вкусные кушанья готовить?

— Беда всему научит, — отвечает Иван.

— А какая ж у тебя, хлопец, беда?

Вот Иван и рассказал о том, как он добыл золотую птицу, как братьев у короля выкупил и как они его убили, а добрая волчица оживила...

Стоят братья, молчат, бледные, как полотно, а отец спрашивает:

— Так это ты, значит, мой меньшой сын Иван?

— Да, — говорит Иван. — Я птицу достал и слово сдержал, а они — братья мои разумные — воры!

Прогнал отец старших сыновей из дому, а с Иваном и теперь живет.

Золотая яблонька

Жил дед с бабой. И были у них дочки — дедова дочка и бабина дочка. Дедову дочку звали Галя, а бабину — Юля.

Баба дочку свою родную любила да холила, а дедову в черном теле держала, все старалась ее со свету сжить.

Пошел раз дед на ярмарку, купил бычка-третьячка. Привел домой и говорит дочкам:

— Будете пасти его по очереди — одна день и Другая день.

Погнала в первый день бычка на пастбище дедова дочка. Злая мачеха дала ей веретено и мешок кудели.

— Смотри, — говорит, — чтоб за день всю кудель спряла, холсты наткала, полотно выбелила, а вечером домой принесла. А не сделаешь — не жить тебе на свете.

Вывела Галя бычка из хлева, погладила его по шее и погнала на пастбище. Гонит, а сама горькими слезами заливается.

Бычок спрашивает:

— Девка-девица, русая косица, ты чего плачешь?

— Да как же мне, бычок, не плакать? Загадала мне мачеха этот мешок кудели спрясть, холсты наткать, полотно выбелить да вечером домой принести... Разве ж я за день с такою работой управлюсь?

— Не плачь, — говорит бычок, — гони меня на шелковую травушку, на свежую росицу, там мы что-нибудь да придумаем.

Пригнала Галя бычка на шелковую травушку, на свежую росицу. Наелся бычок, напаса, а потом и говорит:

— А теперь положи мне в правое ухо кудель и веретено. А самадохни в левое ухо и смотри, что будет.

Положила Галя бычку в правое ухо кудель и веретено,дохнула в левое ухо и смотрит. А там и кудель уже прядется, и холсты ткутся, и полотно белится и в скаток скатывается...

Когда все было сделано, вынула Галя готовый кусок полотна и веселая погнала бычка домой.

Злая мачеха встречает ее на дворе:

— Ну что, спряла кудель?

— Спряла, — говорит Галя и показывает готовый кусок полотна.

Мачеха так за голову и схватилась: такую работу сделала ее падчерица! А тут и соседки пришли, смотрят, какое тонкое полотно выткала Галя. Все хвалят ее, не нахвалятся.

Пришел черед гнать бычка бабиной дочке Юле.

Дала ей мать веретено и полмешка кудели.

— Спряди, — говорит, — доченька, эту кудель, да натки полотно еще лучшего, чем наткала твоя сводная сестра. Хочу, чтоб тебя люди хвалили, а не ее.

Взяла Юля толстую палку и погнала бычка. Гонит да все бьет его палкой. Начал бычок из стороны в сторону кидаться, а Юля за ним бегают, клянет его на чем свет стоит. Бегала, бегала и веретено потеряла.

Пригнала она бычка кое-как на голый выгон, положила кудель, а сама спать завалилась. Бычок раскидал кудель ногами и в грязь втоптал.

Просыпается под вечер Юля, смотрит — кудель в грязь втоптана... Схватила она палку и давай бычка бить. Побежал бычок домой, а она за ним с криком.

Дома мать спрашивает ее:

— Ну как, доченька, сделала работу?

— Да нет, — говорит.

— Почему?

— Бычок виноват. Из-за него я и веретено потеряла, а потом еще и кудель мою в грязь он втоптал.

Обозлилась мачеха на бычка. Пошла к деду и говорит:

— Зарежь, дед, бычка!

— Ты что, одурела, баба? — удивился дед. — Зачем нам резать его?

А баба как затопает ногами, как накинется на Деда с кулаками:

— Коли не зарежешь, то я тебя выгоню заодно с твоей дочкою!

Ничего не поделаешь — согласился дед зарезать бычка.

Услыхала это Галя, побежала к бычку в хлев, обняла его за шею и залилась слезами.

— Девка-девица, русая косица, чего ты плачешь? — спрашивает бычок.

Рассказала ему Галя, что задумала сделать злая мачеха.

— Не плачь, девка, — говорит бычок. — Лучше послушай, что я тебе скажу. Как зарежут меня, возьми мою печень и найдешь в ней золотое зернышко. Посади то зернышко в саду возле хаты. Вот и все.

Галя так и сделала, как сказал ей бычок.

И выросла из зернышка яблонька с золотыми яблоками.

Кто идет или едет мимо сада — все любят золотую яблоньку.

Ехал раз с войны молодой пригожий гусар. Увидел яблоньку и остановился.

Протянул к ней руку, чтоб сорвать золотое яблоко. А яблонька — дзинь, дзинь!

— и поднялась вверх.

Опустил гусар руку — стала яблонька опять на прежнее место.

Увидела это в окно Галя и говорит мачехе:

— Пойду я сорву этому пригожему гусару яблочко.

А мачеха как затопает на нее, как закричит:

— Я тебе голову оторву!

Схватила она Галю и посадила ее под корыто, а в сад Юлю послала: пускай, думает, лучше родная дочка сорвет этому гусару яблоко, может, он в нее влюбится.

Подошла Юля к яблоньке, а та — дзинь, дзинь! — и поднялась вверх.

Разозлилась Юля на яблоньку, начала ее бранить дурными словами.

А тут как раз гулял по двору петушок. Вскочил он на плетень и закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку-у! Дедова дочка под корытом спрятана, а бабина хочет яблоки ее сорвать да замуж выйти за пана.

Услыхал это гусар, слез с коня и пошел в хату. Нашел там под корытом дедову дочку. Как глянул он на нее, так и глаз не может оторвать — очень она ему понравилась.

— Девка-девица, — позвал ее гусар, — сорви-ка мне золотое яблоко на память со своей яблоньки.

Подошла Галя к яблоньке — и все яблоки упали к ее ногам.

Собрала она их в подол, поднесла гусару. Подхватил ее гусар, усадил на коня рядом с собой и повез к своим родным.

Сыграли они дома свадьбу и стали жить-поживать в мире да согласии. Родился у них сын, да такой пригожий, что отец с матерью не налюбуются им.

А тем временем злая мачеха не спит от зависти, что гусар не ее дочку, а дедову замуж взял. И все думает, как бы ее со свету сжить.

Однажды говорит она своей дочке:

— Сходи-ка ты, доченька, к сестре в гости. Позови ее с собой купаться да утопи...

Юля послушалась, пошла к сестре в гости. Подговорила ее купаться. А на речке и говорит ей:

— Садись, сестрица, на мостки, я тебе плечи помою.

Села Галя на мостки, а Юля толкнула ее в воду и домой убежала.

Ждут дома Галю — нету. Малый сын плачет, никто утешить его не может.

Взяла его нянька на руки, пошла вдоль речки, кличет:

— Галя, Галюся, сынок твой плачет, есть хочет! Куры спят, гуси спят, один он не спит, матушки ждет не дождется...

И слышит она голос из воды:

— Ой, тяжело мне выйти к сыну: камень ноги подбивает, вода очи заливаает-
Услыхал сынок материн голос и еще пуще заплакал.

— Эй, иду, сынок, ой, бегу, — откликается мать. — Слышать плач твой, сынок, не могу.

Вышла мать из воды, накормила сына — он и уснул. А сама назад ушла.

Воротилась нянька домой, рассказала, что было возле речки.

Наутро взял сам отец золотое яблоко и сына и пошел на речку. Подошел к берегу и кличет:

— Галя, Галюся, твой сыночек плачет, есть хочет. Куры спят, гуси спят, один он не уснет, тебя ждет не дождется.

Услыхала мать голос и отвечает:

— Ой, иду, сынок, ой, бегу; слышать твой плач, сынок, не могу.

Вышла она на берег, накормила сына — он и уснул.

Тогда муж вынул из кармана золотое яблоко и подал жене. И только надкусила она золотое яблоко — вмиг очнулась.

Обрадовался муж, привел ее домой. И стали они опять жить-поживать хорошо да счастливо.

А злую мачеху с ее дочкой больше к себе и на порог не пускали.

Иван Утреник

Жили муж и жена. Долго не было у них детей, а потом, уже на старости лет, родились сразу три сына: один родился вечером, другой — в полночь, а третий — ранним утром. И назвали их всех Иванами: старшего — Иван Вечерник, среднего — Иван Полуночник, а младшего — Иван Утреник.

Росли братья на лес гляючи. И выросли дюжие, стройные. Только разного нрава: Вечерник был завистливый, Полуночник — злой, а Утреник — не злой, не завистливый, а самый смелый и добрый.

Случилось на ту пору у царя в том царстве несчастье: пропали у него три дочери. Всюду искали их, а найти никто не мог.

И объявил царь повсюду: кто найдет его дочерей — полцарства тому отдаст и дочь, какая приглянется.

Доведались о том братья и стали отца просить, чтоб отпустил их искать царских дочерей.

— Ступайте, — говорит отец, — ищите, коли есть охота.

Пошли братья к кузнецу и заказали себе по булаве: Вечерник заказал булаву на шесть пудов. Полуночник — на девять, а Утреник — на двенадцать. Смеются братья над ним:

— Зачем тебе лишнюю тяжесть таскать?

— Ничего, — говорит младший брат, — запас беды не чинит.

Собрались они, да и пошли. Коль идти, так идти — зашли в такие дебри, что и выбраться не могут. Стали братья дорогу себе прокладывать: махнет Вечерник булавой — осины валятся; махнет Полуночник — ели валятся, а махнет Утреник — дубы с корнями выворачиваются.

Проложили они дорогу и вышли на поляну. Видят — стоит на поляне большой дом, каменной стеной обнесен. Подошли к стене, а в ней железные ворота на замке.

Постучали братья в ворота — никто не открывает.

— Придется, видно, их булавой высаживать, — говорит старший брат.

Размахнулся он, грохнул булавой — только булава погнулась, а ворота ни с места.

— Давай-ка я ударю, — говорит средний брат. Стукнул он своей булавой — ворота только вогнулись.

— Ну, теперь я попробую, — говорит младший брат.

Размахнулся он да так стукнул, что ворота на две створки и разлетелись.

Старшие братья только губы прикусили, а младший смеется:

— А не говорил ли я, что запас беды не чинит! Вошли они во двор — никого не видать, а богатства кругом, как у пана: в амбарах зерна полным-полно, а в хлевах — коров и волов. У Вечерника так глаза и разгорелись.

— Коли так, — говорит он, — то мы будем тут хозяевами. К чему нам теперь эти царевны?

Зашли в дом, переночевали. Наутро уговорились, что один останется обед варить, а двое пойдут на охоту.

Остался в первый день старший брат. Зарезал он вола, разобрал мясо на куски, положил в котел и стал варить. Сварил и лег отдыхать, ждет братьев своих.

Вдруг кто-то в двери — стук, стук!

— Отворяй! — кричит.

Глянул Вечерник в окно, видит — стоит у дверей седенький дедок: сам с ноготок, борода с локоть, глаза как яблоки. Железными толкачами постукивает, проволочным кнутом пощелкивает.

— Кто ты такой? — спрашивает Вечерник.

— Хозяин этого дома. Коль не откроешь, я толкачом двери высажу!

Испугался Вечерник, открыл.

— Теперь перенеси меня через порог! — велит дедок.

Вечерник пересадил дедка через порог.

— Посади на лавку!

Вечерник посадил его на лавку.

— Подавай сюда котел с волом! Вечерник отказывается.

— Не могу, — говорит, — жду братьев к обеду,

Дедок злобно защелкал проволочным кнутом:

— Как это так — не могу! Вы в моем доме живете, добром моим пользуетесь, а меня накормить жалеете!

“Ну что ж, — думает Вечерник, — пусть похлебают юшки, много ли ему надо”,

Поставил он перед дедком котел, а тот как набросился на вола — всего съел да и юшку всю похлебал. Наелся и давай Вечерника толкачами толочь, проволочным кнутом стегать! Избил до полусмерти, а сам исчез.

Пришел в себя Вечерник, кое-как дотащился до постели и лежит — еле дышит.

Вернулись братья с охоты.

— Давай обед, — говорят.

— Ничего нету... — стонет Вечерник.

— Почему ж ты не наварил? Стыдно Вечернику признаться, что отдубасил его какой-то дедок, он и говорит:

— Да неможется мне что-то...

Ничего не поделаешь — пришлось младшим братьям обед варить: зарезали они вола, разобрали мясо на куски и сварили. Сами наелись и брата накормили.

На другой день остался дома Полуночник. Сделал он все что надо и лег отдыхать. Вдруг кто-то в дверь стучит.

— Кто там? — спрашивает Полуночник.

— Хозяин.

Он открыл, глядь — тащится седенький дедок: сам с ноготок, борода с локоть, глаза как яблоки; железными толкачами постукивает, проволочным кнутом пощелкивает.

— Перенеси меня через порог! — кричит дедок.

Испугался Полуночник лупоглазого дедка, перенес его через порог.

— А теперь посади на лавку! Посадил и на лавку.

— Дай попить и поесть!

“Ну что ж, — думает Полуночник, — пускай похлебают немного юшки, сколько там ему надо”.

Поставил он перед дедком котел. А дедок все поел, избил Полуночника до полусмерти и под лавку бросил.

Воротились братья с охоты, опять нечего есть. А Полуночник стонет:

— Занедужил я, братцы...

Вечерник молчит, а Утреник и говорит?!

— Что это за болезнь такая на вас напала? Коли будете так хворать, мы тут с голоду пропадем.

На третий день остался дома младший брат — Иван Утреник. Сделал он все что надо, лег отдыхать, пока братья с охоты вернутся.

Вдруг кто-то стучит в дверь:

— Открой!

Не хотелось Утренику подыматься.

— Дверь не заперта, — отвечает он, — сам открывай!

Пришлось дедку самому открыть. Как увидел его Утреник, так со смеху и прыснул;

— Сколько, — говорит, — живу на свете, а такого забавного деда не видывал!

Разгневался дедок и как кинется на Утреника с толкачами!

— Ах, ты так! — говорит Утреник. — Не на того наскочил!

Схватил он булаву и давай дедка дубасить. Избил его, толкачи и кнут отобрал, а самого затащил в лес, расщепил там пень, всадил бороду в расщеп, клином заклинил и пошел назад. Воротились братья с охоты.

— Ну что, сварил обед?

— Сварил, — отвечает Утреник.

Поставил он котел на стол. Наелись братья и спрашивают:

— А не приходил к тебе, чего доброго, лупоглазый дедок?

— Приходил.

— Ну и что?

— Ничего. Я бороду ему в пень заклинил, чтобы больше сюда не ходил.

— Не может этого быть! — удивляются братья.

— Пойдемте, покажу.

Пошли они ко пню, а там одна только борода торчит...

— Бот черт лупоглазый, вырвался! — говорит Утреник. — Надо его найти, а то он опять будет к нам таскаться.

Пошли его искать. Шли, шли по следу и подошли к большому камню. Сдвинули камень, а под ним нора, да такая глубокая, что и дна не видать.

— Надо его оттуда выманить и добить, — говорит старший брат, — А то нам в этом доме житья не будет.

— И то правда, — согласился средний брат, вспомнив, как избил его дедок своими толкачами.

Сделали братья длинный ремень из воловьих шкур, привязали к нему корзину и стали советоваться, кому из них спускаться в нору.

Старший говорит:

— Мне что-то неможется, я не полезу. Средний тоже отказывается.

— Ну, ежели вы такие хворые, то я полезу, — говорит младший брат. — Спускайте меня да смотрите: как дерну за ремень — тащите назад.

Спустили его братья вниз, и очутился Иван Утреник под землю.

“Где ж тут черта этого искать?” — думает он. Осмотрелся, видит — стоит поблизости медный дворец. Иван вошел во дворец, а там сидит девушка, измученная да печальная, слезами заливается. Жаль стало Ивану девушку.

— Чего ты, сестрица, плачешь? — спрашивает.

— Да как же мне не плакать: была я царская дочь, а теперь невольницей стала злого Кащея...

Начал Иван Утреник утешать царевну:

— Потерпи маленько, я тебя вызволю!

— Ох, — вздыхает царевна, — уж никто меня не вызволит — злой Кашей с любимым богатырем справится. Беги, хлопец, а то он скоро домой вернется.

— Никуда я не уйду, пока злого Кащея со свету не сживу! Где он?

— Кто его знает: может, в серебряном дворце, может, в золотом, а может, где по свету летает.

— А где твои сестры?

— Средняя живет недалече, в серебряном дворце, а младшая чуть подальше, в золотом.

Пошел Иван к средней сестре, в серебряный дворец, — и там нету Кашея: одна царевна сидит, слезами заливается. Поговорил он с царевной, утешил ее, как мог, и пошел к младшей сестре — в золотой дворец. Осмотрел дворец — никого нету. Вдруг видит — сидит в малой светёлке девушка с русыми косами. Загляделся на нее Иван. — Ты кто будешь, красавица? — спрашивает.

— Была я царская дочь, а теперь вот невольница поганого Кашея. А ты кто?

— Крестьянский сын Иван Утреник.

— А зачем ты сюда пришел, крестьянский сын Иван Утреник?

— Я пришел Кашея убить и тебя из неволи выволить.

Царевна тяжело вздохнула:

— Ой, добрый молодец, никто не может Кашея убить, ведь он бессмертный.

Вот если бы его смерть найти, тогда бы он и сам околел.

— А где ж его смерть?

— Слышала я, — говорит царевна, — что есть на дне моря сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, а в утке — яйцо. Вот это и есть его смерть.

— Спасибо, родная! — говорит Иван. — Жди меня здесь — пойду искать Кашееву смерть.

Выбрал он себе во дворце самый лучший Кашеев лук и пошел. Шел, шел, и есть ему захотелось. Глядь — коршун летит. “Убью, — думает, — этого коршуна, раз ничего лучшего не нашлось”. Нацелился он в коршуна, а тот говорит ему голосом человеческим:

— Не бей меня, Иван Утреник, я тебе еще в беде пригожусь.

Опустил Иван лук, пошел дальше. А есть ему так хочется, прямо голову кружит. “Ну, — думает, — теперь кто бы ни встретился — убью”.

Только он так подумал, видит — бежит волк. Поднял Иван лук, а волк и говорит:

— Не бей меня, Иван Утреник, я тебе в беде еще пригожусь.

Пошел Иван дальше. Приходит он к морю. Смотрит — лежит огромный рак: одна половина на берегу, другая — в море. Подумал Иван: “Вот где неплохая еда валяется”. И только он нагнулся к раку, чтоб оторвать клешню, как тот начал просить:

— Не трогай меня, Иван Утреник. Видишь я мучаюсь: одна половина на берегу лежит, а другая в море плавает. Возьми лучше кол да столкни меня в море. Я тебе за это что хочешь сделаю.

Иван послушал его, нашел кол и столкнул рака в море.

Глотнул рак воды, обрадовался и говорит Ивану:

— А теперь, добрый хлопец, скажи, что ты хотел бы: я все тебе сделаю. Иван говорит:

— Есть в море сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, а в утке — яйцо: это смерть злого Кашея. Она мне и нужна.

— Жди тут, я достану тебе этот сундук, — сказал рак и нырнул на дно моря.

Нашел там сундук и выбросил его на берег.

Взял Иван сундук, разбил замки. И только открыл он крышку, как выскочил оттуда заяц и помчался по берегу моря.

Иван так за голову и схватился:

— Что ж я наделал? Вот бы теперь сюда того волка!

И только он это вымолвил, глядь — бежит волк. Поймал волк зайца и разорвал его на куски. Выскочила из зайца утка и полетела на море.

Опять Иван пригорюнился:

— Вот был бы теперь здесь тот коршун, он бы утку эту поймал!

Не успел он это вымолвить — откуда ни возьмись коршун над морем. Схватил он утку, принес ее на берег и разорвал на куски. Выпало из утки яйцо.

Взял Иван то яйцо, положил себе в карман и пошел назад.

Приходит он в золотой дворец. Смотрит: сидит там знакомый ему седой дедок — сам с ноготок, глаза как яблоки, а без бороды. Как увидел он Ивана, так и затрясся от злости:

— Вот кого я давненько жду! Из-за тебя я без бороды остался! Ну, теперь ты от меня не уйдешь! Хотя ты и силен, да нету на этом свете сильнее меня.

Схватил лупоглазый Кащей свои железные толкачи и кинулся на Ивана. А тот — бац ему в лоб яйцом! У Кащей толкачи так из рук и выпали. Упал он — и поганый дух из него вон...

Сжег Иван злого Кащейа, а пепел по ветру развеял. И пошел к царевне.

— Спасибо тебе, — говорит ей, — что ты помогла мне эту нечистую силу со свету сжить. За это отведу я тебя к отцу-матери.

Обняла царевна Ивана, поцеловала:

— А я за это замуж за тебя пойду. Ни за кого не пойду, только за тебя.

— Ну, смотри ж, чтоб слово сдержала! Собрались они и пошли. Отошли немало, Иван оглянулся назад, посмотрел на дворец:

— Эх, жалко бросать столько золота: оно бы дома нам пригодилось.

Тогда царевна вынула платочек, дала ему.

— Махни, — говорит, — этим платочком трижды слева направо.

Махнул Иван платочком, и вмиг весь дворец в золотое яйцо свернулся. Удивляется Иван, а царевна и говорит:

— Коль захочешь опять иметь такой дворец, то махни трижды этим платочком справа налево...

Положил Иван платочек и яйцо в карман, и пошли они дальше, к серебряному дворцу. Взяли с собой среднюю царскую дочь. Иван и ее дворец положил в карман. Дошли они до медного дворца — забрали старшую дочь, а Иван и медный дворец положил себе в карман. “Запас беды не чинит”, — думает.

Подошли они к норе, через которую Иван в Кашеево царство спускался. Посадил он старшую царевну в корзину и дернул за ремень — корзина вверх и поднялась.

— Молодцы мои братья, — радуется Иван, — ждут меня там!

Подняли они так вот еще двух сестер. Подошел черед Ивану Утренику. А завистливый Вечерник и говорит брату:

— Зачем нам Утреник? Как узнает царь, что он его дочек вызволил, отдаст ему полцарства и самую красивую дочь в жены. А нам что достанется? Лучше скажем, что это, мол, я его дочек вызволил, а ты помогал. Ну, а с тобой я поделюсь по-братски.

Уговорились они так и оставили меньшого брата под землей.

Ждал, ждал Иван Утреник корзину, да так и не дождался. “Вот тебе и братья! — думает Иван. — Изменники, а не братья!”

Погоревал он и пошел бродить по подземному царству. Идет и идет, а тут вдруг такая буря поднялась, что хоть пропадай. Спрятался он под густой дуб. Стоит там и вдруг слышит — пищат на дубе в гнезде птенчики: дождь с градом так и бьет их!

Пожалел Иван птенчиков. Взобрался на дуб и накрыл их своей свиткою. И только он собрался слезть назад, вдруг слышит — что-то наверху шумит, аж ветер на семь верст свистит.

Прилетает к гнезду лазоревая птица Нагай, заметила, что Иван прикрыл ее гнездо от града, и говорит ему:

— Не знаю, добрый человек, как мне тебя и отблагодарить за то, что ты детей моих от смерти спас.

— Вынеси меня, — говорит Иван, — на нашу землю.

— Охотно вынесу. Только достань мне бочку воловьего мяса да бочку воды родниковой. Знаешь, мне часто придется по пути подкрепляться, ты ведь нелегкий!..

— А где же мне достать все это?

— Ступай за огненную реку. Живет там слепой дед. У него много волов.

Направился Иван к слепому деду. Говорит дед:

— Дам тебе, хлопец, бочку мяса и бочку воды родниковой, только попаси одно лето моих волов. А то я слепой, мне трудно за ними бегать.

Иван согласился и остался у слепого деда пастухом.

— Всюду паси их, — говорит дед, — только на луг старой ведьмы бабы Яги не гоняй, а то она погубит тебя... Я погнал раз волов к ней на луг, а она мне за это глаза выколола. Тридцать лет не вижу я свету белого.

— Ничего, — говорит Иван, — как-нибудь и с ведьмой управимся.

Ссучил он себе проволочный кнут, взял булаву и погнал дедовых волов на ведьмин луг.

Только он их пригнал, вдруг видит — мчится баба Яга в ступе, толкачом погоняет, метлой след заметает.

— Кто это тебе дозволил, — кричит баба Яга, — волов на моем лугу пасти? Вот я тебе сейчас глаза выколю, ты и луга моего и свету белого больше не увидишь!

Замахнулась ведьма железным толкачом и кинулась на Ивана. А Иван как хлестнет ее проволочным кнутом, как огреет булавой — так у ведьмы у самой глаза на лоб полезли. Бил, бил Иван ведьму, пока она пощады просить не стала.

— Верни, — говорит ей Иван, — деду глаза, тогда отпущу тебя.

— Верну, только отпусти. В моей избушке стоят две склянки: с целящей и живою водой. Ты возьми их, помажь деду глаза — он и прозреет.

— Нет, — говорит Иван, — я не верю тебе — ты обманешь. Идем вместе.

Взяли они те скляночки, да и пошли к деду. Помазал Иван деду глаза целящей водою — выросли у деда новые глаза; помазал живою — стали они видеть.

Дед так обрадовался, что не знает, как и благодарить Ивана.

— Забирай, — говорит, — хоть половину моих волов и ступай куда тебе надобно. Я уж сам теперь буду пасти.

— А если ведьма опять тебе глаза выколет? Дед испугался:

— Может и выколоть: она баба скверная! Ведь это жена самого Кощея!

— Ах так! — говорит Иван. — Тогда я сделаю с ней то же, что и с Кощеем.

Добил он бабу Ягу, сжег ее, а пепел по ветру развеял. Потом зарезал двух волов, наложил в бочку мяса, в другую налил воды родниковой и пошел к птице Нагай.

— Подвяжи, — говорит птица, — бочку с мясом мне под правое крыло, а с водой — под левое. А сам садись ко мне на спину. Да смотри: как только я поверну голову направо — бросай мне кусок мяса, а как поверну налево — давай мне ковш воды.

Сделал Иван все, как птица сказала, сел и полетел.

Мчит Ивана птица Нагай вверх по темной норе, а он только успевает кормить ее свежей говядиной, родниковой водой поить.

Бросал он ей мясо, бросал и все наконец перебросал. Поворачивает птица голову направо, а Иван дает ей вместо мяса ковш воды. “Нет, — крутит она головой, — не хочу воды, ты мне мяса подавай!”

Видит Иван — задыхается птица Нагай, а уже и до верху-то недалеко, даже небо светится.

“Что делать?” — думает Иван. Взял он нож, отрезал кусок мякоти со своей правой ноги и кинул птице. Проглотила птица, только поглядела с удивленьем на Ивана. Потом повернула голову налево и запила водой родниковой.

Пролетела она немного и опять стала задыхаться. Тут Иван, не долго думая, отрезал кусок мякоти с левой ноги. Запила птица водой и — вылетела на белый свет.

— Ну, выбрались кое-как, — говорит птица Нагай. — Слезай теперь на землю.

— Не могу, — говорит Иван.

— Почему?

— Да видишь, ноги-то у меня какие... Посмотрела птица Нагай — и правда: ноги у Ивана израненные...

— Я вижу, — говорит она, — последние куски не такие были. Ну, ладно, теперь они мне не нужны.

Кашлянула птица раз — выплюнула один кусок, кашлянула еще раз — выплюнула второй. Взял их Иван, приложил на место, окропил целеющей водой — они и приросли; окропил их живою — стали опять такими, как были.

Поблагодарил он добрую птицу и двинулся в путь-дорогу. Дошел до того города, где жил царь, и попросился переночевать у одной старушки.

Наутро посылает Иван старушку в город узнать, не слышно ли там каких новостей. Пошла старушка в царскую столицу, все там разузнала, вернулась и рассказывает:

— Добрые вести в городе: нашлись, говорят, царские дочки. Там теперь по всем улицам музыканты играют, скоморохи песни распевают.

— А кто же нашел царских дочек? — спрашивает Иван.

— Богатырь Иван Вечерник. Царь отдает ему за это полцарства и младшую дочку в жены. Через три дня свадьба будет.

Пригорюнился Иван Утренник: ужли, думает, царевна о нем забыла?

На другой день посылает он опять старуху в город новости послушать. Вернулась она и рассказывает:

— Слыхала я, хлопец, новые новины: свадьба будет тогда, когда найдется человек, что сумеет сшить такие черевички, какие царевна в Кашеевом царстве носила. Такова воля самой царевны.

Услыхал об этом Иван, начал просить старуху:

— Сходи, бабка, к царю да скажи, что ты можешь сшить такие черевички.

— Да что ты, хлопец, выдумал? Уж где мне пошить такие черевички!

— А ты, бабка, только заказ возьми, а я сам их сошью.

Пошла старуха к царю:

— Я, — говорит, — берусь пошить царевне черевички.

— Хорошо, — согласился царь. — Коль сошьешь и дочке они понравятся, я тебя озолочу.

Дал ей царь сто рублей задатку и сказал, чтобы за три дня работа была сделана.

Приносит старуха Ивану заказ на черевички и задаток.

— Только смотри не подведи меня!

— Не подведу, бабка, не бойся.

Прошел первый день, а сапожник и не думает за работу приниматься. Второй день тоже ничего не делает. Старушка чуть не плачет:

— Что ты себе думаешь, хлопче? Почему черевички не шьешь? Что я царю скажу?

— Не кручинься, бабка. Завтра не успеет и солнце взойти, как черевички будут готовы — вставай да неси!

Вечером вышел Иван в поле, положил золотое яйцо на землю, махнул трижды платочком справа налево, и встал перед ним золотой дворец. Нашел он там царевнины черевички, потом махнул трижды платочком слева направо: дворец снова в яйцо свернулся.

Принес Иван черевички и поставил на стол. Просыпается поутру старушка, глядь — стоят на столе золотые черевички. Взяла она их и — к царю. Признала царевна свои черевички, обрадовалась. — Кто их сшил? — спрашивает она у старушки. — Это не ты шила!

Испугалась старуха и говорит:

— А сшил их один молодой сапожник.

— Хочу увидеть этого сапожника! — пожелала царевна.

Царю, конечно, недолго: послал карету и привезли во дворец сапожника.

Как увидела царевна Ивана Утреника, так и бросилась к нему.

— Вот кто, — говорит, — меня и сестер моих вызволил! За него я и замуж пойду.

Отписал тогда царь Ивану полцарства и велел свадьбу справлять.

Всех созвал Иван на свою свадьбу — отца с матерью, свояков, старую старушку, только старших братьев не пригласил...

И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало. Дали мне там синий кафтан. Бегу на радостях домой, а какой-то дурак кричит: “Синь кафтан! Синь кафтан!” Мне почудилось; “Скинь кафтан! Скинь кафтан!” Я взял, да и скинул. Прибежал домой и свой белый надел. Вот теперь в нем и хожу.

Из рога всего много

Жили себе дед и баба. Бедно жили. Известное дело — старики: ни работать, ни заработать не могут, только и было у них то, что соберут подаянием.

Дождались они весны. Начали люди сеять.

Вот баба и говорит деду:

— Ты бы, дед, хоть немного проса посеял. Я припрятала на посев с гарнец. Тогда мы каши бы наварили, а то сухари больно для наших зубов твёрдые.

— Хорошо, — говорит дед, — посею.

Вскопал он возле кустов клочок земли и посеял просо.

Взошло просо, растёт. Солнце его греет, дождик поливает. Радуетя дед просу, не нарадуется.

Вот пошёл он раз поглядеть на своё просо. Видит — расхаживает в нём журавль.

— Кыш-кыш, чтоб тебе! — закричал дед на журавля. — Ишь, где место нашёл для прогулок!

Поднялся журавль и полетел.

Посмотрел дед, а всё его просо загублено — потоптано да побито...

Запечалился дед. Приходит домой и говорит бабе:

— Хорошее просо уродилось, да вот беда: повадился в него журавль летать — всё начисто побил, потоптал своими длинными ногами. И жать нечего будет.

Погоревала баба, а потом и говорит:

— Ведь ты ж, дед, был хорошим охотником. И ружьё твоё на чердаке валяется. Возьми-ка его да пойди застрели журавля-негодника. Будет у нас вместо каши хоть мясо.

Послушался дед, достал с чердака ружьё, почистил его, набил дробью и пошёл на свою полоску.

Приходит, глядь — опять журавль в просе топчется. Обозлился дед, прицелился и хотел уже было выстрелить в вора.

А тот поднял голову и говорит человеческим голосом:

— Погоди, дедушка! Что это ты надумал делать?

— Стрелять в тебя буду! — говорит дед. — Ты всё моё просо своими длинными ногами повытоптал.

Журавль говорит:

— Не знал я, дедушка, что это просо твоё. Думал, панское. Прости меня.

— Хорошее дело — простить! — говорит дед. — Нет у меня больше ничего, только и была одна надежда на это просо. А теперь приходится из-за тебя с голоду помирать.

Выслушал журавль дедову жалобу.

— Что ж, раз ты такой бедный, — говорит, — то погоди маленько. Я принесу тебе за просо подарок.

Взмахнул крыльями и полетел за кусты.

Стоит дед с ружьём и думает: “Видно, обманул меня журавль. Напрасно не застрелил я его. Что я скажу бабе?”

Но только он так подумал, глядь — летит из-за кустов журавль и держит в клюве торбочку.

Прилетел, подал торбочку деду.

— На тебе, — говорит, — дедушка, за твоё просо.

Покосился дед на торбочку — простая нищенская сума!

Покрутил он головой и говорит:

— Зачем мне она? У меня, братец, и своих довольно. Нищий я. А у нищего, сам знаешь, сума — всё его богатство.

— Бери, дедушка: такой у тебя нету. Это — волшебная торбочка. Стоит тебе только положить её перед собой и сказать: “Торбочка, раскатись, раскрутись, дай поешь и попить” — и вмиг всё будет. А как наешься, скажи: “Торбочка, скатись, скрутись, еда и питьё уберись” — и торбочка снова станет такой, как была.

— Спасибо, коли так, — сказал дед и пошёл с торбочкою домой.

Не терпится деду узнать, правду ли сказал журавль о торбочке. Присел он у дороги, положил торбочку на колени и проговорил:

— Торбочка, раскатись, раскрутись, дай поешь и попить!

И чудо! Вмиг такой богатый явился перед дедом стол, что и у панов такого не увидишь: пироги да караваи, жареное да пареное, сласти и вина разные...

— Молодец журавль, не обманул! — обрадовался дед.

Наелся, напился дед, потом велел торбочке свернуться, сунул её за пазуху и весёлый пошёл дальше. Приходит домой:

— Жива ли ты, бабка, здорова ли?

— Жива, жива! А ты как? Долго ты что-то ходил. Я уже думала, тебя там волки съели или медведи задушили, в мох затащили да хворостом забросали.

— Нет, бабка, и волки не съели, и медведи не задушили, а принёс я хлеба-соли — хватит на всю нашу жизнь вдосталь. Садись, старуха, за стол.

Вынул дед из-за пазухи торбочку, положил на стол и сказал, что следует.

Баба так и вытаращила глаза: не только всё на столе явилось, но даже и сама хатка посветлела...

— Откуда ты, старик, это взял?

— Дал тот журавль, которого ты застрелить велела.

— Ай-ай! — схватилась за голову баба. — Зачем же стрелять такого славного журавля?

Наелась баба, напилась и говорит деду:

— Давай позовём гостей.

— Каких?

— А всех, кому есть нечего.

— Зови, — согласился дед.

Пошла баба по селу, созвала всех бедняков.

Понравилась гостям волшебная торбочка. Каждый день стали они теперь ходить к деду и бабе угощаться.

Проведал о волшебной торбочке панский приказчик и рассказал пану.

— Не может того быть, чтоб какой-то нищий ел и пил лучше, чем я! — разозлился завистливый пан.

Запряг он лошадей в бричку, поехал к деду.

— Правда ли, — спрашивает, — что у тебя есть такая торбочка, что сама кормит? Дед врать не умел и сказал правду.

— Покажи мне её.

Положил дед торбочку на стол и велел ей раскрутиться.

Пан прямо остолбенел — такого жареного да вареного даже его повара не готовят!

— Отдай мне эту торбочку, — просит пан деда. — Зачем тебе такие панские блюда? А ко мне и князя в гости приезжают. Я их угощать буду.

— Нет, — говорит дед, — не могу отдать: кто же тогда будет кормить меня с бабой?

Пан говорит:

— Я пришлю тебе целый воз простой еды: хлеба, картошки, сала...

Как пристал пан к деду — ничего не поделаешь.

— Не отдашь по доброй воле — заберу по неволе, да ещё плетей получишь.

Ну, а с паном разговоры короткие. Что ж, согласился дед и отдал ему торбочку.

Вернулся пан в своё поместье, живёт себе там, веселится, что ни день гостей созывает: торбочка верно служит ему. А про деда с бабой пан даже и не вспоминает.

Ждал, ждал дед от пана уплаты за торбочку, да так и не дождался.

— Может, он про уговор и забыл, — говорит баба. — Ступай, дедуля, напомни пану.

Пошёл дед к пану, а тот — где там! — и говорить не хочет.

— Нет у меня для вас хлеба. Идите милостыню просить!

— Коли так, то отдай, пан, мою торбочку, — говорит дед.

— Ах ты такой-сякой! — закричал пан. — Покажу я тебе торбочку! Эй, гайдуки, всыпьте-ка этому попрошайке двадцать пять плетей, чтоб больше сюда не ходил!

Схватили гайдуки деда, избили и за ворота выбросили.

Воротился дед домой. Рассказал бабе, какую он плату получил от пана. Погоревала баба, поругала пана и говорит деду:

— Ступай, старик, поищи того доброго журавля: не даст ли он тебе другую такую же торбочку.

Собрался дед и вышел в поле. Сел в просе и сидит. Вдруг видит — летит журавль. Дед к нему.

— Так, мол, и так, братец журавль: отобрал у меня пан твою чудесную торбочку. Да ещё его гайдуки избили меня плетьюми. Как жить мне теперь с бабой? Может, дашь мне ещё одну такую же торбочку?

Подумал журавль и говорит:

— Нет, не дам я тебе другой торбочки. Дам тебе лучше рог.

Полетел куда-то за кусты, потом воротился и принёс в клюве серебряный рог.

— На тебе, — говорит, — вместо торбочки.

— А что ж с ним делать? — спрашивает дед.

— Сходи с этим рогом к пану и скажи: “Из рога всего много!” А когда ублаготворишь пана, то скажи: “Ох, все в рог!”

Сказал это журавль, взмахнул крыльями и полетел.

Покрутил дед в руках серебряный рог, подумал: “Видно, что-то мудрёное дал мне журавль. Но как бы из-за этого рога новых плетей не заработать...”

Идёт старик домой да всё о роге думает — сходить ли с ним к пану или нет?

Встречает по дороге панского приказчика.

— Где был, дед? — спрашивает приказчик.

— Ходил, панок, к знакомому журавлю.

— Что ж он тебе дал?

— Серебряный рог.

— Покажи.

Достал дед из кармана рог, показал приказчику.

— А что с ним делать? — спрашивает приказчик.

— Да ничего, — отвечает дед.

— Как это так — ничего? Ты что-то от меня скрываешь. Может, из него золото сыплется?

— Может и сыплется... Кто его знает.

— Так вели, чтоб из него золото посыпалось, — пристал к деду приказчик.

— Ты можешь, панок, и сам приказать.

— Как?

— Скажи: “Из рога всего много!”

— Из рога всего много! — крикнул жадный до денег приказчик.

И вдруг откуда ни возьмись выскочили из рога двенадцать хлопцев-молодцев с плетями и давай бить приказчика.

Взвыл приказчик, просится:

— Уйми ты их, дед, а то до смерти забьют... А дед со смеху покатывается:

— Не будь таким любопытным да завистливым. Не суй носа в чужое просо!

Избили хлопцы-молодцы приказчика до синяков.

Тогда дед говорит:

— Ох, все в рог!

И все хлопцы-молодцы вмиг назад в рог спрятались.

“О, теперь я знаю, зачем мне добрый журавль этот рог дал!” — усмехнулся про себя дед и двинулся в поместье к пану.

Приходит, а у пана полным-полно гостей. Все пьют, гуляют. Лежит на столе дедова торбочка.

— Что, дед, скажешь? — спрашивает пан.

— Пришёл я, паночек, за торбочкой.

— Ха-ха-ха! — захохотал пан, подбоченясь. — Видали вы такого старого дурня! Ещё плетей захотел! Эй, гайдуки, всыпьте ему при всех моих гостях двадцать пять плетей!

Схватили гайдуки деда, повалили на пол. А дед тем временем достал из кармана серебряный рог да как крикнет:

— Из рога всего много!

Выскочили из рога двенадцать хлопцев-молодцев с плетями и давай хлестать гайдуков, и пана, и его гостей.

Больше всего досталось пану — дед-то стоял сбоку и командовал:

— По гайдукам — раз! По гостям — два!! По пану — три!!!

Хлопцы-молодцы так и делали, как дед приказывал.

Стонал, стонал пан, а потом видит — нету спасения.

— Забирай, дед, торбочку, только уйми своих хлопцев!

— Так бы давно и сказал, пане, — усмехнулся дед. — Да теперь одной чужой торбочкой не откупишься.

— А что ещё хочешь? Дам тебе лошадь, корову...

— Нет, пане, и этого мало.

— Ай-ай-ай! — вопит пан. — Скорей говори, что ты хочешь ещё, а то забьют меня до смерти твои хлопцы.

— Коли хочешь живым остаться, — говорит дед, — отдай беднякам поместье, а сам убегай, куда глаза глядят!

Пан завопил пуще прежнего:

— Ой, ай, как же я без поместья останусь?

— Не хочешь, как хочешь, — говорит дед. — Эй, молодцы, всыпьте все плети пану!

Хлопцы-молодцы перестали бить гостей и гайдуков и принялись за пана.

Крутился, вертелся пан под плетьюми, как выюн на горячей сковородке, а потом не выдержал:

— Отдам, отдам поместье!

— Ну ладно. Только смотри без обмана, а то есть у меня для тебя средство, — смеётся дед. — Ох, все в рог!

И хлопцы-молодцы мигом в рог спрятались. Положил дед рог в карман и говорит:

— Завтра приду проверю: коль не уйдёшь, опять напущу на тебя своих помощников!

И пошёл дед весёлый домой — с торбочкою и с рогом.

А пан на другой день чуть свет покинул поместье: боялся, чтобы дед не вернулся назад со своими хлопцами.

Как бедняк обедал с барином

Однажды в праздничный день сидели крестьяне на скамейке перед домом и беседовали о своих делах.

Подошёл к ним деревенский лавочник и стал хвастаться: я, мол не лыком шит и в барских хоромах бывать доводилось.

А самый бедный крестьянин сидел себе и посмеивался:

— &mdодумаешь, великое дело, что тебе в барских хоромах бывать приходилось. Если я захочу, то и обедать буду с баринoм.

— Это ты-то будешь обедать с баринoм? Да если я такое диво своими глазами увижу, то всё равно не поверю, — разгорячился лавочник.

— Вот увидишь, что я буду обедать с баринoм.

— Нет, не будешь!

Спорили они, спорили и в конце концов бедный крестьянин заявил во всеуслышание:

— Бьюсь об заклад, что я буду обедать с баринoм. Если станет по-моему, ты мне дашь вороного и гнедого коня, а если ты окажешься прав, то я три года бесплатно отработаю на тебя. Обрадовался лавочник;

— Согласен! Дам я тебе вороного и гнедого коня, а в придачу и телку пожалуйo — говорю это при свидетелях.

Пошёл бедняк к барину:

— Ваша милость, хочу я у вас о чем-то спросить, только прошу вас, пусть это останется между нами: сколько стоит слиток золота, величиной с мой колпак?

Ничего не ответил барин, только хлопнул в ладоши:

— Дайте-ка нам с мужичком выпить да закусить и принесите обед, да побыстрее! Садись, садись, не робей, ешь, пей, сколько твоей душе угодно!

Угощает барин крестьянина, как дорогого гостя, а сам так и дрожит от жадности, боится, как бы слиток не упустить из своих рук.

— Иди, мужик, принеси свой золотой слиток. Дам я тебе за него пуд муки и пять гривенников.

— Да нет у меня, барин, никакого слитка! Я просто так любопытствовал, сколько стоит слиток золота, величиной с мой колпак.

Рассердился барин:

— Вон отсюда, болван!

— Какой же я болван, барин, раз ты меня угостил, как дорогого гостя, за этот обед я ещё получу от лавочника двух коней и телку.

И крестьянин ушёл очень довольный.

Как Василь змея одолел

Было оно или не было, правда ли то или нет, - послушаем лучше, что сказка рассказывает.

Ну так вот. Прилетел в один край страшный-престрашный змей. Вырыл себе среди леса у горы глубокую нору и лег отдыхать.

Долго ли отдыхал он, никто не помнит того, но как поднялся, то сразу громко закричал, чтобы все слышали:

— Эй, люди — мужики и бабы, старые и малые, - приносите мне каждый день дань: кто корову, кто овечку, а кто свинью! Кто принесет, тот в живых останется, а кто нет, того проглочу!

Переполошились люди и начали носить змею что положено.

Носили, носили, а потом видят — и носить-то нечего. Совсем обеднели. А змей был такой, что без дани и дня прожить не мог. Стал он тогда сам по селам летать, людей хватать, к себе в нору таскать.

Ходят люди как неприкаянные, плачут, спасения ищут и не знают, как им от лютого змея избавиться.

Тем временем заехал в то место один человек. Звали его Василь. Видит Василь, что ходят люди пригорюнившись, руки ломают да голосят.

— Что у вас за беда? — спрашивает. — Чего вы голосите?

Рассказали ему люди про свою беду.

— Успокойтесь, - стал утешать их Василь, — я попробую вас спасти от лютой напасти...

Взял он дубинку потолще и поехал в тот лес, где жил змей.

Увидел его змей, вытаращил зеленые глазищи и спрашивает:

— Ты зачем сюда заехал с этой дубиной?

— Бить тебя! — говорит Василь.

— Ишь ты! — удивился змей. - Уходи-ка лучше отсюда, пока не поздно. А то какдохну, как свистну, ты и на ногах не устоишь, за три версты отлетишь.

Усмехнулся Василь да и говорит:

— Не хвались ты, старое пугало, я и не таких видывал! Еще посмотрим, кто из нас посильней засвистит. Ну, свистни!

Свистнул змей, да так сильно, что аж листья с деревьев посыпались, а Василь на колени упал. Поднялся он и говорит:

— Э, глупости! Да разве ж так свистят? Это ведь курам на смех! Давай-ка я попробую, только ты завяжи себе глаза, а то, чего доброго, повылазят.

Завязал змей глаза платком, а Василь подошел да так свистнул его дубиной по голове, что у змея аж искры из глаз посыпались.

— Неужто ты сильнее меня? — говорит змей. — Давай-ка еще попробуем. Кто из нас быстрее камень раздавит?

Схватил змей камень пудов во сто, сдавил его лапами, да так крепко, что пыль столбом поднялась.

— Ничего тут удивительного нету, - смеется Василь. - Вот ты сожми так, чтоб из камня вода полилась.

Поднял змей камень, сжал, а воды и нет...

— Смотри, — говорит Василь, - как я сожму. Достал он незаметно из торбы сыр, сжал, вода так и брызнула во все стороны.

Испугался змей: видит, что Василь и вправду сильнее его. Посмотрел на Василеву дубину и говорит:

— Проси у меня что хочешь, я все тебе сделаю.

— Ничего мне не надо, — отвечает Василь, — у меня всего дома в достатке, побольше твоего.

— Ну да! — не верит змей.

— Не веришь, так поедem посмотрим. Сели они в повозку и поехали. Тем временем змею есть захотелось. Увидал он стадо волов на опушке леса и говорит Василю:

— Пойди поймай вола, маленько закусим. Пошел Василь в лес и начал драть лыко. Ждал змей Василя, ждал и наконец сам к нему пошел:

— Ты что тут так долго возишься?

— Лыко деру.

— А зачем тебе лыко?

— Хочу веревок навить да на обед пять волов наловить.

— Зачем нам пять волов? Хватит и одного. Схватил змей вола за загривок и потащил к повозке.

— А ты, - говорит Василию, — принеси дров, будем вола жарить.

Сел Василь в лесу под дубом и сидит себе, цыгарку покуривает.

Ждал, ждал змей и не выдержал. Приходит к Василию:

— Ты что так долго тут возишься?

— Да вот хочу с десятков дубов принести. Выбираю, какие потолще.

— Зачем нам десять дубов? Хватит и одного! — сказал змей и вырвал одним махом самый толстый дуб.

Зажарил змей вола и приглашает Василя есть.

— Ешь ты сам, - отказывается Василь, - я уж дома подкреплюсь; что тут одним волом заниматься, это мне один раз укусить.

Съел змей вола, облизнулся, и поехали они дальше. Подъезжают к дому, где жила семья Василя. Увидели дети издали, что отец едет, и закричали от радости:

— Тата едет! Тата едет!

А змей не расслышал и спрашивает:

— Что там дети кричат?

— Да это они радуются, что я тебя им на обед везу. Они у меня давно проголодались...

Испугался змей, спрыгнул с повозки и бросился наутек. Но не разглядел дороги, да и попал в болото. А болото было такое, что и дна не достать. Провалился змей на дно, да там и захлебнулся.

Как волка уму-разуму учили

Косил мужик сено. Утомился и присел под куст отдохнуть. Достал кошелку и решил закусить. А тут волк поблизости случился. Почуял волк запах пищи и вышел из леса. Видит волк — косарь под кустом сидит, закусывает. Подошел к нему, спрашивает:

— Что ты ешь?

— Хлеб.

— А он вкусный?

— Очень.

— Дай мне попробовать.

— Ну, пожалуйста.

Отломил косарь кусок хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Никогда такого вкусного, да еще с тмином хлеба не ел. Всю Беларусь вдоль и поперек прошел, а не ел такого. Наверно, у тебя какой-то он особенный.

— Ты угадал, — сказал косарь, — этот хлеб минским зовут.

— Хотел бы, и я минский хлеб каждый день есть, — вздохнул волк. — Посоветуй, добрый человек, где его доставать.

— Добро! — говорит косарь. — Так и быть, научу тебя, как этот хлеб доставать.

И стал он учить волка:

— Перво-наперво землю вспаши...

— Тогда и будет хлеб?

— Экой ты быстрый! — засмеялся косарь. — Подожди еще! Землю надо бороновать...

— И можно хлеб есть? — торопился волк, виляя хвостом.

— Да что ты, подожди еще! Надо еще рожь посеять...

— Тогда и будет хлеб? — опять переспросил волк, облизываясь.

— Да что ты! Дождись, пока рожь взойдет, зиму перезимует, в весну зазеленеет, летом зацветет, колос нальется — только тогда созревать будет...

— Ох, — вздохнул волк, — очень уж долго... А тогда уж я вволю наемся хлеба?

— Где уже там наешься! — усмехнулся мужик. — Рано еще! Поспеет рожь. Надо ее сжать, в снопы связать, снопы в копны сложить. Ветерок их провеет, солнышком прогреет... Тогда уж и на ток везти можно...

— И можно будет есть?

— Ох, какой ты нетерпеливый! Снопы надо обмолотить, зерна в мешки ссыпать да на мельницу свезти, потом смолоть...

— И всё?

— Нет ещё, не всё! Муку надо замесить, дожидаться, когда тесто подойдет. Потом хлеба сделать да в горячую печку посадить.

— И будет хлеб?

— Вот когда испечётся, тогда и будет хлеб. Задумался волк. Почесал лапой в загривке и говорит:

— Нет, эта работа не по мне. Посоветуй лучше, как легче хлеб добывать.

— Ну коли не желаешь трудного хлеба есть, ешь легкий... Иди в луга. Там конь пасётся.

Пришёл волк в луга. Увидел коня, поднял шерсть на спине, оскалился и говорит ему:

— Конь, а конь! Я тебя съем!

— Что ж, — отвечает конь, — ешь. Только сперва с задних ног подковы отдери, а то зубы обломаешь...

— Твоя правда, — согласился волк.

Нагнулся он подковы отдирать, а конь как даст ему копытом в зубы...

Перекувырнулся волк и бежать... Прибежал к речке. Видит — на берегу гуси пасутся. "Не съест ли мне гусей?" — подумал волк. Подошел к гусям и говорит:

— Гуси, а гуси, я вас съем!

— Ну что ж, — загоготали гуси, — ешь! Но сперва сослужи нам перед смертью одну службу.

— Какую!

— Спой нам, мы потанцуем.

— Только-то?! Это можно. Петь я мастер!.. Сел волк на бугорок, задрал голову и давай выть. Тем временем гуси улетели. Слез волк с бугра, проводил гусей взглядом и не солоно хлебавши пошел в свою берлогу. Тем временем косарь закончил косьбу и возвращался домой. Идет и вдруг слышит: где-то поблизости волк плачет и про себя говорит:

— Хватит, попробовал легкого хлеба! От него и помереть недолго...

Как Иван чертей перехитрил

Жил в одной деревне старик со старухой. И было у них трое сыновей. Бедно жили они, с хлеба на квас перебивались.

Померла старуха, а за ней пришел черед и старику. Позвал он перед смертью сыновей и говорит им:

— Не нажил я вам хозяйства, поделю, что имею.

И дал он старшему сыну желтого кота, среднему — жерновки, а младшему, Ивану, — пучок лыка на лапти.

Поделил так свое добро, а сам вскорости и помер. Пожили братья немного, поели отцов хлеб, да и призадумались о заработках.

Взял старший брат желтого кота под мышку и пошел по свету работу искать.

Долго ли, коротко он шел, глядь, в дороге и ночь его застала. Зашел он в одну хату, просится переночевать. Ему говорят:

— Ой, милый человек, у нас мышей да крыс полно — от них мы отбиться не можем. А тебя, новичка, они и вовсе заедят.

— Ничего, — говорит прохожий, — может, как-нибудь и переночую.

Забралась хозяинова семья спать на полати, а прохожий улегся на полу с котом.

Проснулись утром хозяева, видят — на полу целая куча мышей и крыс, а возле прохожего сидит какой-то желтый зверек и потихоньку мурлычет.

А в тех местах у людей не было еще котов, и ничего о них не знали.

Пристали они к прохожему:

— А браток, а голубок, продай нам своего зверька!

— Нет, — говорит прохожий, — это зверек непродажный.

Рассказали те люди про чудесного зверька своему царю. Зовет царь к себе прохожего. Переночевал прохожий у царя одну ночь — котик и там целую гору мышей наловил. Царь прямо своим глазам не верит.

— Что хочешь проси, — говорит он прохожему, — а только продай нам своего зверька.

— Осыпь его, царь, серебром, тогда и бери. Что делать царю — пришлось согласиться. Взял хозяин своего котика за передние лапки и поставил на задние.

— Теперь осыпай! — говорит он царю. Царь все свое серебро высыпал — и осыпал котика.

Взял прохожий серебро и домой воротился. Построил хорошую хату, обзавелся хозяйством, женился и живет себе на славу.

Средний брат поглядел на него и говорит:

— Пойду и я со своими жерновками по свету. Может, и они мне счастье принесут.

— Взял он жерновки под мышки и пошел.

Долго ли шел он или коротко, застала его ночь в пути. Видит — стоит на лесной опушке хатка. Зашел он туда — никого нету. Забрался он на полати со своими жерновками да и уснул.

Ночью явились в хату разбойники, высыпали из карманов на пол кучу денег и стали делиться.

Прохожий тем временем хотел было на другой бок повернуться, да нечаянно толкнул свои жерновки. А те — тарарах! — на пол. Как схватятся разбойники — и ходу! Даже от денег отказались...

Слез прохожий с полатей, забрал деньги и пошел домой. Ыу, понятно, хорошо зажил, как и старший брат.

Посмотрел на них младший брат, Иван, и говорит:

— Пора и мне счастья попытать.

Взял он свое лыко и пошел по миру. Долго ли шел или коротко — износились лапти. Сел среди болота на кочку и начал из лыка полоски резать, чтоб новые лапти сплести.

Вдруг выскакивает из болота черт. Посмотрел на Ивана и спрашивает:

— Ты что это, Иван, далаешь?

— А разве не видишь? Веревки вью.

— Зачем?

— Буду вас, чертей, из болота ими таскать да на базаре по копейке продавать. Вот и заработаю денег на хату. Вас ведь здесь хоть пруд пруди.

— погоди, Иванка, не делай ты этого. Что хочешь бери, только не тащи нас из болота.

— насыпь шапку золота — не буду. нырнул черт в болото за золотом, а Иван выкопал глубокую яму и положил сверху нее свою дырявую шапку.

вынес черт мешок золота, высыпал его в шапку, а оно и дна не покрыло... Покрутил черт головой, вынес еще мешок. Высыпал — кое-как шапку наполнил.

— Ну, подымай! — говорит он Ивану. — Я тебе помогу, а то сам ты не справишься.

— Ничего, — говорит Иван, — управлюсь. А черт не соглашается; подымай шапку при нем! Поднял Иван шапку, а черт и увидел, что деньги-то в яме.

— Э-э, нет, — затопал черт, — ты меня обманул! пойду к старшему: как скажет он, так и будет.

Пошел черт к своему старшему. Тот выслушал его и послал на расправу с Иваном самого сильного черта — Крепыша.

выскочил Крепыш из болота, говорит Ивану:

— Кто кого одолеет, тому и золото достанется. Посмотрел Иван на Крепыша: “Не очень-то, — думает, — легко тебя одолеть!” Но и виду не подает, что испугался. Оглянулся, видит — недалеко под елью медведь лежит.

— Что ж, — говорит Иван черту, — стоит ли мне самому с тобою бороться? Боюсь, что ты и костей потом не соберешь. А вон лежит под елкой мой старый дед, поборись-ка сперва с ним: посмотрим, какая в тебе сила.

Подбежал черт к медведю.

— Эй, старина, давай поборемся!

Медведь поднялся, схватил черта и начал его душить — тот еле живой остался. Бросил бороться, побежал к старшему и рассказал ему, что даже старый, мол, дед Ивана и тот поборол его.

Посылает тогда старшой черт к Ивану своего лучшего бегуна — Летуна.

выскочил тот из болота, говорит Ивану:

— Давай бежать взапуски: кто кого обгонит, тому и золото.

Огляделся Иван, видит — лежит под кустом заяц.

— Э, — говорит он Летуну, — ты вот сперва обгони моего младшего сынка, а потом и со мной пробуй.

Бросился черт к зайцу. А тот испугался да как кинулся по кустам — неведомо куда и делся.

Побегал черт туда-сюда, не догнал зайца. Воротился назад к старшему. Обозлился старшой, посылает к Ивану третьего черта — Свистуна.

Выскочил Свистун из болота и говорит Ивану:

— Кто кого пересвистит, тому и деньги.

— Ладно, — говорит Иван, — свисти! Свистнул черт, да так крепко, что аж болото затряслось, лес осыпался...

Подошел черед свистеть Ивану. Он подумал и говорит:

— Вот что. Свистун: завяжи-ка ты лучше себе глаза, а то я как свистну, они у тебя на лоб повылазят.

Испугался черт, завязал глаза платком.

— Свисти! — говорит.

А Иван поднял долбешку да как свистнул черта по лбу, — тот так и присел.

— Постой, — говорит Иван, — это я потихоньку еще свистнул... Дай-ка еще разок посильней свистну.

— Ой, нет! — завопил черт. — Хватит с меня и этого. Бери свое золото, только больше не свисти. Забрал Иван золото и домой воротился.

Как кот зверей напугал

Жили дед и баба. И был у них кот. Дед кошели плел, баба пряжу пряла, а кот ходил на мышей охотиться.

Вышел раз кот в лес на охоту да и заблудился. Искал-искал дорогу домой — не нашел. Сел под елью и плачет.

Бежит лиса. Увидела кота, загляделась: никогда еще такого зверя в своем лесу не встречала!

— Кто ты таков? — спрашивает.

— Я — Кот Мурлыкович.

— А чего же. Кот Мурлыкович, плачешь? Рассказал ей кот про свою беду.

— Хе, — говорит лиса, — это что за беда! Ступай ко мне жить. Будешь у меня за хозяина.

— Ладно, — говорит кот.

Вот приходит он к лисе. А кур у нее — и жареных, и вареных. Наелся кот и спать завалился.

Тем временем бежит по лесу волк: топ-топ, туп-туп!

Услыхала лиса, выскочила из хаты и как закричит:

— Кто это в моем лесу стучит-топочет? Кто моему хозяину спать не дает?

— А кто у тебя хозяин? — спрашивает волк.

— У меня не хозяин, а хозяйнице, хвост с помелище: как махнет — сразу убьет!

Стало волку любопытно. Он и говорит:

— А нельзя ли, кумушка, хоть одним глазком на твоего хозяина поглядеть?

— Что ж, поглядеть можно, — отвечает лиса, — но без подарка лучше не приходи. Мой хозяин подарки любит,

— Ладно, будет подарок, — сказал волк и побежал дальше.

Вернулась лиса в хату.

А тем временем идет по лесу медведь; тресь-лом, тресь-лом, тресь-лом!

Услыхала это лиса, выскочила из хаты да как закричит опять:

— Кто это в моем лесу трещит? Кто моему хозяину спать не дает?

— А кто у тебя хозяин? — спрашивает медведь.

— У меня не хозяин, а хозяйнице, хвост с помелище: как махнет — сразу убьет.

Стало и медведю интересно: и какой это хозяин у лисы, что хвостом всех побивает? Вот он и говорит:

— А нельзя ли, лисичка-сестричка, хоть поглядеть на твоего хозяина?

— Поглядеть можно, — говорит лиса. — Только без подарка не приходи. Мой хозяин подарки любит.

— Ладно, будет подарок, — сказал медведь и пошел дальше.

Пробегали еще кабан-зубан да заяц-серяк. Лиса и их своим хозяином напугала. Собрались звери и крепко призадумались: какой же им подарок лисьему хозяину принести? Думали-гадали, наконец медведь говорит:

— Вот что, братцы, надо вкусный обед приготовить да в гости его с хозяйкой позвать. Тогда все разом и увидим.

— Ладно, пусть будет так, — согласились звери. И тут опять они крепко призадумались: какой же обед приготовить?

Думали-гадали, наконец медведь и говорит;

— Я принесу колоду меда.

— А я — барана, — говорит волк.

— А я — желудей, — говорит кабан.

— А я — свежей капусты, — говорит заяц.

Приготовили они обед и стали советоваться, кому идти приглашать. Медведь говорит:

— Я толстый, мне ходить трудно. Волк говорит:

— А я и так набегался, у меня ноги болят. Кабан говорит:

— А я толком говорить не умею. А заяц ничего не сказал. Вот и порешили послать его, как самого легконогого.

Прибежал заяц к лисьей хатке, постучал лапкой в окошко, от страха зажмурился и испуганным голосом пропищал:

— Добрый день, почтенные хозяева! Просили медведь, волк и кабан: приходите, пожалуйста, к ним в гости.

Сказал это одним духом и назад бежать.

Приготовились звери гостей встречать. Сидят за богатым столом, ждут, о лисьем хозяине разговоры ведут.

Вот заяц и говорит;

— Нет, братцы, так сидеть страшно. Кто его знает, какой там хозяин у лисы. А что, ежели наш обед ему не понравится, и он всех нас хвостом поубивает... Давайте-ка лучше спрячемся и сперва на него издали поглядим.

Звери согласились с мудрым заячьим советом и начали прятаться.

Медведь взобрался на дуб, кабан в мох зарылся, волк под куст забрался, а заяц в траве спрятался.

Тем временем лиса взяла под руку своего хозяина, и пошли они в гости.

Приходят на полянку. Слышит кот — мясом запахло. Видит — целый баран лежит.

Поднял он шерсть, натопорщил усы и враз на барана накиннулся.

Ест и все урчит: “Мяу-у, мяу-у!” Зверям аж страшно стало. Им показалось, что он кричит: “Мало, мало!”

— Ну и зверище! — говорит волк. — Мне и за день с таким рогачом не управиться, а ему еще мало...

Кабан лежал, лежал во мху и от страха начал хвостом вертеть. Кот подумал, что это из норки мышшь лезет. Прыг туда и вцепился когтями в кабаный хвост.

Как подскочит кабан, как бросится бежать! Только ветки трещат.

Испугался кот и скок на дуб!

“Ну, — думает медведь, — это он меня заметил. Надо спасаться, пока не поздно”.

Грохнулся медведь с дуба прямо на куст, где сидел волк. А тому показалось, что это сам лисий хозяин напал на него. Поднялся волк и — бежать от беды подалее. А медведь за ним: тресь-лом, тресь-лом!

И бежали они так, что заяц спустя час еле догнал их.

Догнал и говорит:

— Ежели б вы меня не послушались да не спрятались, он бы нас всех съел! Ну и страшный же зверь!

А кот с хитрой лисой нагостились и домой воротились.

Как ксендзы вылечились

Жили-были три ксендза. Разжирели они так, что прямо беда. Уж что они ни делали, какие лекарства ни принимали — ничего не помогает.

Посоветовали им доктора на воды ехать: может, говорят, вода из вас лишний жирок вытянет.

Пошли ксендзы по людям деньги на дорогу собирать. Зашли к одному человеку. Звали того человека Адашь. Всю жизнь он работал на панской винокурне и был на разные выдумки тороват.

Выслушал Адашь толстых ксендзов, подумал немного, а потом говорит:

— Зачем вам, паны ксендзы, самим по людям ходить. Поживите у меня немного, а я за вас эту работу сделаю.

— Хорошо, — говорят ксендзы. — Это для нас ещё лучше, а то нам самим ходить тяжело.

Принёс Адашь водки, начал ксендзов угощать.

Пьют ксендзы, хозяина похваливают: вот, мол, какой добрый человек попался — ничего для божьих слуг не жалеет!

Напились они даровой водки и захрапели на всю хату.

Хозяин оставил их, а сам пошёл к своим приятелям — рабочим с винокурни.

— Так, мол, и так, — говорит, — пособите, хлопцы, толстых ксендзов вылечить.

— Это мы можем, — отвечают приятели. — Чем мы не доктора?

Пришли они к Адашу, переодели пьяных сонных ксендзов в рабочую одежду, а вечером перенесли их на панскую винокурню.

Наутро очухались ксендзы. Смотрят — где ж это они? Поглядели друг на друга и ещё больше удивились — вместо сутан на них рваные мужицкие свитки, на ногах стоптанные опорки... Всё такое же, как у рабочих на панской винокурне!

Но не долго удивлялись ксендзы. Подходит к ним панский приказчик и как крикнет:

— Вы чего тут развалились? Марш картошку носить в котлы!

Приказчик подумал, что это пан новых рабочих нанял, а те пришли сюда отлёживаться, а не работу делать.

Хотели было ксендзы с приказчиком спорить, а тот и слушать не хочет, начал их бить плёткой.

Завопили ксендзы:

— Мы не рабочие, а ксендзы!

— Э, да вы ещё надо мной смеяться вздумали!

И начал приказчик их бить опять, да ещё посильней.

Крутились, вертелись ксендзы, видят — ничего не поделаешь.

— Мы пойдём, пойдём, — говорят, — работать.

— Так сразу бы и говорили! — успокоился приказчик. — А то выдумали ещё — ксендзы! Я вас наксенжу!

Подумали ксендзы: “А и правда: может, нам это только приснилось, что мы были ксендзами?”

Пошли они картошку носить. Взвалит им рабочие на плечи по мешку, они кряхтят, а несут, только искоса на приказчика с плёткой поглядывают. До полудня целую кучу картошки переносили, крепкие были ксендзы.

После обеда задал им приказчик новую работу — дрова пилить. А попались дрова дубовые, сучковатые. Пилят ксендзы да всё на солнце поглядывают: скоро ли вечер?

Дождались они кое-как вечера и, не евши, тут же у тёплого котла и уснули как убитые.

Наутро поднялись, поели вместе с рабочими картошки и — за пилу: бояться, чтоб приказчик не отхлестал.

Работают ксендзы на винокурне вместе со всеми, как надо, вместе едят, вместе спят.

Прошла неделя, вторая, стал жирок с ксендзов спадать, а спустя месяц сделались они, как борзые. Посмотрят друг на дружку и узнать не могут — так исхудали. “Наверное, — думают, — это нас черти схватили и в винокурню на послушание засадили”.

Вот однажды после работы поднесли ксендзам Адасевы приятели штоф водки и начали их потчевать. Напились ксендзы и уснули без памяти. Взяли тогда рабочие перенесли их к Адасю в хату, сняли с них грязную одежду и спать уложили.

Проснулись на другое утро ксендзы поздно и дрожат, боятся, что на работу проспали!.. Начали поскорей искать одежду. Вдруг видят, лежат возле них настоящие ксендзовские сутаны! Удивляются ксендзы — глазам своим не верят.

А тут входит к ним хозяин со сковородкой яичницы. Запахла яичница на всю хату, аж нос щекочет.

— Вставайте, вставайте, паны ксендзы, — говорит хозяин. — Завтракать пора.

Оделись ксендзы и за стол. Едят и поглядывают молча друг на дружку: видно, опять сон снится!

Позавтракали этак и домой собираются.

Адась говорит:

— Погодите, Панове, я ж вам ещё денег не собрал на воды ехать...

— Нет, нет, — замахали ксендзы руками, — не надо нам никаких вод: мы и так излечились. И стрелой один за другим в двери. Выскочили ксендзы на двор и поскорей каждый в свой костёл. И так быстро помчались, что и на лошади их не догнать.

Как курочка петушка спасла

Жили-были курочка и петушок. Курочка яйца несла, а петушок зернышки добывал, курочку угощал. Выгребет из ямки зернышко и зовет курочку;

— Ко-ко-ко, Хохлатка, я зернышко нашел! Вот раз выгреб петушок большой бобок. “Ну, — думает, — этого зернышка курочке не проглотить, съем я его, пожалуй, сам”. Проглотил — да и подавился. Упал петушок, ноги задрал и не дышит. Подбежала к нему курочка:

— Что с тобой, Петя? Чего ты лежишь и не дышишь?

— Ой, -стонет петушок, -бобочком подавился...

— Чем же тебе, Петя, помочь? — спрашивает курочка.

— Надо, — шепчет петушок, — масла достать, горло смазать.

— А где его достать?

— У коровы.

Побежала курочка к корове:

— Корова, корова, дай масла!

— Зачем тебе масло?

— Петушок лежит и не дышит: бобочком подавился.

— Ладно, — говорит корова, — дам тебе масла. Только сходи сперва к косарям, попроси сена. Пришла курочка к косарям:

— Косари, косари, дайте сена!

— Зачем тебе сено?

— Сено — корове. Корова даст масла. Масло — петушку, а то петушок лежит и не дышит; бобочком подавился.

Косари говорят:

— Сходи к пекарю, попроси пирогов. Пироги мы съедим, тогда и сена накосим. Пришла курочка к пекарю;

— Пекарь, пекарь, дай пирогов!

— Зачем тебе пироги?

— Пироги — косарям. Косари сена накосят. Сено — корове. Корова даст масла. Масло — петушку, а то петушок лежит и не дышит: бобочком подавился.

Пекарь говорит:

— Сбегай в лес, принеси дров, чтобы было на чем пироги испечь.

Побежала курочка в лес и принесла дров.

Напек пекарь пирогов.

Отнесла курочка пироги косарям. Косари съели пироги и накосили сена.

Принесла курочка сено корове.

Корова съела сено и дала масла.

Принесла курочка масло петушку.

Петушок смазал горло маслом и проглотил бобок.

Проглотил и опять запел весело на весь двор:

— Ку-ка-ре-ку! Хохлатка — молодец! Тут и сказке конец.

Как мужик с барином пообедал

Сидели раз мужики под ветлами, трубочки посасывали, про пана калякали. Он у них сердитый, скупой; у него, болтают, ковшика воды не допросишься. А один мужик и говорит:

— Эх вы! Да я, если захочу, не то что воды выпрошу, а у пана пообедаю.

Закричали мужики, заспорили:

— Если ты не врешь, у нашего пана пообедаешь, мы тебе пару волов дадим.

Уж побились об заклад честь честью.

Пришёл мужик к пану, поклонился низенько и говорит шёпотом:

— Пане милостивый, никому я ничего не рассказывал, сразу к вам прибежал спросить: сделайте милость, пан, скажите, что бы стоил такой кусок золота?

И показывает пану свой добрый мужицкий кулак.

Разгорелись у пана на золото глаза.

— Заходи, — говорит, — заходи, мужичок. А мужик в комнату зашёл, а всё своё твердит:

— А скажите мне, пан Милостивый, а если б такой кусок, что б ему была за цена?

Сложил два кулака и показывает. Задрожал тут пан от жадности и говорит:

— Садись, мужичок, садись, выпей чарочку. А мужик ему:

— Да ведь чарочку, пан милостивый, пьют-то под закусочку. А скажите, пане, если бы такой кусок?.. Да показывает на свою голову. Побелел тут пан, в ладони захопал, кричит слугам:

— Несите водочку да наливочку, да борщу, да галушечек! Садись, мужичок, пообедаем. Сел мужичок с паном, обедает. Пан аж горит, хочет знать, где тот кусок золота.

А мужик панскую еду ест, причмокивает, — от веку такой не пробовал.

Только прожевал, — пан за картуз:

— Ну, веди, мужичок. Где это золото?

А мужик трубку закурил, головой помотал:

— Так что ж, паночек милостивый, у меня ведь его нету, этого золота... Я так спросил, что бы оно стоило, коли было бы.

Рассердился пан, закричал на мужика:

— Пошёл вон, дурень! Дурак ключьями! А мужик ему в ответ:

— Эх, паночек милостивый, не так уж я глуп, не так бестолков, коли получил пару круторогих волов.

Как мужик царского генерала проучил

Копал мужик погреб и нашел кусок золота. Очистил его от песка и думает: “Что ж мне с ним делать? Ежели отнести пану, то пан отберет и ничего за него не даст. Отнести шинкарю — тот обманет: скажет, что это, мол, не золото. Дома хранить — могут воры украсть... Нет, отнесу-ка лучше его самому царю. Что он даст, то и возьму”.

Надел мужик новую свитку, обул новые лапти и понес царю золото.

Шел он, может, неделю, а может, и две.

Приходит наконец в царскую столицу. Подошел к царскому дворцу.

— Ты куда, дядька? — спрашивает его часовой-солдат.

— К царю, служивенький.

— Зачем?

— Да вот несу ему кусок золота. Солдат и пропустил мужика в ворота. Подошел мужик к царским покоем. А там сам царский генерал стоит на часах.

— Куда, мужик, лезешь? — грозно закричал генерал.

— К царю, — говорит мужик.

— Зачем?

— Да копал я погреб на огороде и выкопал кусок золота. Вот и несу царю — может, он за него что даст.

— Покажи, — говорит генерал, — золото. Показал ему мужик золото. Поглядел генерал, покрутил свои усы и говорит:

— Если уступишь мне половину того, что царь тебе за золото даст, то пропущу, а нет — ступай назад.

— Ладно, панок, дам! — соглашается мужик. Генерал доложил царю. Вышел царь, взял золото и спрашивает мужика:

— Что ж тебе, мужичок, дать за него?

— Да ничего, царечек-паночек. Ежели есть чем угостить, то сделай милость, а то я с дальней дороги, очень есть захотелось.

Царь приказал, и слуги принесли мужику каравай белого хлеба и бутылку вина.

Поглядел мужик на такое угощение и говорит:

— Царечек-паночек! Мой дед и прадед такого хлеба не едали, такого вина не пивали, и я к этому не привычный. Нету ли у тебя солдатского хлеба да простой водки?

Принесли мужику черного солдатского хлеба и простой водки.

Наелся мужик, выпил маленько и благодарит царя.

— Ну, а что еще, мужичок, ты хочешь?

— Да ничего, царечек-паночек. Теперь дозвожь поплясать в твоих покоях.

— Эй, музыку! — крикнул царь. Явилась полковая музыка.

— Нет, — говорит мужик, — под такую музыку я плясать не умею.

— А под какую же ты умеешь?

— Под дуду.

Нашли дударя с дудой. Заиграл дударь, и как пошел мужик плясать, аж царские покои трясутся. Наплясался вволю, все лапти сбил, а потом говорит:

— Хватит!

Дударь перестал играть.

— А теперь, царечек-паночек, — говорит мужик, — есть у меня еще одна последняя просьба.

— Какая?

— Да вот я тебе здесь нашумел, нагрязнил своими лаптями, так дай мне за его сто розог.

— Зачем тебе розги? — говорит царь. — Ты же мне золото принес!

— Нет, царечек-паночек, дай розог, я так от тебя не уйду.

Ну, делать нечего. Позвал царь палачей с розгами. Положили мужика на лавку. Намочили палачи розги в соленой воде и приготовились его бить.

А мужик вдруг как закричит:

— погоди, царечек-паночек! У меня напарник есть.

— Какой напарник?

— Да вот когда шел я к тебе, то меня один твой генерал не пускал. “Коли дашь, — говорит, — половину того, что тебе царь за золото даст, то пропущу”. Я посулил ему отдать половину. Так дайте ему первому его половину — все ж он мне не ровня, я должен ему свой черед уступить.

Привели генерала. Как увидел он розги, задрожал весь, начал что-то говорить, да язык его не слушается. А мужик говорит:

— Не бойся, панок-генерал, я тебя не обижу:

твою долю отдам сполна. Дайте ему пятьдесят, а потом остальные мне.

Раздели генерала, положили на скамью и начали сечь розгами.

Когда отсчитали ровно пятьдесят, мужик говорит:

— Царечек-паночек! Он тебе хорошо служит, так дай ему и мою половину.

Мне не жалко.

Всыпали генералу еще пятьдесят розог. А мужик шапку в охапку — и за порог.

Как поп обманул Тараса однажды, а Тарас его дважды

Жил на свете бедный-пребедный мужичок, и была у него жена, а детей не было. Дожили они до того, что хлеба купить не на что.

— Эх, жена, - говорит мужик, - поведем на базар последнюю коровенку, продадим да хлеба купим.

Пошел мужик корову в город продавать, а навстречу ему из города священник с причтом.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, батюшка!

— Куда это ты, Тарас, козу ведешь?

— Батюшка, это же корова!

— Нет, светик, это коза, вот и дьякон тебе скажет.

— Да, это коза! — говорит дьякон.

Растерялся мужичок, а поп увещевает:

— Брате Тарасе, продай мне эту козу, вот тебе три рубля!

Нечего делать мужичку, продал он попу свою корову за три рубля, вернулся домой и говорит жене:

— Какая ты глупая, вместо коровы козу мне на поводке дала.

Напустилась на него жена.

— Что ты, ума решился? Козы все дома, а коровы нетути.

— Ну, баба, что делать? Я продал корову священнику, как-нибудь потом разберемся.

Снова пришло воскресенье. Едет Тарас в город и знает, что священник с причтом обязательно зайдет в трактир отобедать. Подговорил он трактирщика:

— Я выпью и закушу на гривенник, а ты говори, что на сто рублей.

Сидят причетники с попом в соседнем номере и говорят между собой:

— Каков наш мужик Тарас: за один обед сто рублей просадил! Мы вчетвером и то рублей десять истратим, а он сто рублей!

Смотрят они в щелку: чем это Тарас будет расплачиваться. А Тарас втащил в трактир большущий колпак, аршина в полтора. Стукнул по колпаку:

— Ну что, трактирщик, уплачено?

— Уплачено сполна.

Поп со своим причтом смотрят на это и диву даются.

В другой раз стукнул Тарас по колпаку.

— Будьте здоровы, пан трактирщик!

В третий раз стукнул-говорит трактирщик:

— Ну, молодец, Тарас, платить умеешь.

Священник и говорит:

— Братья причетники, купим у Тараса этот колпак: он пригодится нам — каждую поездку будет для нас даровой обед в трактире. Ты, дьякон, клади на кон двадцать пять рублей, дьячки положат вместе двадцать пять, а я один пятьдесят; за сто рублей, может, продаст колпак.

Едет Тарас домой, догоняет его священник:

— Знаешь что, Тарас? Продай нам этот колпак:

он будет нас выручать. Сколько ты за него возьмешь? Мы согласны дать тебе пятьдесят рублей серебром.

— Нет, батюшка, никак нельзя отцовское благословение в чужие руки отдавать: хоть изредка случится в городе быть, так вволю попою-погуляю.

— Послушай, Тарас, вот тебе сто рублей серебром.

— Нет уж, батюшка, если хотите купить, то продам за сто пятьдесят рублей.

— Ну, причетники, - говорит священник, - покупаем, а то кто-нибудь дороже даст.

Купили они колпак за сто пятьдесят рублей. Приезжает Тарас домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, ругала ты меня, что я корову за, три рубля продал, зато теперь продал я свой колпак за сто пятьдесят рублей.

Стал Тарас хозяйством обзаводиться, а священник ждет не дождется праздника, чтобы поехать в город на дармовой обед. Поехали причетники с женами и няньками и с детьми в город. Заказывают трактирщику:

— Дай-ка нам на двести рублей попить-погулять. Трактирщик рад стараться: подал разных кушаний и напитков на двести рублей. А как только отобедали:

— Ну, батюшка, пожалуйста расчет! Батюшка вылезит из-за стола:

— Сейчас, господин трактирщик! Принес пономарь со двора колпак. Стукнул священник по колпаку ладонью.

— Ну как, в расчете, трактирщик?

— Нет, поп, давай деньги!

Священник передал колпак дьякону, чтобы дьякон ударил по колпаку. Дьякон бил-бил, а трактирщик по-прежнему расчет спрашивает. Все причетники лупили кулачищами по колпаку, а трактирщик знай свое твердит:

— Давай деньги!

Стали складчину собирать причетники, заняли денег у знакомых и заплатили трактирщику.

Тарас года за два прожил полученные за колпак деньги, а потом и говорит жене:

— Вот что, баба! Ложись-ка на лавку да смотри не шевелись, а я поеду за священником, скажу ему:

"Батюшка, пожалуйста исповедовать: моя хозяйка очень больна".

Приезжает мужик к священнику.

— Ну, зачем ты приехал?

— Сделайте милость, батюшка, пожалуйста исповедовать: хозяйка умирает.

Собрался поп и поехал с Тарасом. Входят в хату, а хозяйка лежит уже мертвая, прибранная.

— Батюшка, - говорит Тарас, - благословите вы меня! Есть у меня старинная дубина (еще от сотворения мира), я огрею жену три раза этой дубиной, она сразу оживет.

— Ну, коли эта дубина еще от дедов-прадедов сохраняется — благословляю!

Батюшка со страху вышел в сени, а Тарас ударил три раза дубиной по лавке. Жена мужика зашевелилась, застонала. Удивился батюшка, что человек ожил. Входит он в хату, а баба уже сидит на лавке и покачивается. Тарас поднес ей ковшик холодной водицы, она и вовсе очухалась.

Батюшка похвалил Тараса и поехал домой. В тот же день собрал он свой причт и рассказал ему о диковинном воскресении жены мужика.

— Вот кабы нам эту дубину купить; как мы постоянно на похороны ездим, то оживляли бы этой дубиной покойников. Давайте сложимся и купим у мужика дубину.

— А вы, батюшка, съездите поторгуйтесь.

— Нет, поедем все вместе к нему.

Приезжают они к Тарасу.

— Не продашь ли, Тарас, дубину, которая людей оживляет?

— Продам.

— Сколько возьмешь за нее?

— Ах, батюшка, дайте пятьсот рублей.

Стали причетники совещаться.

Поп говорит складываемся, я двести пятьдесят рублей, а вы, причт, втроем двести пятьдесят.

Отдали деньги мужику и забрали с собой дубину. Только они приехали домой — навстречу им купец богатый.

— Батюшка, у меня сегодня жена умерла, побеспокойтесь тело схоронить.

— Сейчас, господин купец, приедем.

Быстро собрались они, взяли с собой дубину. Приезжают, лежит на столе тело.

Говорит поп дьякону:

— О, о, мы ее воскресим! Тащи-ка, пономарь, дубину!

Удивляется купец, зачем пономарь дубину несет. Ударили причетники мертвую купчиху три раза — не оживает. Доложили родственники купцу о таком надругательстве над покойницей. Купец подал жалобу начальству, что причетники усопшую купчиху так побили. Вот и потащили их всех недолго думая в суд на расправу.

Каня

Давно это было, в самом начале света, когда земля была ещё недоделанной. Были на ней горы, долины, леса и поля, но не было ни рек, ни озёр, ни криниц с холодной водой. Людям было ещё так-сяк: выкопают глубокий колодец, достанут воды и живут себе припеваючи. А вот зверям и птицам как? Ведь не побежишь, если захочешь пить, к далёкому морю, а лужи после дождя быстро высыхают, вода в землю уходит. И собрались звери и птицы на большое собрание, чтобы решить, что делать. Долго думали, так и сяк прикидывали и решили выкопать большие водоёмы, озёра, прокопать реки и ручьи, выкопать криницы. И пока будут работать, чтобы ни волк ягнёнка, ни коршун цыплёнка, ни лиса зайца не тронули. И все согласились с этим. Одна только каня-пигалица возомнила что-то о себе: на длинных ногах похаживает, белую грудку поглаживает.

— Вас, — говорит, — и без меня много. У меня когтей нет, ноги тонкие, где мне ими землю рыть? У меня перышки белые, ещё испачкаюсь. Да и не привыкла я по земле бегать. То ли дело в небе купаться, тут я, как дома у батюшки.

— Так что ты, — возмутились звери и птицы, — хочешь, чтобы мы на тебя работали?

— А я вас и не прошу, — заносчиво отвечает каня, — роса опадёт, я с листочка напьюсь, дождик пойдёт, крылья у меня быстрые, я на лету капель наглотаюсь. Много ли мне той воды надо?

Видят звери и птицы, что вносит каня разлад в большое собрание, может погубить всё дело, если найдутся ещё такие охотники. И постановило большое собрание зверей и птиц проклясть каню страшным проклятием:

— Чтобы никогда каня, ни весь род её не пили воды ни из рек, ни из ручьёв, ни из озёр, ни из криниц, ни из самого моря синего.

А сами взялись за работу. Кроты под землёй водяные жилы искали. Медведь корчи корчевал, камни выворачивал. Дикие свиньи рвы рылом рыли. Куропатки землю разгребали. Ласточка первая земли комок в клюв взяла, отнесла его на пригорок и высыпала. А за нею и все остальные птицы землю в клювах носить стали из будущих речных русел. Долгие годы работали они, пока по всей земле реки и озёра выкопали, землю из них по крупинке на пригорки вынесли. Зато настала и для них жизнь хорошая: где хочешь живи, где хочешь деток расти, вода везде есть. И так привыкли они к тем местам, где вместе работали, что и селиться стали чаще всего возле воды, а гуси, утки, чайки, а из зверей — бобр, выдра и многие другие и вовсе на воде жить остались. Каня тоже возле воды поселилась. Только если бы и хотела она напиться воды из реки или криницы — не может: застревает вода в клюве у неё. Только тогда и может она напиться, когда капля росы ей просто в горло скатится или дождевые капли прямо в рот попадут.

Если даже сушь случится, птицы и звери не горюют: пересохнут мелкие ручьи — большие реки и озёра останутся. А кане тогда горе горькое, и начинает она летать и канькать:

— Пить, пить, пить...

И канькает, пока дождь не пойдёт.

Вот почему, когда кани летают и пить просят, люди знают, что скоро дождь будет.

Козел

Жили дед да баба. Распахал дед лядо в лесу, посеял на нем овес, а сам вскоре помер. Осталась баба одна. Вздумалось ей овес поглядеть, пошла, а в овес козел забрался. Подошла она и давай кричать:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

А козел не идет:

— Не лезь, — говорит, — глупая баба! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Делать нечего: пошла баба прочь и плачет. А навстречу ей медведь:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба про свою беду: так и так, как мне не горевать? Повадился в мой овес козел, и никак его не выгонишь.

— Ну, пойдем, я выгоню!

Подошли они к овсу, медведь и говорит:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

А козел не идет:

— Не лезь, глупый медведь! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугался медведь и убежал. А баба пошла прочь и плачет. Вдруг навстречу ей волк:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба свое горе: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его оттуда не выгнать.

— Пойдем, бабка, я выгоню!

— Да где ж тебе выгнать, медведь гнал, да и то не выгнал.

— Ну, пойдем-ка, покажи.

Привела его баба к овсу, волк и говорит:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь, глупый волчище! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон! Испугался волк и бежать. Опять пошла баба и плачет. А навстречу ей лиса:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба и лисе свое горе: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и не выгонишь его оттуда: медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал.

— Ну, пойдем, я-то выгоню! Подошли к овсу:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь, глупая лиса! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугалась лиса и убежала. А баба идет и плачет. Вдруг ей навстречу заяц:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала и ему баба по свою беду: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его не выгнать: медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, лиса гнала — не выгнала.

— Ну, веди меня, я выгоню! Пришли к овсу, заяц и говорит:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь, зайчище-дурачище! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугался заяц и убежал. Снова пошла баба прочь, плачет. А навстречу ей собака:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба про свое горе: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его не выгнать: медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, лиса гнала — не выгнала, заяц гнал — не выгнал.

— Ну, идем, я выгоню! Пошли.

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь лучше, глупая собака! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугалась собака и бежать.

А баба снова пошла. Идет и плачет, а навстречу ей летит пчела:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба про свою беду: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его оттуда не выгонишь.

— Идем, я его выгоню!

— Да где уж тебе! Коли медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, лиса гнала — не выгнала, заяц гнал — не выгнал, собака гнала — не выгнала, где тебе выгнать!

— Иди, покажи мне его!

Пошли они выгонять козла. Вот пчела подлетела да как ужалит его в самое болючее место. Как заблеет он! Как побежит без оглядки!

С тех пор бросил козел к бабе в овес ходить.

И стала баба жить-поживать да добра наживать.

Котик — золотой лобик

Жили дед с бабой. Были они такие бедные-пребедные, что ни поесть нечего, ни сварить.

Вот баба и говорит деду:

— Возьми, дед, топорок, поезжай в лесок, сруби дубок, отвези на рынок, продай да купи мерку муки. Напечём хлеба.

Собрался дед, поехал в лесок, начал рубить дубок. Спрыгнул с дуба котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное ушко, золотая шерстинка, серебряная шерстинка, золотая лапка, серебряная лапка.

— Дед, дед, что тебе надо?

— Да вот, коточек, мой голубочек, послала меня старуха срубить дубок, отвезти на рынок, продать да купить мерку муки на хлеб.

— Езжай, дед, домой: будет у вас мука! Приехал дед домой, глядь — а муки у него полон закром!

Испекла баба хлеб, сама наелась, деда накормила и говорит ему:

— Не мешало бы теперь и затирку сварить. Да вот беда: соли нет. Возьми, дед, топорок, поезжай в лесок, стукни в дубок, может, выскочит котик — золотой лобик: попроси у него соли.

Взял дед топорок, поехал в лесок, стук в дубок... Выскочил котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное ушко, золотая шерстинка, серебряная шерстинка, золотая лапка, серебряная лапка.

— Дед, дед, что тебе надо?

— Да вот, коточек, мой голубочек: хлебушко есть, а соли-то нету!

— Езжай, дед, домой: будет тебе и соль! Приехал дед домой, глядь — а у него целая кадка соли стоит!

Наварила баба затирки, сама наелась, деда накормила и говорит ему:

— Не мешало бы теперь и капусты отведать. Точи, дед, топорок, поезжай в лесок, стукни в дубок, может, выскочит котик — золотой лобик: попроси у него капусты.

Наточил дед топорок, поехал в лесок, стук в дубок... Выскочил котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное ушко, золотая шерстинка, серебряная шерстинка, золотая лапка, серебряная лапка.

— Дед, дед, что тебе надо?

— Да вот, коточек, мой голубочек: хлеб есть, соль есть, капусты нету!

— Езжай, дед, домой: будет тебе капуста! Приехал домой, а у него капусты бочка. Говорит баба:

— Ай, как хорошо! Вот бы теперь ещё сальца... Мы бы с тобой шей наварили да сальцем заправили. Не ленись, дед, возьми топорок, поезжай в лесок, стукни в дубок, может, выскочит котик — золотой лобик: попроси у него сальца.

Взял дед топорок, поехал в лесок, стук в дубок... Выскочил котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное ушко, золотая шерстинка, серебряная шерстинка, золотая лапка, серебряная лапка.

— Дед, дед, что тебе надо?

— Да вот, коточек, мой голубочек: просит баба ещё сальца к капусте.

— Ладно, дед, езжай домой: будет и сало!

Приезжает дед домой, а у него сала целый кубелец!

Рад дед, рада баба. Стали они жить не тужить, детям сказки говорить.

И теперь живут, хлеб жуют, щи хлебают. Вот вам сказка, а мне баранок связка.

Котик, петушок и лиса

Жили-были котик да петушок. Хорошо жили, дружно. Котик на охоту ходил, а петушок обед варил, хатку подметал, песни напевал.

Пошел раз котик на охоту, а петушок запер за ним дверь и стал варить обед.

Бежит лиса, увидела хатку и — к окошку:

— Эй, кто тут хозяин?

— Я, — говорит петушок.

— Пусти меня в хатку.

— Зачем?

— Посижу немного, отдохну с дороги. Петушок был добрый и пустил лису. А лиса — цап-царап — схватила его и понесла домой, опамятовался петушок, закричал на весь лес:

Котику-братику!

Несет меня лиса

За темные леса,

За высокие горы,

В глубокие норы,

По борам, по кустам -

Ох и страшно же там!

Услыхал это котик, прибежал, отобрал у лисы петушка и привел его назад в хатку.

— Ну, — говорит, — смотри, в другой раз не пускай лису, теперь я пойду дальше и могу тебя не услышать.

— Ладно, — говорит петушок, — не пуцу, Опять пошел котик на охоту. А лиса тут как тут.

— Петушок, голубок, умная головушка, отвори!

— Что тебе надо?

— Одолжи огонька.

— Зачем?

— Буду печку топить.

— Не открою, а то ты схватишь меня.

— Да нет, я больше хватать не буду. Поверил петушок лисе и отпер дверь. А та схватила его и понесла.

Петушок опять начал звать котика:

Котику-братику!

Несет меня лиса

За темные леса,

За высокие горы,

В глубокие норы,

По борам, по кустам -

Ох и страшно же там!

Хорошо, что котик не ушел далеко от дома: услышал он петушка, прибежал и отобрал его у лисы.

— Ну, — говорит он петушку, — если ты и в третий раз откроешь лисе дверь, то будет тебе беда: теперь я пойду на охоту еще дальше.

— Нет, — говорит петушок, — больше я этой злодейке дверь не открою.

— Смотри ж!

И ушел котик в самые дальние леса.

Прибежала лиса:

— Петушок, голубок, умная головушка, дай уголька!

— Нет, теперь я дверь тебе не открою! — А ты в окошко подай.

— В окошко можно, — согласился петушок.

Отворил он окошко, а лиса схватила его и понесла.

Кричал, кричал петушок, но котик его так и не услышал: уж очень далеко он зашел.

Принесла лиса петушка домой и велела дочкам печь топить да из петушка суп варить. А сама пошла гостей созывать.

Вернулся котик с охоты, глядь — нет петушка. “Может, его опять лиса схватила? — подумал котик. — Как же его теперь из беды выручить?”

Сделал он голосистую скрипочку и пошел к лисе.

Пришел, сел у ворот и заиграл, припевая:

Тили-тили, скрипочка,

Тут сидела лисочка.

А у лиски

Новый двор

Да семь дочек

На подбор.

А восьмой петушок -

Это мой!

Услыхали Лисицыны дочери музыку и говорят? — Как хорошо кто-то играет!

Побежим послушаем, а петушка сварить еще успеем.

Выбежали они на двор, да и заслушались. А петушок тем временем не дремал; выскочил из лисьего домика и побежал с котиком домой. Так и осталась лиса ни с чем.

Краденым сыт не будешь

Было у одного человека два сына. Выросли они, а отец и говорит им:

— Пора, сыновья, за настоящую работу приниматься. Кто из вас чем хочет заниматься?

Молчат сыновья, не знают, какую себе работу выбрать.

— Ну так пойдем, — говорит отец, — по свету породим да посмотрим, что люди делают.

Собрались и пошли потихоньку. Идут, сыновья г.о. всему приглядываются, думают, какую бы им работу выбрать.

Подшли к одной деревне. Видят — стоит у выгона кузница. Зашли они в кузницу. Поздоровались с кузнецом, поговорили. Старший сын даже молот взял в руки — помог кузнецу лемех выковать. Потом двинулись дальше.

Подошли к другой деревне. Старший сын поглядел туда-сюда: не видать кузницы в этой деревне. Вот и говорит он отцу:

— Почему бы и тут кузницу не поставить? Я бы мог кузнецом остаться. Эта работа мне нравится.

Обрадовался отец: нашел, думает, старший сын себе средство к жизни!

— Ладно, — говорит, — будь кузнецом в этой деревне.

Поставил он сыну кузницу, тот и начал кузнечным делом заниматься. И люди хвалят его, и сам он своей работой доволен.

А младший сын сколько ни ходил, никак себе работу по вкусу не найдет.

Идет он раз с отцом мимо луга. Видит — пасется на лугу вол. А деревня далеко, и пастуха не видать.

— А не начать ли мне, батька, волов красть? — говорит сын. — Работа эта легкая, и каждый день мясо будет. И сам растолстею, как вол.

— Кради, — говорит отец. — Затем я тебя и вожу, чтоб ты себе постоянное занятие выбрал.

Взял сын вола и погнал домой. А отец говорит:

— Подожди меня возле леса — мне надо еще в эту деревню заглянуть: там один мой знакомый живет...

Гонит сын вола да все, как волк, оглядывается, не бежит ли кто за ним. Пока до леса добрался, порядком перетрусил. Аж тошно от страха стало.

Подождал он у опушки, пока отец воротился, и погнали они вместе вола домой.

Зарезали дома вола, сняли с него шкуру и стали мясо варить. Наварили, а отец и говорит сыну:

— Вот что, сынок, давай-ка сначала снимем мерки да посмотрим, кто из нас от этого вола раздобрееет.

Взял он шнурок, смерил шею себе и сыну и завязал узелки.

Сели за стол. Отец ест спокойно, а сын всё на двери поглядывает: не идет ли кто вола искать? Залает собака, пройдет или проедет кто мимо хаты — сын хватает мясо и в чулан прячется. А у самого руки и ноги дрожат... И пошло так день за днем.

Съели они наконец вола. Вот отец и говорит сыну:

— А теперь давай шеи мерить: кто ж из нас раздобрел?

Померяли — у отца шея вдвое потолстела, а у сына вдвое похудела.

Удивляется сын:

— И чего оно так?

— А оттого, что ты краденого вола ел, — говорит отец.

— Так и ты же ел краденого!

— Нет, я хозяину уплатил за вола и ел, как своего. Потому-то я и потолстел. А ты как сядешь за стол — страх тебе сразу на шею прыг и душит! Оттого она и худеет. Краденым, брат, сыт не будешь!

Курочка-рябка

Жил дед, жила бабка. Была у них курочка-рябка. Снесла курочка яичек полный подпечек. Собрала бабка яички в горшок и поставила на шесток. Мышка бежала, хвостиком махнула, горшок упал, яички разбились.

Плачет дед, плачет бабка, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, со-роки трещат, гуси гогочут, собаки лают...

Идет волк:

— Дедка, бабка, чего вы плачете?

— Да как же нам не плакать? Была у нас курочка-рябка. Нанесла она яичек полный подпечек. Собрала бабка яички в горшок и поставила на шесток. Мышка бежала, хвостиком махнула, горшок упал, яички разбились.

И волк завыл.

Идет медведь:

— Волк, ты чего воешь?

— Да как же мне не выть? Жил дед, жила бабка. Была у них курочка-рябка. Нанесла курочка яичек полный подпечек. Собрала бабка яички в горшок и поставила на шесток. Мышка бежала, хвостиком махнула, горшок упал, яички разбились. Плачет дед, плачет бабка, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, сороки трещат, гуси гогочут, собаки лают... А я лаять не умею, вот я и завыл.

Выслушал медведь сказку и с досады оторвал себе хвост. Вот с той поры и живет он с куцым хвостом.

Лев и волк

Ходил по лугу конь.

Идёт лев.

— Иди за мною! — приказал лев.

— А чего я пойду? — спрашивает конь.

— Как ты смеешь так разговаривать со мною? — крикнул грозно лев. — Разве ты не знаешь, кто я? Я — зверь над зверями. Я голодный и хочу тебя съесть.

— Э, — говорит конь, — не те теперь времена, что кто кого нагнёт, тот того и набьёт.

— Ты осмеливаешься думать, что я слабее тебя?

— Я в этом уверен, — говорит конь.

— Давай меряться силой. Лежал на лугу камень.

— Иди сюда, — говорит конь. Подошли к камню.

— Ты можешь стукнуть по этому камню так, чтобы из него искры посыпались?

Как царапнет лев лапой по камню — когти поломал.

— Эх, лев, лев! А ещё называешь себя зверем над зверями. Смотри, как я стукну.

У коня на ногах были стальные подковы. Стукнул конь копытом по камню — искры так и взвились.

Испугался лев, бросился он назад в лес. Бежит, оглядывается.

— Куда бежишь, лев? — спрашивает его волк.

Сказал лев волку, какого страшного зверя он встретил.

— И ты его испугался? — спрашивает волк. — Эх, попались он мне, я живо с ним справился бы. Только покажи мне его.

Взял лев волка в передние лапы, сам на задние встал.

— Смотри!

Льву показалось, что он легонько волка держит, а у того кости хрустнули и дух выскочил вон.

— Ну что, видишь? Ничего не отвечает волк.

— Что же ты молчишь?

Опустил лев волка на землю, видит — не дышит волк.

— Эх ты, хвастун: только увидел его и то уже обомлел. А я мерялся с ним силой!

Бросил лев волка, а сам дальше побежал.

Легкий хлеб

Косил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.

Выходит из лесу голодный волк. Видит — мужик вод кустом сидит и что-то ест.

Подошел к нему волк, спрашивает:

— Ты что ешь?

— Хлеб, -отвечает мужик.

— А вкусный он?

— Страсть какой вкусный!

— Дай мне попробовать.

— Милости прошу!

Отломил мужик кусок хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

— Ладно, говорит, мужик, научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

— Перво-наперво надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, погоди. Потом надо землю забороновать...

— И можно хлеб есть? — обрадовался волк и хвостом замахал.

— Ишь ты какой скорый! Сначала надо рожь посеять...

— Тогда будет хлеб? — облизнулся волк.

— Нет еще! Дождись, покуда рожь взойдет, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом заколосится, потом начнет зерно наливаться, потом зреть...

— Ох, — вздохнул волк, — уж больно долго ждать надо! Ну а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

— Где там наешься! — говорит мужик. — Раненько еще! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

— И есть хлеб буду?

— Какой нетерпеливый! Первым делом надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, мешки на мельницу отвезти да муки намолоть...

— И все?

— Нет, не все. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдет. Тогда в горячую печь сажать.

— Испечется хлеб?

— Ага, испечется. Вот тогда и наешься вволю, - закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

— Нет! Эта работа не по мне — и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как легкий хлеб добывать.

— Ну что ж, - говорит мужик, - если не хочешь трудный хлеб есть, ешь легкий.

Иди на выгон, там конь пасется.

Пошел волк на выгон. Увидел коня:

— Конь, конь, я тебя съем!

— Что ж, - говорит конь, - ешь. Только сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

— И то правда, - согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, а конь как лягнет его копытом!

Перекувырнулся волк — да ходу. Прибежал к реке. Видит — гуси на берегу пасутся.

Не съест ли мне их?” — думает волк. Потом говорит:

— Гуси, гуси, я вас съем!

— Что ж, -отвечают гуси, -ешь. Только сначала окажи нам услугу.

— Какую? — спрашивает волк.

— Спой нам песню, а мы послушаем.

— Это можно! Песни петь я мастер. Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси — порх-порх крыльями — с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошел дальше ни с чем.

Идет, ругает себя: “Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну уж теперь кого ни встречу-съем!”

Только он так подумал, смотрит — бредет по дороге старый дед. Волк — к нему;

— Дед, дед, я тебя съем!

— Куда торопиться? — говорит дед. — Давай сначала табачку понюхаем.

— А вкусный он?

— Попробуй, так будешь знать.

— Давай!

Вынул дед из кармана табакерку, сам понюхал и волку дал.

Потянул волк носом изо всех сил да весь табак и вдохнул в себя. А потом давай чихать на весь лес... Ничего от слез не видит, все чихает. Больше часу чихал, покуда прочихался. Оглянулся, а уж деда и след простыл.

Пошел волк дальше.

Шел он, шел, смотрит — овцы на лугу пасутся, а пастух спит.

Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

— Баран, баран, я тебя съем!

— Что ж, — говорит баран, — видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лошину да разинь пасть пошире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

— Спасибо за совет, — сказал волк, — так и сделаем.

талан в лошину, разинул пасть, ждёт. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того аж искры из глаз посыпались...

Очухался волк, покрутил головой и говорит:

— Не пойму: съел я его или не съел? А в это время тот самый мужичок с косьбы домой возвращался.

Услышал он волковы слова и говорит:

— Съесть ты его не съел, а легкого хлеба отведал.

Лисица-хитрица

Жили дед и баба. Ничего у них в хозяйстве не было, одна только курочка Хохлатка.

Жили они, жили и дожились до того, что и варить-то больше нечего. Вот дед и говорит бабе:

— Баба, а баба, свари, пожалуй. Хохлатку, а то что ж?..

Замахала баба руками:

— И что ты, дед, надумал! Уж лучше будем голодные, а Хохлатку варить я не дам.

Услыхала то курочка, побежала во двор, нашла там бобовое зёрнышко и принесла его бабе.

Говорит дед:

— Вот и хорошо! Свари, баба, хоть этот бобочек.

Поглядела старуха на бобок:

— Дед мой, дед, да какая ж с одного-то бобочка еда? Я для него и горшка не подберу. Лучше давай-ка посадим его. А как вырастет, испечём целый бобовый пирог.

— А где ж мы его посадим? — спрашивает дед.

— В поле.

— В поле его ворона выклюет.

— Ну, во дворе.

— Во дворе его курица выгребет.

— Давай посадим его тогда под полатями, в хате.

— Ладно, — согласился дед и посадил бобовое зёрнышко под полатями, в хате.

Взошёл бобок и давай расти. Рос, рос, упёрся в полати.

— Что нам, баба, делать? — спрашивает дед.

— Надо полати разбирать. Разобрал дед полати, а боб растёт и растёт — вырос до самого потолка.

— Что нам, баба, делать? — опять спрашивает дед.

— Надо потолок разбирать.

Разобрал дед потолок, а боб растёт и растёт — вырос под самую крышу.

Дед и крышу разобрал. Выглянул бобок на свет и давай расти ещё веселей. Вырос до самого неба.

Взял тогда дед мешок, полез по стеблю на небо, собрал спелые стручки и назад воротился.

Обрадовалась баба: принёс дед целый мешок бобовых стручков.

— Ну, теперь-то мы уж пирога наедемся! Пошелушила баба стручки, высушила бобы на печи, смолола и замесила в деже на пирог тесто.

А тесто подымается и подымается — лезет оно вон из дежи. Положила его баба на лопату, вылепила пирог, разукрасила разными узорами, чтоб был покрасивей, и в печь.

А пирог растёт и растёт — из печи на шесток лезет. Открыла баба заслонку, а он прыг в хату, из хаты за порог и убежал. Бросились дед с бабой догонять пирог. Да где там!.. Так и не догнали.

Прикатился пирог в лес. А тут навстречу ему рыжая лиса. Схватила она пирог, выела мякиш, в серёдку шишек напихала и побежала с пирогом к пастушкам.

Нашла в поле пастушков и говорит:

— Пастушки, пастушки, дайте мне бычка-третьячка, я вам за это пирог дам.

Видят пастушки — хорош пирог у лисы: жёлтенькая корочка так и блестит, так и хочется его отведать. Подумали и отдали бычка-третьячка.

— Только смотрите ж не ешьте пирог, пока я не заеду за горку, — говорит лиса.

Села она верхом на бычка и поехала. И только скрылась за горкой, пастушки и говорят:

— Сядем на песочке, съедим по кусочку! Разломали пирог, а в нём одни только шишки еловые... Обманула их лисица-хитрица!

Едет лиса на бычке, видит — стоит на дороге пустая повозка, а недалеко человек пашет. Подкралась она тихонько к повозке, запрягла в неё бычка-третьячка, уселась на мягкой соломе и едет себе дальше, кнутом бычка погоняет.

Приехала в лес. Идёт ей навстречу волк. Набегался, утомился, еле ноги волочит.

— Куда, кума, едешь? — спрашивает.

— За тридевять земель, в тридесятое царство.

— Зачем?

— Там, говорят, столько кур, что и коршуны их не клюют...

— А бараны в том царстве водятся? — облизнулся волк.

— Да там их хоть пруд пруди!

— О лисичка-сестричка, возьми и меня с собой: подвези хотя бы мой хвост.

— Что ж один-то хвост везти? Садись весь ты. Сел волк. Едут дальше. Встречают медведя.

— Куда, кумовья, едете?

— За тридевять земель, в тридесятое царство...

— Зачем?

— Там, говорят, и коршуны кур не клюют, — отвечает лиса.

— Да там, говорят, и баранов хоть пруд пруди, — поддакивает волк.

— А мёду там много?

— Да там, говорят, медовые реки текут! Обрадовался медведь:

— Так возьмите и меня с собой. Хоть одну лапу подвезите.

— Что ж одну лапу везти? Уж садись ты весь. Уселись втроём, едут дальше.

Вдруг сломалась оглобля.

Говорит лиса медведю:

— Ступай, кум, принеси оглоблю. Пошёл медведь в лес, нашёл вывороченную ель и притащил к повозке. Увидела лиса, раскричалась:

— Ах ты, медведище, ах ты, дурачище, разве это дерево для оглобли! — И к волку: — Ступай, кум, принеси-ка оглоблю потоньше.

Пошёл волк и принёс кривой еловый сук. Лиса и на него накричала, плюнула и пошла сама за оглоблей. А тем временем медведь с волком съели бычка-третьячка, шкуру соломой набили, на ноги поставили и пошли себе, посмеиваясь.

Вернулась лиса, глядь — ни волка, ни медведя, только бычок стоит. Приладила она оглоблю, села в повозку, махнула на бычка кнутом, а тот — брык! — и повалился.

Поглядела лиса на бычка и обо всём догадалась.

— Пойдите же вы у меня! — пригрозила она волку и медведю и пошла своею дорогой.

Долго ли она шла, а в пути уж осень её застала. Встречает волка, того, что бычка съел:

— Здравствуй, кум! Как поживаешь?

— Плохо, — говорит волк. — Видно, простыл под дождём, так весь и трясуся.

Зуб на зуб не попадает.

— Значит, надо новый тулуп сшить, — советует лиса.

— Ты верно, кума, говоришь, — согласился волк.

Побежал на выгон, схватил овечку и притащил в лес.

— Хватит на тулуп? — спрашивает у лисы.

— Мало, — говорит лиса. Принёс волк ещё одну овечку.

— А теперь хватит?

— Нет, надо ещё одну. Притащил волк и третью.

— Ну, а теперь, — говорит лиса, — надо портного искать.

— Где ж мне искать его, кумушка?

— Я знаю хорошего портного. Пойдём к нему. Привела лиса волка на луг. А там, в кустах, на привязи жеребец пасся.

— Вот он, портной. Засмеялся волк:

— Да какой же это портной? Нет, кумушка, как хочешь, а ума у тебя мало.

Обиделась лиса:

— Ты о моём уме не слишком-то языком болтай! Была я умной и буду, а ты как был дураком, так дураком и останешься.

Тут уже волк обиделся, даже обозлился:

— Ещё посмотрим, кто из нас поумней!

— Не хвались наперёд, — говорит лиса, — вот увидишь, как с тебя сейчас шкуру сдерут.

— Кто сдерёт? — щёлкнул зубами волк.

— Хозяин этого коня.

— Не может быть! — не верит волк.

— Вот увидишь. На чём жеребец привязан? — спрашивает лиса.

— На верёвке. Засмеялась лиса:

— Вот и видать, что ты дурак!

— Почему? — подскочил волк.

— Жеребец к колу привязан.

— Не может быть! — захлопал глазами волк.

— Идём, покажу.

Подвела лиса его к кольшку, к которому был привязан конец верёвки, сняла верёвку, сделала петлю и закинула волку на шею. Не успел волк и опомниться, как очутился в петле.

Тут подбежала лиса к жеребцу, замахала хвостом. Жеребец испугался и как бросился бежать домой, только подковы заблестели.

Вот так и притащил он в петле волка своему хозяину. Ну, а там с него и шкуру сняли.

Вернулась лиса в лес, закопала овечек в мох про запас, одни только мозги на обед оставила. Села под елью и ест.

Идёт медведь, тот, что бычка съел.

— Что это ты, кумушка, жуёшь? — спрашивает.

— Мозги. Ты слепой, что ли?

— А где ж ты достала их?

— Из головы. И ты можешь достать, если хочешь.

— Как?

— Очень просто: разгонись да стукнись головою об дуб, вот мозги и выскочат.

— Спасибо, кума, за добрый совет. Так я и сделаю. А то есть давно хочется.

Нашёл он самый толстый дуб, разогнался изо всей силы да как грохнулся об него лбом!

Тут ему и конец.

А лисица-хитрица наелась и пошла запивать водой из ручья. Увидали её пастушки.

— А-а, старая обманщица! — закричали они в один голос и напустили на лису собак.

Медведь

Вы знаете, откуда взялся медведь?

Прежде медведь был таким же, как мы, человеком. Людей тогда было мало, и жили они в лесах. Охотились там на зверей и птиц. Летом собирали грибы и ягоды, копали корни растений и запасались ими на зиму. А больше всего запасались орехами и медом. Пчел было много. И водились они в дуплах да в земляных норах.

Люди искали пчел в дуплах, и кто первый находил их, тот обвязывал то дерево веревкой, и никто уже не имел права их трогать.

А жил в ту пору один человек — несусветный лентяй. Не хотелось ему самому пчел искать, вот и выдирали он чужих.

Жилось тому лентяю неплохо. Раздобыл он на чужом меде, толст сделался, как колода. Да вот беда: трудно стало ему на деревья за медом лазить.

Стал он раздумывать, что бы такое сделать, чтобы легко было на деревья лазить. Но ничего не придумал.

Проведал однажды лентяй, что живет за семью лесами, за семью болотами такой колдун, что все может сделать.

“Пойду, — думает, — к нему. Может, он сделает меня легким”.

И пошел он к тому колдуну. Идет лесами, смотрит — липа перевязана. Подошел он к липе, а там дупло совсем низко и полно в нем меду.

Выдрал он мед из дупла, наелся и пошел дальше.

Идет, а тут вскоре и другая липа, перевязанная с пчелиным дуплом. Выдрал он мед и из этого дупла.

Долго ли, коротко ли шел он, наконец дошел до землянки, где жил тот колдун. Постучался в землянку — никто не открывает: нету хозяина дома. Сел лентяй и сидит. Вдруг видит — перед самым носом у него липа с дуплом. Привык лентяй чужих пчел выдирать, и тут не удержался.

Только начал он драть мед да за обе щеки уплетать, глядь — и хозяин идет.

Посмотрел колдун на лентяя, покачал головой и говорит:

— Ну, человек, за такую злую работу будешь ты отныне только то и делать, что пчел драть.

И обратил колдун этого лентяя в медведя.

Вот откуда и взялся медведь. А кто не верит тому — пусть поймает медведя да сам спросит у него, так ли было оно на самом деле, как в сказке сказано.

Мудрая девушка

Ехал однажды мужик с базара домой. А дорога лежала через густой, непроходимый лес. Нигде живой души не видать.

Застигла его ночь на дороге. Темно — хоть глаз выколи. Ничего не видно! Решил он остановиться и заночевать. Разложил костер, спутал коня и пустил пастись. А сам сел возле огня, жарит сало на прутике и ест. Поел, улегся и сразу заснул — очень уж утомился в пути.

А утром пробудился, глядит — и глазам своим не верит: кругом со всех сторон вода, волны так и хлещут, вот-вот захлестнут... Испугался мужик, не знает, что и делать.

“Пропал я, — думает, - не выбраться мне отсюда!..”

А вода все прибывает и прибывает, волны все выше и выше вздымаются...

Вдруг видит мужик — вдалеке человек в челне плывет. Обрадовался он:

“Ну, видно, не судьба мне здесь погибнуть!” Стал он кликать пловца изо всех сил:

— Эй, человек добрый! Плыви скорее сюда! Спасай-тону ведь я!..

Пловец повернул свой челнок в его сторону и поплыл к нему. Подплыл не очень близко и остановился.

— Спаси меня, браток! — спрашивает его мужик. -Что хочешь возьми, только спаси!..

— Хорошо, — говорит пловец, — я тебя спасу, только не даром: отдай мне то, что у тебя в доме есть и о чем ты не знаешь.

Думал, думал мужик:

“Что же это такое, что у меня в доме есть и о чем я не знаю?.. Кажется, ничего такого нет. Э, что будет, то будет, а торговаться некогда, надо соглашаться!”

— Хорошо, — говорит, — отдам я тебе, что у меня в доме есть и о чем я сам не знаю, только спаси!

— Мало ли что ты сейчас говоришь, а потом еще от своих слов откажешься!

— Так что же мне делать, дорогой браток?

— Сдери вон с той березы кусок бересты, разрежь мизинец и напиши это обещание на бересте своей кровью. Так-то крепче, надежнее будет.

Мужик так и сделал. Написал своей кровью на бересте запись и бросил ее в челн.

Пловец схватил кусок бересты и захохотал диким голосом.

И в тот же миг пропала вся вода, будто ее никогда и не было, и пловец исчез. Тогда догадался мужик, что это не иначе как сам черт был. Нечего делать, поймал он своего коня, запряг и поехал домой.

Дорогой ему так тяжело, так грустно стало- хоть помирай. Сердце беду предвещает...

Погоняет мужик коня как может, домой торопится.

Приехал и скорее вошел в хату. А в хате весело, гостей полно, только жены за столом не видно.

— Здорово! — говорит мужик. — Что тут у вас нового?

— Э, у нас добрая новость! Жена твоя сына родила, да такого хорошего, такого крепкого! Поди сам взгляни!

Как услышал это мужик, в глазах у него помутилось, голова закружилась. Всю жизнь он был бездетным, теперь вот сын родился, а он его отдал черту нечистому!

Смотрят гости на хозяина, понять не могут, что с ним творится.

— Верно, — говорят, — это он от радости разума лишился!

А мальчик и в самом деле уродился такой красивый да здоровый! Рос он как тесто на дрожжах.

Назвали его Юрием.

Отдали Юрия учиться: он всех обогнал в науке — такой уж был толковый да понятливый, ко всему способный. Люди радуются, на него глядя, родителям завидуют. Один отец его все мрачнее да печальнее становится.

Догадался Юрий, что тут что-то не так, неспроста; пристал он раз к отцу:

— Скажи, тятя, или ты недоволен мной, что так невесело смотришь на меня всегда? Или не любишь ты меня? Или я сделал что-нибудь плохое, о чем и сам не знаю?

Вздыхает отец и жалобно глядит на сына:

— Нет, сынок, люблю я тебя больше всех, и плохого ты ничего не сделал, только... обещал я отдать тебя нечистому, когда ты еще и не родился.

И рассказал ему, как было дело.

— Коли так, тятя, так будь здоров! — сказал сын. — Надо мне идти. Неизвестно, скоро ли увидимся. Или я свою голову сложу, или тебя от твоего обещания освобожу!

Стал Юрий собираться в дорогу. Взял краюху хлеба, кусок сала и тихонько ночью вышел из дому, чтоб родителей своих прощанием не растревожить.

Вышел и отправился в путь.

Шел он по лесам, шел по борам, шел по болотам и вышел к какой-то хатке. Вошел он в хатку. А в той хатке бабка сидит, старая-престарая.

— Здравствуй, бабушка! — говорит Юрий.

— Здравствуй, дитяtko! Куда ты идешь? Рассказал ей Юрий, куда он направляется. Выслушала бабка и говорит:

— Хорошо, дитяtko, что ты ко мне зашел! Ступай-ка ты, принеси мне воды да наколи дров: буду я блины печь. Как напеку да накормлю тебя — расскажу, куда идти. А сам ты не скоро дорогу найдешь.

Принес Юрий воды, наколол дров, а бабка блинов напекла, накормила его до-сыта и рассказала, куда ему идти.

— А придешь к нечистому, найди прежде девушку — работницу его. Она тебе во многом поможет.

Простился Юрий с бабкой и опять пошел. Шел он по темным лесам, шел по густым борам, пробирался по топким болотам.

Долго ли, коротко ли шел — пришел ко двору. Двор на горах построен, большой да крепкий, кругом высокой оградой обнесен. Постучал Юрий в ворота.

— Хозяина, — говорит, — хочу видеть! Вышел пан-хозяин в дорогих нарядах. Золото на нем так и блестит.

А это и был сам нечистый.

— Что тебе надо? — спрашивает он у Юрия.

— Да вот, — отвечает Юрий, — разыскиваю своего пана. Меня батька обещал отдать ему, когда я еще не родился.

— Я твой пан! — говорит нечистый. — Я хотел уже за тобой гонцов посылать, потому что пора пришла — ты взрослым стал. А ты, смотрю, сам явился. Так и нужно! За это хвалю тебя!

— А скажи мне, пан, есть ли у тебя запись от моего батьки?

— Есть запись, есть! На бересте кровью написана. Коли ты мне будешь верно служить, отдам тебе эту запись и выпущу на волю — иди куда хочешь. А не угодишь мне — с живого кожу сдеру! Ну, отвечай мне теперь: шел ты по лесам?

— Шел.

— Шел по борам?

— Шел.

— Шел по болотам?

— И по болотам шел.

— К моему двору пришел?

— Пришел.

— Ну, так вот тебе и работа: чтоб ты за эту ночь в моем бору все деревья вырубил да убрал, а на том месте землю вспахал, взборонил и пшеницу посеял. И чтоб пшеница у тебя взошла, поспела. Чтоб ты сжал ее, вымолотил, зерно смолол, а из той муки пирогов напек и принес мне их завтра рано поутру. Выполнишь все — пойдешь на волю. Работа легкая!

Сказал и засмеялся нехорошо.

Вышел Юрий от своего пана, опустил голову, не знает, что ему и делать. Идет он по двору и думает:

“Ну задал задачу!.. Учился я всему, а как этакое дело сделать, не знаю. Пропал я совсем!..”

Стал Юрий бродить по двору — панову девушку-работницу разыскивать. Бродил, бродил и забрел на самый конец двора. Видит — стоит маленькая хатка. Выглянула из хатки девушка. Юрий и спрашивает ее:

— Не ты ли у этого пана в работницах живешь?

— Да, молодец. А что ты такой печальный? О чем горюешь?

— Как же мне не горевать, — отвечает Юрий, — если пан мне задал на ночь такую работу; что я и за год не выполню!

— А какую он тебе работу задал?

— Приказал он мне, чтобы я за одну ночь в его бору все деревья вырубил да убрал, а на том месте землю вспахал, взборонил, пшеницу посеял, чтоб она у меня взошла, вызрела, чтоб я сжал ее, вымолотил, смолол, а из той муки пирогов напек да принес ему завтра рано поутру.

Понравился Юрий девушке. Пожалела она его и думает:

“Ни за что погубят парня!”

— Не горюй, — говорит она. -Ложись и спи спокойно, отдыхай после долгого пути. Я тебе помогу. Без меня не снести тебе головы на плечах. Тут уж и так много людей погублено...

— А скажи ты мне, — говорит Юрий девушке, — по своей воле ты у пана живешь?

— Куда там по своей!.. До тех пор мне здесь томиться, пока не полюбит меня кто и не уведет отсюда.

— Я тебя уведу! — говорит Юрий.

Стали они сговариваться обо всем, долго говорили...

— Ну а теперь пора тебе спать! — сказала девушка.

Лег Юрий и тут же крепко заснул, очень уж утомился, пока по лесам да по болотам пробирался.

А девушка в полночь вышла на крыльцо, ударила три раза в ладоши, и слетелись к ней разные чудовища.

— Здравствуй, молодая хозяйка!

— Здравствуйте, страшные чудовища!

— Зачем нас потребовала: на переключку или на работу?

— Зачем мне вас переключивать? Я с вас работы требую. Вырубите в панском лесу все деревья, уберите их, а землю вспашите, взбороните и пшеницу посейте. И чтоб та пшеница взошла, вызрела за одну ночь. А вы ее сожните, вымолотите, смелите, из той муки пирогов напеките и завтра утром ко мне принесите!

Бросились чудовища, и пошла работа: кто бор вырубает, кто деревья в сторону тащит, кто пашет, кто боронит, кто засекает!.. Не успели посеять пшеницу — взошла она, зацвела, вызрела. Кинулись чудовища к пшенице. Тот жнет, тот молотит, тот мелет, тот пироги печет.

Солнце еще не взошло, а уже все готово.

— Принимай, молодая хозяйка! Взяла девушка пироги и говорит:

— Ну, ступайте теперь все по своим местам! Чудовища тут же скрылись из глаз. А девушка пошла к Юрию, стала его будить.

— Ну, — говорит, — молодец, так в чужой стороне не спят! В чужой стороне надо пораньше вставать! Проснулся Юрий, вскочил, и первая его думка:

“Есть ли пироги?”

А пироги на столе лежат, и такие румяные, пышные!

— Бери пироги, неси пану! — говорит девушка.

Положила пироги на блюдо, накрыла полотенцем и отправила Юрия к пану.

Вышел пан из покоев.

Поклонился ему Юрий:

— Здравствуй, пан-хозяин!

— Здравствуй, молодец! Исполнил ли ты мое приказание?

— Исполнил, пан-хозяин! Как приказал, так все и сделано.

— Покажи!

— Изволь посмотреть!

Поглядел пан на пироги, обнюхал, — как должно! Он эти пироги — хап-хап!
— тут же и съел.

— Ну, -говорит, -молодец ты, Юрий! Работник ты, как вижу, не из плохих! Одну службу сослужил. Если еще две сослужишь — отпущу к отцу. Ступай, трое суток отдыхай, а на четвертые приходи за новым приказанием.

Услышал это Юрий, запечалился:

“Вот чтоб ты лопнул, нечистая сила! Наверно, придумает работу потруднее прежней. Что тут делать? Вся надежда на девушку”.

Идет он от пана хмурый, понурый. Увидела его девушка, спрашивает:

— Что ты, Юрий, такой невеселый?

— Как же мне веселым быть, когда пан хочет мне новую работу дать!

— А ты не горюй: первую работу выполнили — и вторую выполним! Когда срок наступит, смело иди к пану за приказанием.

Как наступил срок, пошел Юрий к пану.

Встретил его пан-нечистый, поздоровался:

— Здорово, молодец!

— Здорово, пан-хозяин!

— Видишь ты мой двор?

— Вижу.

— Видишь вон ту гору?

— Вижу.

— Вот на той горе построй ты за одну ночь каменный дворец, чтоб лучше моего был! И чтоб было в том дворце столько комнат, сколько дней в году; чтоб потолок был как небо чистое, чтоб ходили по нему красное солнце и светлый месяц и сверкали звезды ясные; чтоб был тот дворец крыт маком и чтоб в каждое маковое зернышко было вбито по три золотых гвоздика. И чтоб вокруг того дворца протекала река и был через ту реку мост — золотая дощечка, серебряная дощечка, золотая дощечка, серебряная дощечка... Да чтоб через мост перекинулась радуга, а концами в воду упиралась. Словом, чтоб не стыдно было людям показать! Построишь такой дворец — отпущу к отцу, не построишь — с живого кожу сдеру! У меня так заведено: коли милость — так милость, коли гнев — так гнев. А теперь иди!

Пришел Юрий к девушке и рассказал, какую работу задал ему пан.

— Не печалься, все будет сделано. К сроку будет готово! — говорит девушка. А теперь иди к горе. Ходи да поглядывай, будто высматриваешь место, где дворец строить собираешься.

Юрий так и сделал: походил-походил возле горы, посмотрел-посмотрел кругом, а вечером пришел в хатку и лег спать.

В полночь девушка вышла на крыльцо и ударила в ладоши. Слетелись тут к ней разные чудовища.

— Здравствуй, молодая хозяйка!

— Здравствуйте, страшные чудовища! — Зачем нас требуешь: на перекличку или на работу?

— На что мне вам перекличку делать! Требую вас на работу: надобно за эту ночь на той горе каменный дворец построить. Чтоб было в том дворце столько комнат, сколько дней в году; чтоб потолок был как небо чистое и чтоб ходили по

нему красное солнце и светлый месяц и сверкали звезды ясные; чтоб был крыт тот дворец маком и чтоб в каждое маковое зернышко было вбито по три золотых гвоздика. И чтоб вокруг того дворца протекала река и был через реку мост — золотая дощечка, серебряная дощечка, золотая дощечка, серебряная дощечка... Да чтоб через мост перекинулась радуга — концами в воду упиралась!

Только сказала — бросились чудовища: кто камни носит, кто стены кладет, кто крышу кроет, кто гвоздики вбивает!

Под утро явились к девушке.

— Все ли у вас готово?

— Все готово, молодая хозяйка! Только на том вон уголке одно зернышко не успели прибить тремя гвоздиками, двумя прибили.

— Ну, это не беда. А теперь убирайтесь все туда, откуда явились!

Исчезли чудовища, как будто их и не бывало. Пришла девушка в хатку, стала будить Юрия:

— Вставай, иди к пану! Все готово!

Вышел Юрий, глянул на дворец и диву дался: стоит дворец — высотой под самое небо, над дворцом радуга играет, мост огнем горит. Во дворец вошел, глянул на потолок — чуть не ослеп: так красное солнце сияет, так светлый месяц блестит, так ясные звезды сверкают!..

Стоит Юрий на мосту, дожидается пана.

А тут скоро и сам нечистый появился. Глядит, любуется.

— Ну, молодец ты, Юрий! — говорит он. — Хорошая работа, если только она твоя! Нечего и говорить, постарался! Будет теперь тебе еще одна работа — последняя. Исполнишь — к отцу вернешься. Не исполнишь — голову потеряешь. А работа эта вот такая. Есть у меня добрый конь — цены ему нету, да необъезженный он. Объезди его!

— Хорошо, -отвечает Юрий, -завтра объезжу!

А сам думает:

“Ну какая же это работа! Да я любого коня объезжу!”

Пришел, рассказал девушке.

— Вот эта работа по мне!

— Нет, — отвечает девушка, — наперед не хвались! Эта работа самая трудная. Ты думаешь, что это будет настоящий конь? Нет, это будет сам нечистый! Не верит он, что ты бор вырубал, пшеницу сеял, пироги пек и дворец строил — хочет тебя испытать. Да ты не горюй: я тебе и тут помогу!

Утром девушка говорит Юрию:

— Ну, пора! Иди коня объезжать. Возьми этот ивовый прутик. Коли конь заупрямится да захочет тебя сбросить, ты его между ушей ударь этим прутиком — сразу утихнет, покорным станет!

Взял Юрий ивовый прутик и пошел во дворец:

— Где пан?

— Нет пана, — отвечают слуги. — Приказал он тебе идти в стойло, выводить коня да объезжать.

Вошел Юрий в стойло. Стоит там конь — золотая шерстинка, серебряная шерстинка, глаза кровью налиты, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит — и подступиться невозможно. Юрий махнул ивовым прутиком — и жар ему стал нипочем. Подошел он к коню — конь на дыбы становится, под потолок подскакивает, сесть на себя не дает. А как заржал — стойло все затряслось, ходуном заходило. Юрий как ударит его меж ушей — конь так на колени и упал. Тут Юрий скорее ему на спину скок!.. Конь на дыбы — чуть-чуть седока не скинул! Да Юрий не промах: давай его хлестать прутиком меж ушей! Конь под ним беснуется, а он его знай нахлестывает. И понес его конь — летит, чуть земли касается, сам все хочет Юрия скинуть, чтоб копытами раздавить... А Юрий его хлещет, спуску ему не дает!..

Скакал-скакал конь, летал-летал и по горам, и по болотам, и через леса, да под конец так замаялся, что перестал и скакать, и летать — домой повернул. Тихим шагом пошел. Так они и на двор вернулись.

Поставил Юрий коня в стойло, а сам стал по двору бродить. Слуги панские от него отворачиваются, боятся: вдруг пан увидит — подумает, что они с Юрием в дружбе. Пришел Юрий в хатку к девушке, рассказал ей, как и что было.

— Ну, видно, добрую взбучку задал ты пану, коли сам цел вернулся! Ешь, отдыхай — ты, видать, сильно утомился.

На другой день приходит к Юрию от пана слуга, зовет к пану во дворец. Пошел Юрий. Встречает его пан с завязанным лбом.

— Ну, — говорит, — теперь я не знаю тебя, а ты не знай меня! Бери отцову записку и завтра поутру уходи!

Взял Юрий записку и пошел в хатку, сам радуется. Рассказал все девушке. Она говорит:

— Рано ты радоваться стал! Не таков пан, чтобы тебя живым выпустить. Нельзя нам утра

дождаться. Как наступит полночь, так сейчас же надо в дорогу отправляться. Надо убежать в твою сторону, не то пан погубит нас обоих!

В полночь собрались они в дорогу. Девушка велела Юрию поплевать в каждый угол хатки. Закрыли они дверь крепко-накрепко и пошли. Как наступило утро, отправил пан своего слугу к Юрию: приказывает ему явиться. Стучит слуга в окошко.

— Вставай, — кричит, — уже день настал?

— Сейчас встану! — отвечают слюнки.

Уже солнце к полудню стало подбираться. Снова слуга пришел.

— Вставай, — кличет, — ведь уж скоро полдень!

— Одеваюсь! — отвечают слюнки.

Уже и обедать пора. Слуга опять кличет.

— Умываюсь! — отвечают слюнки. Обозлился пан, опять посылает за Юрием.

Пришли слуги, зовут, а слюнки высохли — никто не откликается. Выломали двери — никого в хатке нет. Как сказали об этом пану — рассердился он, разгневался, разбушевался, об стенку головой стал биться. А пани-хозяйка кричит:

— Вот и сам ушел, и служанку нашу увел! Посылай гонцов в погоню! Или живых, или мертвых, а пускай их приведут! Его пусть казни предадут, а служанка мне нужна — такой работницы, такой искусницы нигде не найти!

Пустились гонцы вслед, скачут — как конь скакать может.

И Юрий с девушкой бегут, сколько силы позволяют.

Говорит девушка Юрию:

— Приляг ухом к земле да послушай — не шумит ли дубрава, не стонет ли дорога, нет ли за нами погони?

Юрий послушал и говорит:

— Сильно шумит дубрава, сильно стонет дорога!

— Это пан-нечистый за нами погоню послал! Скоро они догонят нас. Бежим поскорей! А как будут настигать, я обернусь стадом овец, а тебя сделаю пастухом. Начнут Пановы слуги допытываться у тебя, не видел ли ты, как проходили здесь парень да девушка, ты и скажи: “Видел, когда был молод, когда нанялся пастухом да, когда двух овечек пас, а сейчас я уже старик и от тех двух овечек у меня целое стадо”.

И превратилась девушка в стадо овец, а Юрий стал стариком пастухом. Тут скоро и гонцы показались.

— Эй, — кричат, — старик! Не видел ли ты, как проходили здесь парень да девушка?

— Как не видеть, видел!

— Когда?

— А когда я был еще молод, да только что нанялся в пастухи, да когда двух овечек пас. А сейчас я уже старик и от тех двух овечек у меня целое стадо.

— Э!.. Где же мы их догоним! -говорят гонцы. -Тут овечек, может, с тысячу. Сколько лет прошло, когда они здесь проходили!

Поскакали гонцы назад, к пану. А Юрий с девушкой прежний вид приняли и дальше побежали.

Вернулись гонцы и говорят пану:

— Никого мы не видели. Может, след потеряли, может, не по той дороге погнались, повстречали мы только пастуха да стадо овец. Тот пастух сказал нам, что он с малых лет в тех местах стадо пасет, а парня с девушкой не видел.

— Ах вы дурни! — закричала пани. — Ведь это они и были! Надо было старика убить, а овец сюда пригнать! Ведь это моя служанка! Это она обернулась овцами, а парня пастухом сделала!

— Скачите снова, догоняйте! -кричит пан. — Его рубите топорами, а овец ко мне гоните!

Кинулись гонцы назад, в погоню. А Юрий с девушкой тем временем уже далеко отбежали. Бегут они, бегут... Говорит девушка Юрию:

— Приляг ухом к земле да послушай — не шумит ли дубрава, не стонет ли дорога, нет ли за нами погони?

Послушал Юрий и говорит:

— Сильно шумит дубрава, сильно стонет дорога! Гонятся за нами панские слуги!

Тут девушка платочком махнула — сама обернулась садом, а Юрий стал старым садовником.

Подъезжают гонцы и спрашивают:

— Не видел ли ты, дед, как тут двое бежали — парень да девушка молодая?

— Нет, никого я не видел, хоть давным-давно этот сад стерегу, — отвечает садовник.

— А пастух не гнал ли тут овечек? — И пастуха не видел.

Так гонцы ни с чем повернули назад. А Юрий с девушкой побежали дальше.

Приехали гонцы и рассказывают пану и пани, как и что:

— Никого мы не догнали: будто растаяли они оба! Повстречали мы только садовника в саду, так он сказал нам, что никто по той дороге не бежал и пастух овечек не гнал. Мы и вернулись. Что ж, ловить ветер в поле?..

— Дурни вы! — закричали на них пан и пани. — Нужно было рубить и сад, и садовника! Ведь это же были Юрий и служанка наша! Плохая на вас надежда! Надо самим гнаться!

И кинулись в погоню пан и пани вместе с гонцами летят — пыль облаком поднимается, земля дрожит, кругом гул идет.

Услышали Юрий с девушкой этот шум да гул — быстрее бежать пустились. Догадались они, что пан и пани вместе с гонцами за ними гонятся. А гул тем временем все громче и громче становится.

— Ну, — говорит девушка, — хоть и недалеко до твоего дома, только не успеем добежать... Надо спасать тебя. Я разольюсь рекой, а ты на другом берегу будешь.

И сейчас же — хлип! — разлилась широкой рекой. А Юрий на другом берегу очутился.

Тут скоро пан и пани со своими слугами подскакали. Взглянула пани на речку и закричала:

— Секите ее топорами! Секите топорами! Кинулись слуги к реке, стали сечь ее топорами.

Застонала река, кровью потекла.

А Юрий на другом берегу стоит, помочь ничем не может, что делать — не знает.

— Околевай, негодная! — кричат пан и пани реке. — А ты, мужичий сын, берегись: и до тебя доберемся!

Покричали, погрозили, да ничего поделать не могли. Так ни с чем и домой возвратились. Слышит Юрий — стонет река:

— Ох, тяжело мне... Долго мне еще отлеживаться — раны болят. Долго с тобой не видеться... Иди, Юрий, домой, к отцу, к матери, только меня не забывай! Да смотри ни с кем не целуйся. Поцелуешься — меня забудешь. Приходи сюда почаще — проводывай меня!

Пошел Юрий домой, грустный, печальный. Думал с молодой женой вернуться, а вот как вышло...

Пришел он домой. Отец с матерью как увидели его, чуть от радости не умерли. Только очень удивились, что Юрий ни с кем целоваться не хочет. Даже с ними ни разу не поцеловался. И стал Юрий дома жить, родителей своих радовать. А как настанет вечер — пойдет он к реке, поговорит с нею и вернется домой. Сам ждет не дождется, когда у девушки раны заживут.

Так много времени прошло. Вода в реке посветлела — раны у девушки стали заживать, закрываться.

И надо было беде случиться: заснул раз Юрий, а в это время пришел дед старый и поцеловал его, сонного. Проснулся Юрий и забыл девушку — словно и не видел ее никогда.

Прошло еще немного времени, отец и говорит Юрию:

— Что ты все холост ходишь? Надо тебе жениться. Мы тебе хорошую невесту высмотрели.

Понравилась эта невеста Юрию. Стали свадьбу справлять. Свадьба была веселая, шумная. Одному Юрию что-то не по себе — тяжело, тревожно, сердце щемит, сам не знает почему.

А на кухне каравайницы свадебный каравай готовят: тесто месят, всякие украшения лепят. Вдруг вошла какая-то незнакомая девушка и говорит:

— Дозвольте мне, каравайницы, сделать вам селезня и уточку на каравай и поднести тот каравай молодым!

Каравайницы дозволили. Вылепила девушка из теста селезня и уточку. Посадила селезня на каравай, а уточку в руках держит. После того вошла в горницу, поставила каравай перед молодыми, сама селезню по голове уточкиным клювом стучает и приговаривает:

— Забыл ты, селезень, как я тебя из неволи вызволяла! -да в голову его стук. - Забыл, как я тебя от гибели спасла! — да снова в голову его стук. — Забыл, как я за тебя раны принимала! — да еще в голову его стук.

Тут Юрий будто проснулся — припомнил, что с ним случилось, узнал свою девушку. Вскочил он с места, кинулся к ней, стал к сердцу прижимать:

— Вот, родители, моя жена милая! Это она меня от верной смерти спасла! Это она меня из неволи вызволила! Одну ее я люблю! А других и знать не хочу!

И посадил ее рядом с собой. Справили тут веселую свадьбу, и стал Юрий жить со своей молодой женой.

И долго жили, счастливо жили!

Мужик и черт

Жил один мужичок. И такой он был работяга по топорной части — значит, плотник.

Вот ставил он одному хозяину дом, а уж к нему приходит другой и просит:

— Приходи, брат, ко мне, когда тут закончишь.

А идти до другой деревни надо было верст пять или шесть. Вот он закончил работу, рассчитался и пошел.

Прошел он без малого версты три, а навстречу ему черт:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, незнакомый человек.

— Как так незнакомый? — удивился черт. — Ну, а ежели и незнакомый, так давай познакомимся!

— А как мы с тобой будем знакомиться? — спрашивает мужичок.

— А вот как, давай с тобой песни петь.

— Ну давай! — согласился мужичок.

Вот он запел песню, а черт ему стал подтягивать, да все не в лад. Тот и говорит черту:

— Вот что я тебе скажу: сколько нам с тобой ни петь, а мне надо к своему хозяину поспеть. Давай-ка мы лучше вот что сделаем: того, кто будет песни петь, другой на своей спине повезет!

Черт подумал-подумал, да и говорит:

— Я первый запою, а ты меня вези!

Вот мужичок присел, черт на него влез, и не успел начать песни, как тут же ее кончил.

— Ну что, твоя песня вся? — спрашивает мужичок.

— Вся!

— Ну теперь ты присядь: я на тебя влезу!

Вот влез он на черта и затянул: “0-а-и-е... 0-а-и-е!”

Черт спрашивает:

— Ну что, это вся твоя песня?

А мужичок отвечает:

— Как так вся? Я еще и не начинал!

Испугался черт, сбросил своего седока, а сам наутек. А мужик бежит вслед за чертом да кричит:

— Держи его, держи!

Так и не догнал, потому что черт за облака скрылся, и пошел мужик своей дорогой.

Музыкант-чародей

Жил как-то на свете музыкант. Начал он играть еще с малых лет. Пасет, бывало, волов, срежет лозину, сделает себе дудочку и как заиграет, так волы и перестанут щипать траву — насторожат уши и слушают. Птички в лесу притихнут, даже лягушки по болотам не квакают.

Поедет в ночное — там весело: хлопцы и девчата поют, шутят — известное дело, молодость. Ночь теплая, так и парит. Красота.

А тут возьмет музыкант, да и заиграет на своей дудочке. Все хлопцы и девчата мигом, как по команде, утихнут. И каждому тогда кажется, будто сладость какая-то пролилась ему на сердце, какая-то неведомая сила подхватила его и несет все выше и выше — в чистое синее небо к ясным звездам.

Сидят ночные пастухи, не шелохнутся, позабыли, что болят натруженные за день руки и ноги, что голод донимает.

Сидят и слушают.

И хочется сидеть так вот всю жизнь и слушать игру музыканта.

Умолкнет дудочка. Но никто не посмеет и с места сдвинуться, чтоб не вспугнуть этого волшебного голоса, что рассыпался щекотом по лесу, по дубраве и подымается под самое небо.

Опять заиграет дудочка, но что-то печальное. И тут такая тоска-грусть всех охватит... Идут поздней порой с панцины мужики и бабы, услышат ту музыку, остановятся, заслушаются. Вот так и встает перед глазами вся ихняя жизнь —

бедность и горесть, злой пан да тиун с приказчиками. И такая тоска на них нападет, что голосить хочется, как над покойником, будто сыновей в солдаты провожают.

Но вот заиграет музыкант веселое. Побросают мужики и бабы косы, грабли, вилы, подбоченятся и давай плясать.

Пляшут люди, пляшут лошади, пляшут деревья в дубраве, пляшут звезды, пляшут облака — все пляшет и веселится.

Вот такой был музыкант-чародей: что захочет, то с сердцем и сделает.

Подрос музыкант, смастерил себе скрипочку и пошел ходить по свету. Куда придет — поиграет, накормят его за это, напоят, как самого желанного гостя, да еще на дорогу дадут что-нибудь.

Долго ходил так по свету музыкант, веселил добрых людей. А злым панам без ножа сердце резал: куда ни придет он, перестают там люди панов слушаться. И стал он им поперек дороги, как кость в горле.

Надумали паны его со свету сжить. Начали подговаривать одного, другого, чтоб музыканта убить или утопить. Да не нашлось такого охотника: простые люди любили музыканта, а приказчики боялись — думали, что он волшебник.

Сговорились тогда паны с чертями. А известно: паны и черти — одной шерсти.

Идет раз музыкант по лесу, а черти наслали на него двенадцать голодных волков. Загородили они музыканту дорогу, стоят, зубами щелкают, глаза горячими угольками горят. Нету ничего у музыканта в руках, только скрипка в котомке. “Ну, — думает он, — конец мне пришел”.

Достал музыкант из котомки скрипку, чтобы еще раз поиграть перед смертью, прислонился к дереву и провел смычком по струнам.

Как живая заговорила скрипочка, пошел по лесу щекот. Замерли кусты и деревья — листик не шелохнется. А волки как стояли, разинув пасти, так и застыли.

Слушают во все уши и голод забыли.

Перестал музыкант играть, а волки, как сонные, в лес потянулись.

Пошел музыкант дальше. Солнышко уже за лес закатилось, только светится на самых макушках, будто золотыми потоками их заливает. Так тихо, что хоть мак сей.

Сел музыкант на речном берегу, достал из котомки скрипку и заиграл. Да так хорошо, что заслушались и земля, и небо. А когда заиграл полечку, все кругом пошло в пляс. Звезды носятся, как зимою метелица, тучки плавают по небу, а рыба так разгулялась, что река кипит, как вода в горшке.

Не выдержал и водяной царь — в пляс пустился. Да так разошелся, что вода залила берега; испугались черти и выскочили из речных затонов. Все злющие, зубами скрежещут, а ничего с музыкантом поделать не могут.

А музыкант видит, что водяной царь наделал людям беды — залил поля и огороды, и перестал играть, спрятал скрипку в котомку и пошел себе дальше.

Идет он, идет, вдруг подбегают к нему два панича.

— У нас нынче игрище, — говорят. — Поиграй нам, пане музыкант. Мы тебе щедро заплатим.

Подумал музыкант — ночь на дворе, ночевать-то негде, да и денег нету.

— Ладно, — говорит, — поиграю.

Привели паничи музыканта во дворец. Глядь — а там паничей и панночек хоть пруд пруди. И стоит на столе какая-то большая и глубокая миска. Паничи и панночки подбегают к ней по очереди, сунут палец в миску и мажут себе глаза.

Подошел к миске и музыкант. Намочил палец и помазал себе глаза. И только он это сделал, видит, что вовсе это не панночки и паничи, а ведьмы и черти, что он не во дворце, а в аду.

“Ага, — думает музыкант, — вот на какое игрище затащили меня паничи! Ну, ладно. Я ж вам сейчас заиграю!”

Настроил он скрипку, ударил смычком по живым струнам — и все в аду в прах разлетелось, а черти с ведьмами разбежались кто куда,

Надзей, папов унук

Как не в каком чарстви, не в каком государстви, как жив поп, поп удов, и как была у евтаго папа доц яго радная. Ета, братиц ты, как ён бярёг яе, и как ён ни

ездить куды у приход, ён завсягды вязець ей гастинцыки: що епта прихожани знаюць, що ёсь у нашаго папа доц и надабиць ей как-нибудь гастинцыка паслаць. И паехав ён у приход — верст за двенадцать дзевня, ну, ета ён з прицастям паехав, и там ён прицастив цалавека; ну, ладна, и прыбярэгли яго воцинна харашо. Ну, ён и забыв, щобы гастинца доцки дали, ну, ён и сев з евтим и паехав дамов.

И едзиць ён па дароги, и гариць цалавецкая галава на дароги, и уся згарела, только попил ядин астаецы. Ён было праехав, патом и уздумав:

— Ще ж я праехав? Видзь цалвецкая галава гариць, дай я вазьму, у карман евтат папялок улажу, связу дамов и пагрэбу.

Ну, узял ён у карман яго и усыпав, сев на лошадзь апяць и паехав дамов. Ну, прыжджаиць к двару, и сувстрикаиць яго доцка, з лошадзи знимаиць яго; у яго забалела галава, видна з ветру, и яна спаць яго палажила на пярину. Ну, патом яна уздумала ета:

— Ах, бацюшка ж мой нябось гастинца привёз!

Яна и цап у карман; евтат жи папялок абаратився ларцыкам. Ну, ета яна выхвацила етат ларцык и кажиць:

— Ну, ларцык! Харашо; а ня знаю, как яго атлажиць.

Ну, вот яна выхвацила и лизнула яго и забярёминила. Хто носиць па нядзелям, а яна па цасам; дайшло да таго уремя, що радзиць, и радзила; ну, сийчас патом яго и ахрисцили, нарекли имя Надзей, папов унук.

Патом став росць етат маладзениц; хто расцець па гадам, а ён па цасам; шесць нядзель концылась — на вуличу к рябяттам шулугу ганяць пайшов. Вдариць ён па шулуге, шулуга ляциць, только звижжить; каму вдариць у нагу — нага проц, каму вдариць у руку — так рука проц, каму у галаву — галава проц. Ета атцы евтих дзяцей и приходзяць к свящельнику етаму, и приходзяць к свящельнику з прозьбай:

— Бацюшка! Ни пуцайце свайго унука на вуличу гуляць к ребяттам, больна много ён шкоды дзелаець.

Каторый гавориць — майму галаву адарвав, другей гавориць — майму руку адарвав; ни пущайце, гаворюць, бацюшка, как можна.

Ну харашо, мог ён вуздържаць яго до самага лета; ён вырас парядашнай, и гавориць ён:

— Ну, дзедушка любезнай, што ж мы будзим дзелаць-рабатаць?

Дрянно дзед яго узрадовався и гавориць:

— Доц мая любезная! Слава табе госпадзи! — гавориць. — Дав бог наследница какога; бог паслав! И какой хлапатнэй! Што я буду з ним дзелаць? Ну, станим рабатаць. Пойдзим, — гавориць, — унуцьк мой, ляда вывалим.

— Пойдзим, дзедушка!

И зайшли яны у балота, и выбрали яны места такая припадобная. Дзед став нацынаць ель валиць, ён (внук) гавориць:

— Дзедушка, ты ня поцынай, меня бласлави.

— Ну, — гавориць дзедушка, — унуцьк, бог цябе блаславиць!

Ён сийчас как нацав, как поцав да как став валиць, адна лес трящиць; так сяканець з яднаго бока тапаром, с другога дзерива паляцела. Да двенадцатага часу ён вывалив палтары дясацины ляда. Дзед кажиць:

— Нужна сечь мельця да жечь.

А ён гавориць:

— Дзедушка, мы и так груддэ складзём.

У три дня ета ляда паспела сеяць. Узяли яны з дзедам и пасеяли, да врадзився ж авёс, так етакай авёс нисказанной. Ну, павадзився в евтат авёс мядзведзь. Пасматрев поп, схадимши, ляда — много зьедзина авса. Приходзиць ён дамов, спрашиваиць унук:

— Што, дзедушка, ти какаво наша ляда?

— Дрянно, унуцьк, харашо, только ж повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно ись и многа зьяну здзелала.

— Как так, дзедушка, сколько трудився я, а яна, евтакая шельма, сколько зьяну надзелала! Пайду пакаравулю. Пайщи-тка мне кольки ни на ёсь пяноцки.

Сев ён, звив аброць, паабедав, в лес пайшов. Приходзиць ён в ляда, и вдивився ён, удал добрай моладзиц:

— Ах, бог мой, кольки шкоды здзелала, цирпець нивазможна! — и сев ён сиред ляда на пни. Ну, и сидзиць: патом сийчас мядзвездзь идзиць з лесу, и пряма у авёс, и взнявся и паёнс авёс смуниць. Ён, добрай моладзиц, и вдивився:

— Що ж ефта за дива, я ефтаких лашадзей не видывав; што б ета за аказия такая, как яна авёс кастиць.

Ета падходзиць ён — мядзвездзь — к няму близка, к самому ка пню. Мядзвездзь етага и ни внываиць, што цалавек стаиць; ён думаиць, што ета пень стаиць, и падходзиць к няму близка. Ён сийчас са пня, и цап яго за вуши, и схватив; ета схватив и притиснув к зямли яго. Мядзвездзь думаиць: што такей, и хацев паправитца; ну вуж позна ён яму и папясца ня дав, узав яго етай аброттю забратав и дамов повёв. И вёв ён яго дамов, мядзвездзь какая дзерива захваиць — з корним вароциць. Ну, и привёв ён яго дамов, привязав сиред двара к сталбу и приходзиць у вызбу.

— Ну ты, госпадзи, — гавориць, — какая лошады, дзедушка, разъелась! Как я умарився, тянумши яе дамов!

Дзед вышав на двор и вжахнувся.

— Пасматри-тка, — гавориць, — доц мая любезная, што твой сынок, а мой унуцьк здзелав — и кольки время дзивавилися яны. Ён «внук» гавориць:

— Ни дзивуйцися, а гаворьти, што мы над етай лошады дзелаць будзим, как яна сильна дужа, и што на ёй рабатаць?

— Вази, — кажиць дзед, — унуцьк, дровы.

Взав ён етага мядзвездзя и запрёг яго у цялегу, и панёс ён вазиць дровы на мядзвездю, и у три дня усе цыста загрузив, абклав кругом усё сяление. Етим прицетникам ни выйци, ни выихаць; усё загрузив цыста! И приходзяць ети прицетники к етому свящельнику и гаворюць:

— Дзе хоцьте дзеньте яго, щоб ён ня був; што ж ета за аказия, што у три дни усё сяло загрузив, ни выйци, ни выихаць никак нивазможна.

— Ах, доц мая, — гавориць дзед, — що мы будзим дзелаць! Жалка табе сына, а мне унука; ну ж пошлим яго, куды хош ён — туды и ступай!

Ну, прывіраіць ён к сабе унука и гавориць:

— Ну, унук мой любезнай, приходзяць пріцетнікі з прозьбай; жалка мне цибе а ступай ты, унуцык, куда ты уздумаў, на все цатыры стораны.

— Эх, дзедушка мой любезнай! Вы б давно и сказали мне евта, я и пашов бы, ніколькі ня медлімші. Матушка мая любезная! Спякі мне караваціцку.

Маць яго спякла яму караваціцку, улажіла у хатомацку.

Вставаў ён ранёшнічка, вмываўся бялёшнічка. Узьяў ён евту хатомацку, надзев яе на плечы, блаславіўся:

— Матушка мая любезная и дзедушка мой радзімай, блаславіце на пуць, на дарогу.

Памаліўся ён богу и пашов, и вышав ён у цыста поля, и наставіў ён ні пуцём, ні дарогай, и наставіў ён лясам дрямуцым, грязям тапуцым, и ішов ён семь дён без полдён, рот на апашку и язык наатмашку; вышав ён у трыдзевятую землю, у трыдзесятая чарства, и выходзіць ён у цыстая поля, у крутыя горы, — и гуляіць Гарыня-багатырь и горы капком капаіць. Приходзіць Надзей, папов унук, к няму и гавориць:

— Бог помаць, Гарыня-багатырь! Куды какая в цибе сила нязметная. Как ты, — гавориць, — гарам капаішь, как шулугу?

А ён гавориць яму:

— Эх, — гавориць, — удал моладзіц! Ні вдівляйся ты маей сілі. В трыдзевятай землі, у трыдзесятам чарстві, — гавориць, — как ёсь Надзей, папов унук, так у таго ня евтакая сіла! Как прывёв ён мядзведзя з лесу, да на мядзведзі усё цысто сяло загрузів. Яго, — гавориць, — воран кастёв ні заносіць, добрай малядой конь ні завозіць!

А ён гавориць:

— Ах, брат Гарыня-багатырь! Ні воран кості заносіць, а сам добрай моладзіц заходзіць.

А ён гавориць:

— Ах, брат, тык ефта ты Надзей, папов унук! Вазьми, брат, мяне у мяньшие братья.

Ён яго и узяв, и яны многа хадзили, и многа багатырѐв пабядзили, и многа гарадов захвацили; патом яны пажанились и багата жили.

Не силой, а умом

Пошел человек в лес рубить дрова. Нарубил дров, сел на пень отдохнуть.

Приходит медведь:

— Эй, человек, давай поборемся!

Глянул человек на медведя: этакая махина — куда с ним тягаться! Сожмет лапами — и дух вон.

— Э-э, — говорит человек, — что мне с тобой бороться! Давай сначала посмотрим, есть ли в тебе сила. Тогда мы с тобой поборемся.

— А как будем смотреть? — спрашивает медведь.

Взял человек топор, расколол пень сверху, вогнал в расщелину клин и говорит:

— Раздерешь этот пень лапой — значит, есть сила. Тогда мы с тобой поборемся.

Ну, медведь, не долго думая, тык лапу в расщелину. А человек тем временем бац обухом по клину, тот и выскочил.

Тут пень и стиснул медвежью лапу, словно клещами.

Ревет медведь, пляшет на трех лапах, а расцепить пень и вырваться не может.

— Ну что, — говорит человек, — будешь со мной бороться?

— Нет, — воет медведь, — не буду!

— То-то же! — сказал человек. — Не только силой можно бороться, а и умом.

Загнал он опять клин в расщелину, вытащил медведь лапу — и наутек в лес без оглядки.

С той поры и боится он с человеком встречаться.

Отдай то, что дома не оставил

Пошел один человек на охоту. Долго он бродил по лесам да болотам — ничего не убил. Наконец приметил на одном островке тура. Стоит он, красивый, как на

картинке. Выстрелил охотник, тур прыгнул и помчался в кусты. Охотник за ним. Бежал, бежал и не заметил, как попал в трясины.

Выбирается он из трясины изо всех сил, да где там! Затягивает его трясины, засасывает. Вот по самый пояс уже засосала... Видит охотник — смерть подошла. Стал он звать на помощь.

Вдруг вырос перед ним щупленький седой дедок с длинной бородою, в лаптях в сажень длиною.

— Спаси меня, человече! — просит его охотник.

— Ладно, — говорит дедок, — я спасу тебя, да только не даром — отдай мне то, что ты дома не оставил.

Думал-думал охотник — чего ж это он дома не оставил? Ничего припомнить не мог. А тут трясины уже чуть не по самую шею засосала: одна только голова да руки наверху. Ну что ж, торговаться не время...

— Бери, — говорит, — себе то, что я дома не оставил, только скорее спасай!

— Нет, это еще не все, — хихикает дедок. — Сейчас-то ты согласен, а лотом откажешься.

— Не откажусь...

— А чтоб не отказался, дай мне расписку. Вынул дедок из кармана кусок воловьей кожи и нож, подал охотнику;

— Надрежь, — говорит, — мизинец да распишись кровью своей на этой коже. Так оно будет надежней.

Расписался охотник на воловьей коже, дедок подхватил его, да и вынес на сухое место, а сам исчез.

Опамятовался охотник после лихой напасти, обтер с себя грязь и пошел домой. И так ему стало по пути на душе тревожно, хоть плачь: чует сердце беду.

Только он переступил порог дома, а ему говорят:

— Где ж ты так долго пропадал: жена вон сына тебе родила!

Как услышал об этом охотник, так и обомлел:

голова закружилась, в глазах помутилось. Был он человек бездетный. А тут на тебе! Дождался наконец сына, да не себе, а черту лысому!

Собрались гости на родины. Пьют, веселятся. А отец сидит, как туча черная, и все плачет. И кто ни спросит его, чего он плачет, — никому ничего не говорит. Поначалу думали, что это он от радости — понятно, сына дождался! А потом и спрашивать перестали.

Тем временем растет хлопчик, как на дрожжах. И такой удался красивый, разумный! Звали его Янка. Отдали родители его в обучение. И он всех своих однолеток враз обогнал. Ко всему был способный — как к работе, так и к учению.

Люди любят, глядя на Янку, завидуют охотнику. А отец все смотрит на него и плачет.

Вырос Янка, сделался стройным парнем, хоть жени его, а отец, чем дальше, тем все пуще печалится. Вот однажды сын и спрашивает его:

— Скажи мне, тата, чего ты такой невеселый? Чего ты, глядячи на меня, все плачешь? Разве я не твой сын?

Вытер отец слезы и отвечает:

— Да, сынок, не мой ты... Вот из-за того я и плачу.

И рассказал сыну, как запродавал он его седому дедку.

Выслушал сын и говорит:

— Коли так, отец, то прощай! Или голову сложу, или расписку твою у нечистой силы назад отберу. Не хочу я, чтобы ты всю свою жизнь плакал!

Собрался Янка, взял лук, стрелы, хлеб и двинулся в путь-дорогу.

Долго ли, коротко он шел — добрался до речки. А места кругом такие красивые, что дальше и идти не хочется. “Ну что ж, отдохну здесь маленько, полюбуюсь”, — решил Янка. Прилег он на бережку, за кустом, вынул из торбы хлеб. И только он собрался поесть — вдруг летит стая уток: одиннадцать впереди, а двенадцатая изо всех сил их догоняет, а возле нее кружится коршун. Вот-вот ударит ее острым клювом.

Схватил Янка лук и пустил стрелу в коршуна. Смотрит — камнем падает коршун в болото, перья рассыпает, а утка прямо к нему опускается.

Опустилась утка возле Янки, ударилась о землю и стала перед ним девушкой, да такую красивой, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Поклонилась девица-красавица Янке и говорит:

— Спасибо тебе, добрый молодец!

— Не за что, — отвечает в смущении Янка.

— Как так не за что? — удивляется девушка. — Ты ведь меня от смерти спас.

Кто ты такой и куда идешь?

Янка все рассказал ей о себе.

Поглядела на него девушка с испугом и говорит:

— Так это ты, видно, идешь к моему отцу.

— А кто твой отец?

— Колдун.

— Нет, — говорит Янка, — отец запродавал меня какому-то дедку с длинной бородою, в лаптях в сажень длиною...

— Это он и есть! Мой отец в кого хочешь обернется. Теперь он паном ходит.

Нахмурился Янка, а девушка и говорит:

— Не горюй, милый! Ты без меня пропадешь, как не один уже пропал, а вместе мы что-нибудь да придумаем. Прощай!

— Скажи, а как же тебя звать?

— Кася.

Обернулась девушка серою уткой, поднялась и полетела вслед за сестрами.

Пошел Янка в ту сторону, куда полетели уточки, и вскорости подошел к панской усадьбе. Постучался в ворота.

— Что тебе надо? — спрашивают слуги.

— Хочу видеть хозяина.

Вышел хозяин — толстый пан в дорогой заморской одежде.

— Что скажешь?

— Да вот, — говорит Янка, — ищу своего хозяина.

— Какого?

— Того, кому отец меня запродавал, когда я только на свет родился.

— Так это я и есть твой хозяин.

— Прости, панок, — говорит Янка, — а есть ли у тебя расписка от моего отца?

— А как же, имеется.

— Так верни ее мне, пане, а то отец мой все горюет да плачет, что так плохо получилось. Я отнесу ему, вот он и успокоится.

— Ишь ты, какой пряткий! — смеется пан. — Ты сперва отслужи у меня положенный срок, тогда и верну. А ежели не захочешь служить, то с живого кожу сдеру.

— Так давай мне работу, — говорит Янка, — я буду служить. Работать мне не привыкать стать. Вынул пан из кармана наперсток, подал Янке:

— Вычерпай к утру этим наперстком мое озеро за домом, рыбу всю выбери из него, а дно желтым песком посыпь. Это работа нетрудная.

Пошел Янка к озеру, начал вычерпывать воду наперстком. Черпал-черпал до самого вечера, устал, а толку никакого. Заплакал он с горя и пошел искать Касю, чтоб посоветоваться, как быть.

Пришел на двор, походил — никого не видно. Зашел в самый конец двора. Глядь — стоит на отлете постройка: хатка — не хатка, хлевец — не хлевец... Подошел он к той хатке, вдруг слышит — зовет его через оконце голос знакомый:

— Гей, Янка! Ты, вижу, совсем меня позабыл. Глянул он в оконце, а там Кася стоит! Вошел Янка в хатку, поздоровался и рассказал ей, какую немислимую работу задал ему ее отец. А девушка и говорит:

— Ничего, утро вечера мудреней. Ложись спать, а я что-нибудь да придумаю.

Послушался Янка и лег спать.

В полночь вышла Кася на крыльцо, махнула волшебным прутиком, и вмиг явились к ней тридцать хлопцев-молодцев — один в один.

— Что прикажешь нам, панночка?

— Вычерпайте к утру озеро, рыбу всю выберите да дно желтым песком посыпьте!

— Ладно! — ответили хлопцы-молодцы и помчались скорей выполнять работу.

Поутру девушка разбудила Янку.

— Ступай, — говорит, — доложи отцу, что все, мол, сделано. Только не признавайся, что я тебе помогла, скажи: сам все, дескать, сделал.

Пошел Янка, доложил пану. Тот посмотрел — и правда, все исполнено, как он приказал. И работа чистая — никакого изъяну не найдешь.

— Молодчина! — похвалил пан. — Работник ты, я вижу, неплохой. Если будешь так стараться, то я тебе и расписку отдам и дочку за тебя замуж выдам. У меня их двенадцать, выбирай себе любую, какая приглянется. Вот только беда: нет у меня отдельного дворца для тебя с молодою женой. Но ты, я вижу, парень работающий. Так вот тебе и работа: построй за ночь такой дворец, чтоб было в нем столько комнат, сколько дней в году, и чтоб сиял потолок, как небо, и светили на нем солнце, месяц и звезды, а вокруг дворца чтоб река протекала, а над ней перекинут был мост — золотая мостовина, серебряная мостовина, и чтоб над мостом радуга висела и упиралась краями в воду...

Словом, чтобы было приятно и самому поглядеть и людям показать. Построишь такой дворец — отдам тебе расписку и дочку в придачу, а не построишь — кожу сниму с живого. А теперь ступай.

Понурил Янка голову. “И чтоб ты пропал, нечистая сила! — подумал он про себя. — Чем дальше, тем труднее задачи загадывает. Как же мне построить такой дворец? Видно, опять надо к Касе идти, может, она поможет?”

Пришел он к девушке и рассказал ей, какую опять работу задал ему пан-колдун.

— Работа эта, и правда, потяжелей первой, — говорит Кася, — но что-нибудь да придумаем. Ты ступай да походи пока по двору, будто для дворца место выбираешь, а как стемнеет — назад сюда возвращайся.

Так он и сделал. Походил по двору, а когда завечерело, вернулся в хатку. Поужинал и спрашивает Касю:

— Почему это все твои сестры живут с матерью во дворце, а ты в этой хатке на отшибе?

— Потому, что у меня не мать, а мачеха. Она не хочет, чтобы я жила вместе с ее дочками.

— А знаешь что, Кася, — сказал Янка, — твой отец посулил отдать мне в жены свою дочь, коль дворец построю... Так я попрошу, чтоб он отдал мне тебя. Что ты на это скажешь?

Нахмурилась Кася, головой покачала:

— Не знаешь ты, милый, моего отца! Он так просто меня не отдаст, а выстроит всех нас в ряд и предложит тебе выбрать, а ты меня не узнаешь...

— Узнаю! — говорит Янка. — Как это так, чтоб я тебя не узнал?

— Вряд ли! — вздохнула Кася. — Все мы сестры одна в одну — и волос в волос, и голос в голос. А если уж очень хочешь выбрать меня, то запомни приметку: будет у меня в волосах белый цветочек. А если отец во второй раз предложит выбирать, то над моей головою будет муха летать, а в третий — будет зеленая ниточка завязана на моем правом пальце-мизинце. Запомнишь?

— Да чего там! Хочу выбрать только тебя и никого больше.

— А теперь, — говорит девушка, — ложись спать, а то ночь уже на дворе.

Лег Янка в мягкую постель и уснул как убитый. А Кася вышла на крыльцо, махнула прутиком — и вмиг к ней явились тридцать хлопцев-молодцев.

— Что велишь, панночка?

— Постройте за ночь такой дворец, чтобы было в нем столько комнат, сколько дней в году, чтоб сиял потолок, как небо, а на нем светили бы солнце, месяц и звезды, а вокруг дворца протекала река, а над ней перекинут был мост — золотая мостовина, серебряная мостовина, и чтоб над мостом радуга висела и упиралась краями в воду...

— Хорошо, — ответили молодцы и помчались скорей выполнять работу.

Один пилит, другой тешет, третий строгает кипит работа!

Вышел на другой день Янка на двор, глядь — стоит новый дворец, крышею небо подпирает. Над дворцом радуга сияет, над рекой серебряно-золотой мост блестит.

Вошел Янка во дворец, глянул вверх, чуть не ослеп: солнце сияет, месяц светит, звезды сверкают...

Стал Янка на мосту, ждет пана.

Вышел пан, залюбовался новым дворцом.

— Ну, — говорит Янке, — вижу, что ты мастер не хуже меня. Что ж, ничего не скажешь, ежели сам ты все это сделал.

— Сам, — говорит Янка. — А кто ж за меня делал?

— Хорошо, если сам. Постарался, да не для кого другого, а для себя самого. А пока свадьбу справлять, дам я тебе еще одну работу. Есть у меня конь, нету ему цены, да одна только беда: неезженный. Объезди-ка его до свадьбы...

Янка повеселел:

— Ладно, пане, завтра объезжу.

А сам себе думает: “Ну, эта работа для меня самая легкая!”

Тем временем вышла, и мачеха со своими дочками поглядеть на новый дворец. Понравился он им. А как узнали дочки, что отец обещал выдать одну из них за такого знатного мастера, то все как одна захотели за него замуж.

Поговорил Янка с паном и пошел себе, насвистывая, к Касе.

Пришел он и хвалится, что скоро, мол, станет она его женой: теперь уж отец задал ему работу по его силам!

— Нет, — говорит ему Кася, — не радуйся прежде времени. Ты думаешь, что отец даст тебе простого коня? Не такой уж он добрый! Это будет он сам, а не конь. Знаешь, отец не верит, что ты сам вычерпал озеро и построил дворец. Вот и хочет он тебя проверить.

Подчесал Янка за ухом.

— Так что же мне делать? Как его, черта, объездить?

— Не горюй прежде времени, а ложись спать. Завтра видней будет, — успокоила его Кася. Поутру разбудила Кася Янку.

— Иди, — говорит, — коня объезжать, раз согласился.

— Боюсь, — мнется Янка, — напугала ты меня этим конем.

— Ничего. Один ты с ним не справишься, а вдвоем мы сумеем.

И подала ему Кася железный прут.

— На, — говорит, — с ним ты не пропадешь. Как только конь станет артачиться — бей его со всей силы промеж ушей.

Пришел Янка на конюшню. Стоит там конь в яблоках: глаза кровью налиты, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит — нельзя и подступиться!

Подошел Янка к коню, хотел было вскочить ему на спину, а тот поднялся на дыбы, взвился до потолка и так заржал, что вся конюшня задрожала.

— Эге, — говорит Янка, — значит, и вправду чертов ты конь! Хорошо ж. Есть у меня для тебя лекарство!

Подкрался он к коню сбоку и хлестнул его прутом промеж ушей. Конь враз как сноп на колени упал. А Янка тем временем прыг на него! Конь опять на дыбы взвился — чуть Янку не сбросил. Но Янка изловчился и давай его из всех сил хлестать промеж ушей прутом. Храпит конь, пляшет под ним, как бешеный. А Янка все хлещет его.

Крутился, вертелся конь по конюшне ужом, потом видит — ничего не поделаешь: вырвался на двор и помчался в чистое поле. Летит, чуть земли копытами касается и все норовит Янку сбросить, под себя подмять.

Летал, летал конь по полям, по горам, выше лесу подымался, в глубокие яры спускался и наконец сдался: повернул назад и пошел шагом.

Приехал Янка на конюшню, поставил коня, а сам, радостный, побежал к Касе.

— Ну, — говорит Кася, — видно, хорошую баню задал ты моему отцу, ежели сам живой вернулся.

— Верно! — смеется Янка. — Уж старался как мог. Чуть твой прутик не изломал.

И, не поужинав, Янка, как сноп повалился в постель и заснул сном богатырским.

Поутру Кася будит его.

— Теперь ступай к отцу, проси его, чтобы отдал расписку.

Позавтракал Янка да и пошел к пану. Приходит. Пан сидит в кресле, невеселый, с перевязанной головой. “Ага, — думает Янка, — будешь ты помнить Касин прутик!”

— Что ж, — говорит пан, — я своему слову хозяин — как станешь моим зятем, тогда и расписку отдам.

— Пусть будет так, — согласился Янка. — Показывай своих дочерей.

Повел пан Янку в другую комнату. А там стоят двенадцать девушек, все на одно лицо, и голос в голос, и волос в волос, и росту одного. А сбоку старая пани похаживает.

Обошел Янка девушек один раз, второй и заметил белый цветочек в волосах у крайней девушки. Подошел он к ней, взял ее за руку и подвел к отцу.

— Вот, — говорит, — эта мне приглянулась.

— Ну, эта так эта, — отвечает пан, — у меня все дочки одинаковы. Бери себе ту, которая приглянулась.

А пани от злости так и позеленела: не родную ее дочь выбрал себе в жены знатный мастер, а нелюбимую падчерицу!

— Нет, — затопала она ногами, — я так не согласна: пусть еще раз выбирает!

Пан говорит:

— Пусть будет по-твоему.

Завязал он Янке глаза платком, а потом развязал и говорит:

— Выбирай во второй раз!

Обошел Янка девушек, видит — у одной из них муха над головою летает. “А-а, — вспомнил он Касины слова, — вот это она и есть!”

Взял он ее за руку и подвел к пану.

— Что ж, — говорит пан, — бери эту: у меня все одинаковы.

А пани опять затопала, закричала:

— Не согласна я! Пусть до трех раз выбирает! Завязал пан Янке глаза платочком, а потом развязал — и стоят перед ним опять двенадцать девушек, все как одна.

Начал Янка приглядываться к рукам и заметил у одной из девушек зеленую ниточку на правом пальце-мизинце.

— Пускай эта будет моею женой, — говорит он пану.

Ничего не поделаешь — пришлось колдуну отдать ему расписку.

— Завтра сыграем свадьбу, — говорит пан, — и будете вы жить в новом дворце.

Пошли молодые в Касину хатку к свадьбе готовиться. Кася говорит Янке:

— Свадьбу справлять будем не у моего отца, а у твоего.

— Почему? — спрашивает Янка. — Ведь здесь наш дворец стоит!

— Нам надо бежать отсюда, а то злая мачеха погубит нас, — говорит Кася.

В полночь, только во дворце все крепко уснули, выскочили они из хатки и бежали к отцу-матери Янки.

Наутро поднялись паны и панночки — ждут молодых: пора и свадьбу справлять. Да долго что-то спят молодые.

Послали слуг будить их.

Подошли слуги к хатке. Звали, звали — никто не откликается. Заглянули в хатку — пусто. Вернулись слуги и рассказали об этом пану.

Пан разгневался, а пани как закричит:

— Эй, гонцы, догоняйте их! Живых или мертвых, а назад верните!

Вскочили гонцы на коней и помечались во весь дух. Летят лесами, летят богами — напали на след.

— Ну, теперь они от нас не уйдут! — говорят гонцы.

А Кася припала в это время к земле, послушала.

— Земля гремит, ветер шумит, — говорит, — это за нами погоня летит...

— Что ж нам делать? — спрашивает Янка.

— Я обернусь овечкой, а ты пастушком будешь. Если спросят тебя, не видал ли ты на этой дороге хлопца с девушкой, скажи, мол, не видел.

Махнула Кася прутиком, и все сделалось, как она задумала.

Подлетают гонцы;

— Эй, пастушок, а не видел ли ты на этой дороге хлопца с девушкой?

— Нет, — отвечает пастушок, — я с самого утра здесь пасу, а никого не видал.

Покрутились гонцы на месте — нету следа. Воротились они назад, говорят панам:

— Никого не догнали. Только пастушка с овечкою повстречали. Спросили у него, а он говорит, что с самого утра, мол, пасет, а никого не видал.

— Так это ж они! — закричала пани. — Скорей догоняйте!

Бросились гонцы назад. “Ну, — думают, — уж теперь-то мы поймем пастушка с овечкой как миленьких!”

А Кася с Янкой бегут и бегут изо всех сил.

И вот чувят они опять за собой погоню. Махнула Кася прутиком — и обернулась зеленым садом, а Янка — садовником.

Подлетела погоня:

— Эй, садовник, а не видел ли ты на этой дороге хлопца с девушкой?

— Нет, — говорит садовник, — не видел. Вот уже десять лет я за садом ухаживаю, а хлопца с девушкой ни разу не видел.

— А пастушка с овечкой?

— Тоже не видел.

Воротились гонцы назад.

— Видно, — говорят, — с дороги мы сбились. Встретили по пути только садовника возле сада, но он сказал, что десять лет как за садом ухаживает, но ни хлопца с девушкой, ни пастушка с овечкою и в глаза не видывал.

— Ах вы, негодники! — закричала пани. — Надо вам было порубить и сад и садовника — это ж были они! Нет, плохая на вас надежда, придется бежать нам самим в погоню.

Обернулся пан волком, а пани волчицей, и побежали догонять беглецов. Мчатся, так пыль столбом и курит, аж ветер свистит.

Заслышала Кася новую погоню и говорит:

— Это летят мой отец с мачехой. А их нелегко обмануть. Но попробуем: разольюсь я глубоким озером, а ты будешь на нем селезнем. Плавай по озеру, да смотри не давайся никому в руки.

Махнула она прутиком — и стала озером, а Янка — селезнем.

Подбегают волк с волчицею к озеру.

— Озеро — это она! — закричала волчица. — Теперь мы с ней ничего не поделаем. А селезня поймем — ведь это сам Янка! Тогда и она за ним пойдет.

Бросились волк с волчицею в озеро и давай ловить селезня. А он то нырнет, то высоко взлетит над водой...

Гонялись, гонялись волк с волчицей за селезнем, утомились и пошли на дно. Тут и конец им пришел.

А Янка с Касей стали опять такими, как были. Взялись за руки и пошли спокойно к отцу-матери Янки свадьбу справлять.

Шумная была свадьба. Все пили, ели, и все веселились. А вместе со всеми веселился и отец Янки.

Я на той свадьбе был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало. Дали мне там стеклянные сапожки, восковую шапку да бумажный кафтан. И пошел я, приплясывая, домой. Шел, шел да о камень споткнулся, а сапожки — дзинь, дзинь! — и разбились. Полил дождь — размок мой кафтан да с плеч свалился. А потом припекло солнце — и шапка растаяла. Пошел я домой с пустыми руками. Пришел, на завалинке сел и эту сказку вам рассказал.

Откуда пошли паны на Полесье

Давно это было. И старые люди того уж не помнят и рассказывают то, что от отцов и дедов слышали.

Ну так вот. Дремучими полесскими лесами пробирался раз вечером черт в свое болото. Был он хмурый-прехмурый: за целый день не удалось ему сделать людям никакого вреда. А какой же из него после этого черт? Теперь хоть и в ад не показывайся — засмеют его там!

Тащится черт злющий-презлющий, невеселые думы его грызут. Вдруг видит — мчится по дороге пан из Варшавы. Впереди гайдуки едут, сзади тоже, а посередине пан в карете на мягких подушках сидит. Усы торчком, как у жука-короеда, шапка с тремя рогами, сапожки красного сафьяна, пояса со шнурами витыми, золоченые... Ну, словом на сто сажень паном несет!

Загородил черт дорогу, вытаращил глаза, смотрит: ни разу на Полесье такого пугала не видывал!

— Прочь с дороги, пся крев! — закричал пан на черта и грозно зашевелил усами. Черт ни с места.

— Объедешь, — говорит, — коли надо тебе. Заносчив был пан, аж почернел от злости:

— Эй, гайдуки, всыпьте ему двадесте пеньть!

Защелкали гайдуки кнутами и кинулись к черту. А тот взял да и перескочил через них, ухватил пана за чуб и понес его над лесом, выскалив зубы...

Летит черт и бьет паном об верхушки дерев. Где об дуб ударится пан — там вмиг вырастает пан Дембицкий, а за Дембицким — Дубицкий...

О березу грохнется — является пан Бжезинский, а за ним — Бжезовский, а за Бжезовским — Березовский...

Как грибы растут паны.

Об сосну шарахнется пан — вырастает пан Сосновский, о граб — Грабовский, об ель — Ельский, о вербу — Вербицкий, о ясень — Ясенский, об осину — Осинский...

Скакал-скакал черт с паном, прямо заморился. Поглядел, а от пана одни только кишки остались: ловко его пообтрепал!

“Что ж с ним, — думает, — делать? Не нести ж его в ад?” Взял черт да и по-раструсил панские кишки по земле. И пошли от них расти паны мелкие да подпанки — Кишки, Печенки...

Так развелись паны на Полесье — сам черт посеял их на беду людям.

Отцов дар

Жил себе на свете хороший человек. Было у него три сына — двое умных, а третий — Иван-простофиля. Умные поженились, семьями обзавелись, а Иван всё на печи лежит да на жалейке играет.

Пришла пора отцу помирать. Собрал он сыновей и говорит им:

— Сыны мои родные, сыны мои милые! Богатства большого я вам не оставляю, но уважьте одну мою просьбу: когда я помру, приходите ко мне на могилу ночевать три ночи подряд. Первую ночь — старший, вторую — средний, а третью — младший. А когда придёте, то скажите: “Жёлтый песок, рассыпайся, сосновый гроб, открывайся, отец, из могилы подымайся!” Вот и всё.

Сказал сыновьям это, сложил руки и умер.

Схоронили сыновья отца. Ну, надо идти старшему ночевать на могилу. А ему боязно, да и жена не пускает: “Куда ты пойдёшь, ещё пропадёшь там! Что я одна тогда делать буду?”

А нехорошо не выполнить отцову просьбу.

— Пошли вместо себя Ивана, — советует жена. — Коли с ним что и случится, то никто и жалеть не станет.

Просит старший Ивана:

— Сходи, братец, за меня на отцову могилу. А Иван, лёжа на печи, отвечает:

— Что я дурак, ходить за других? Придёт мой черёд, тогда и пойду. Брат чуть не плачет:

— Сходи уж, Иванка! Видишь, жена меня не пускает.

— Ну ладно, — согласился Иван, — ты только скажи жене, чтобы она сшила торбу побольше да положила в неё два каравая хлеба. Там я хоть вволю наемся, а то дома ваши жены мне и поесть как следует не дают.

Сшила жена старшего брата большую торбу и положила туда два каравая хлеба. Взял Иван торбу и пошёл к отцу на могилу.

Пришёл и сказал, как отец учил:

— Жёлтый песок, рассыпайся, сосновый гроб, открывайся, отец, из могилы подымайся!

Всё так и вышло. Поднялся отец, поглядел на Ивана и говорит:

— А где ж мой старший сын?

— Он, видишь, боится тебя, вот меня и послал, — отвечает Иванка, уплетая краюху хлеба.

— Ну что ж, — вздохнул отец, — тогда его доля будет тебе. Слушай меня, сынок: на зелёных лугах, на шелковых травах-муравах сивый конь пасётся, с золотой гривой. Днём он пасётся, а ночью гуляет, а как крикнет добрый молодец — вмиг к нему подбегает. Коли нужен он будет тебе — ты крикни-свистни громким голосом, и конь станет перед тобой, как лист перед травой. А как натешись им, пусти его опять на зелёные луга, на шелковые муравы.

Сказал так отец, лёг опять в гроб — могила вслед и закрылась.

Отошёл Иван от могилы, крикнул-свистнул громким голосом — прибегает к нему конь сивой масти с золотою гривой.

Стукнул конь копытами:

— Чего звал, Иван Иванович?

— Хочу на тебе прокатиться.

— Это можно.

Вскочил Иван на коня и полетел. Весь свет три раза облетел, земли не касаясь.

Примчался назад.

— Хватит, — говорит он коню, — натешился я! А теперь беги на зелёные луга, на шелковые муравы. Днём пасись, ночью гуляй, а как крикну — ко мне прибегай!

Пустил он коня, а сам домой воротился. Забрался на печь, ноги на перекладину поставил и играет себе на жалейке. Умные братья дивуются: “Ишь ты, ничего с ним не случилось!”

Пришла вторая ночь — надо среднему сыну к отцу на могилу собираться.

Начал он Ивана упрашивать:

— Сходи-ка ты, братец, за меня...

— Да что я — нанятой вам! — злится Иван. — Тебе надо — ты и ступай!

А тут невестка с плачем пристала к нему:

— Сделай, Иванка, милость: сходи за брата на отцову могилу!

— Ну ладно, — согласился Иван. — Давайте два каравая хлеба!

Приготовили ему торбу, он и пошёл. Пришёл на могилу, сказал, что следует.

Отец поднялся и опять удивляется:

— Почему ж это средний сын не пришёл меня навестить?

— Он боится тебя, — говорит Иван, — вот и не пришёл.

— Ну что ж, — вздохнул отец, — тогда и его доля будет тебе. Слушай меня, сынок: есть на тех же зелёных лугах, на шелковых муравах ещё один конь — гнедой масти. Он тоже будет тебе служить.

Облетел Иван дважды свет на коне гнедой масти и домой воротился.

На третью ночь настал его черёд. Пошёл он к отцу на могилу. Поднялся отец и говорит:

— Жалко мне тебя, сынок: ты всё один ко мне ходишь... Ну, так пускай же и третий конь служит тебе. А пасётся он на тех же зелёных лугах, на шелковых муравах, и масти он буланой. А теперь больше ко мне не ходи.

Сказал это отец, лёг в гроб, а могила за ним и закрылась.

Облетел Иван один раз свет на коне буланой масти. Потом домой воротился, лёг на печь и играет себе на жалейке.

— Ну и ну, — удивляются умные братья, — наш дурень-то нигде не пропадёт! Уж теперь мы ему хлеба по два каравая давать не будем — хватит с него и за-тирки!

Тем временем зачудила в том царстве от нечего делать царская дочь: забралась на третий ярус в тереме, села у окошка и объявила, что кто, дескать, к ней на коне доскачет, за того она и замуж выйдет. Вот все, кому хотелось взять себе в жёны царскую дочь, и кинулись в столицу. А другие пошли да поехали на то диво глядеть. Умные братья говорят:

— Давай-ка и мы поедем поглядим. Стали они собираться. А Иван просит братьев:

— Возьмите и меня с собой. Мне тоже охота на диво поглядеть.

— Да куда уж тебе ехать? — смеются братья. — Там и без таких дураков, как ты, обойдётся. А коли надоело лежать на печи, то дадим мы тебе работу.

Взяли они две мерки мака да две мерки песка, смешали в одну кучу и говорят:

— Пока мы вернёмся, чтобы ты всё это перебрал: мак отдельно, а песок отдельно.

Пригорюнился Иван, да что поделаешь. Высыпал мак вместе с песком в торбу, лёг на печи и лежит. А торбу на припечек положил, пускай, мол, сохнет.

Прошёл день, прошёл другой, слез Иван с печки, пересыпал мак с песком в лубяное лукошко, торбой прикрыл, да и пошёл со своим добром за дремучий лес, в чистое поле. Свистнул-крикнул громким голосом — прибегают к нему все три коня: сивой масти, гнедой масти, буланой масти.

— Что нам скажешь, хозяин?

— Кони мои добрые, кони мои милые: прошёл слух, будто в царской столице дива дивные творятся. Зачудила младшая царская дочка, взобралась на третий ярус в тереме, села у окошка и объявила, что кто на коне к ней доскачет, за того, мол, и замуж она пойдёт. А не могли бы вы меня туда домчать, чтобы мне поглядеть на то диво?

— Можно, — отвечает конь сивой масти. — Но поедешь ты нынче на самом молодом из нас, на буланом.

Вышел буланный конь наперёд, махнул гривой и говорит:

— Влезай, Иван, мне в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иван буланому коню в правое ухо, в левое вылез и стал таким молодцем, что ни царевичу, ни королевичу не сравняться.

Сел он на коня. Стукнул конь копытами и полетел.

Долго летел он или коротко, глядь — а вот и столица. И все там уже собрались на диво поглядеть. И братья Ивановы сбоку стоят, рты по-раскрывали.

Тут буланный конь как скакнул с разгона, так, может, всего на локоть и не допрыгнул до царевны. Опустился он на землю за теремом и вихрем помчался дальше. Был и нету! Все так и ахнули, а царевна: “Ловите его, ловите!” Да где там!..

Примчался конь на старое место. Иван влез ему в левое ухо, а в правое вылез, стал таким, как прежде, и говорит:

— Спасибо тебе, конь мой добрый! Посмотрел и я на царевну. А теперь помоги мне сделать ещё одну работу: перебрать две мерки мака да две мерки песка...

Конь говорит:

— Разорви торбу на две подстилки да высыпь из лукошка свой мак.

Иван так и сделал. Как дунул конь ноздрями, мак и оказался на одной подстилке, а песок на другой.

Свернул Иван подстилки, поблагодарил коня и пошёл домой. А в лукошко набрал по дороге грибов.

Дома невестки напустились на него:

— Где ты, дурень, ходишь? А ты мак перебрал? Достанется тебе от братьев, как вернутся!

— Да ну вас! — говорит Иван. — И мак перебрал, да ещё и грибов принёс. А вы всё говорите, что я ничего, мол, не делаю.

Приезжают из столицы и умные братья.

— Что там было, что там творилось! — рассказывают они жёнам. — А никто и до второго яруса не мог подняться. Только один какой-то царевич на коне буланой масти чуть было до царевны не доскочил. Ему бы ещё с локоть выше... Эх, жаль! А такой был красивый царевич, что даже сама царевна ахнула и закричала: “Ловите; его, ловите!” Да где там!

Лежит Иван на печи, усмехается:

— А не я ли то был? Братья зашикали на него:

— Молчал бы ты лучше, дурень! А вскоре царевна опять объявляет, чтоб все съезжались в столицу. А сама села уже у окошка четвёртого яруса.

Собрались ехать и умные братья.

— Возьмите и меня с собой, — просит Иван.

— Ах ты, такой-сякой дурень! Да разве дома работы нету? Вот зададим мы тебе работу.

Взяли братья три мерки песка да три мерки мака, смешали всё вместе и велели Ивану перебрать, пока они вернутся.

Подождал Иван день-другой, высыпал мак с песком в лукошко, взял две подстилки и пошёл за дремучие леса, на зелёные луга. Свистнул-крикнул громким голосом — прибегают добрые кони.

— Ты чего, хозяин, нас звал?

— Да так, мол, и так, — говорит Иван, — опять объявила царевна, чтоб все съезжались в столицу. Нельзя ли и мне поехать на то диво поглядеть?

Сивый конь отвечает:

— Ладно. Но теперь ты поедешь на гнедом. Ну, сделал Иван всё, что надо, сел молодец-молодцем на гнедого коня и полетел в столицу. Все ехали туда по месяцу, по два, а он за какой-нибудь час домчался. И поспел вовремя. Гнедой конь как скакнул, только на пол-локтя до царевны не допрыгнул.

Одолело царевну любопытство: кто ж это такой храбрый царевич, что и во второй раз чуть было не допрыгнул до неё? Вот спустя некоторое время объявляет она в третий раз, а сама взобралась на пятый ярус. И теперь съехались туда снова все цари и царевичи, короли да королевичи, все паны и дворяне. Поехали и умные братья, задав Ивану работу: четыре мерки мака с песком перебрать.

Вылежался Иван на печи, взял мак с песком и пошёл к своим коням.

— А нельзя ли мне будет ещё разок съездить в столицу? — говорит он коням.

— Можно-то можно, — отвечает сивый конь. — Да теперь ты поедешь на мне на самом. Ежели я не допрыгну до царевны, то больше и говорить об этом не будем.

Сделал Иван всё, что надо, сел на коня, свистнул и полетел в столицу. И часу не прошло, а он уж там очутился.

— Ну, держись! — крикнул сивый конь.

Заржал сивый конь на всю столицу, взвился ввысь и доскочил до самой царевны. А царевна — стук-стук! — и поставила Ивану две свои печатки: одну на лбу, другую — на затылке. Опустился конь на землю и умчался прочь. Все кричат: “Лови, лови!” А ловить-то и некого; только был, а уж и след простыл...

Примчался Иван назад, попросил коня, чтобы мак перебрал, и пустил его на зелёные луга, на шелковые травы-муравы. А сам надвинул шапку на самые уши, чтоб печаток не было видно, да и пошёл домой. По дороге опять набрал лукошко грибов.

Приехали братья, стали жёнам про диво рассказывать.

— Что там было, что там творилось! Все скакали, но и до второго яруса не доскакали, а один царевич — такой красивый, весь в золоте, как скакнул, так до самой царевны доскочил, а она ему печатки свои на лоб и на затылок поставила.

Иван слушает это на печи да смеётся:

— А не я ль это был?

— Молчи, дурень! — зашикали на него братья. — Не с твоим умом и ловкостью сделать такое! Перебрал хоть мак?

— Перебрал, — отвечает Иван, — ну вас с вашим маком! Одна возня с ним, да и только. Посмотрели братья, удивляются:

— Видно, пришлось тебе поработать! — говорят.

А тем временем царевна объявила, чтоб явился к ней жених. Сперва позвала к себе всех царевичей да королевичей. Посмотрела — нет жениха! Тогда позвала она панов и купцов. То же самое — нету! Подошёл черёд и остальным — мужикам и батракам. Всех велела собрать.

— Ну, — говорит Иван, — прежде я просил, чтоб вы меня взяли, а теперь пойду и без вас!

Взял он свою жалейку, торбу за плечи закинул и пошёл за дремучие леса, в чистое поле. Крикнул-свистнул там громким голосом — прибегают к нему все три коня.

— Кони мои дорогие, — говорит Иван, — велела царевна явиться к ней всем мужикам и батракам. А нельзя ли и мне к ней поехать?

Сивый конь отвечает:

— Теперь ты снова поедешь на самом молодом из нас. И поезжай таким, как ты есть... А буланому коню даёт наказ:

— Отвези его, братец, в баню, что стоит возле царского дворца, и оставь его там. А ты, — говорит Ивану, — заберись в баню на полок и играй на жалейке. Тебя найдут, когда надо будет.

Мигом домчал его конь буланый до столицы. Вошёл Иван в баню, взобрался на полок и играет себе на жалейке.

А тем временем царевна со служанкою всех мужиков да батраков оглядела — нет жениха! Вдруг слышит: в бане кто-то играет, да так хорошо, что слушать любо.

Пошли туда, открыли, видят — лежит на полке парень, ободранный, весь в лохмотьях, шапка на лоб надвинута... И на жалейке играет, да так, что ноги сами

в пляс идут. Подошла к нему царевна, сняла подраную шапку — а на лбу её печатка!

Посмотрела на затылок — и там её печатка!

— Ну, — говорит она Ивану, — так это ты мой жених! Пойдём к отцу.

Взяла она его за руку и ведёт, а Иван упирается:

— Куда я пойду? Чтобы там надо мной посмеялись?

Царевна привела его кое-как в хоромы. А отец как увидел, начал её укорять:

— И кого же ты в мужья себе выбрала?! Дочка говорит:

— Да на нём ведь мои печатки, значит, он мой суженый. Такова моя доля. Ничего не поделаешь...

Хочешь не хочешь — пришлось свадьбу справлять. И сделался Иван царским зятем.

И было у того царя ещё два зятя, что были женаты на старших дочках. Ну, те, понятно, из князей да королей были. Вот собрал однажды царь своих богатых зятьёв и говорит:

— Я уже стар, и смерть моя не за горами. Кому же из вас царство передать?

— Мне! — говорит один зять.

— Нет, мне! — говорит другой. И так заспорили они, что дело чуть до драки не дошло. Царь и говорит:

— Вот что, зятья мои любезные: есть в некотором царстве, в некотором государстве свинка — золотая щетинка, рылом пашет, ногами боронует, а вслед за ней пироги растут, да такие, что и самому царю есть впору. Кто из вас добудет ту свинку и приведёт ко мне во дворец, тому всё царство отпишу!

Тут зятья не долго думая взяли по полку солдат и двинулись с музыкой искать свинку — золотую щетинку.

Говорит младшая царская дочь своему мужу Ивану:

— Твои свояки вон куда поехали — искать свинку — золотую щетинку, а ты что себе думаешь? Им отец всё царство отпишет, а мы как жить будем?

— Никуда я не пойду! — отвечает Иван. — Выдумали какую-то свинку! Где её найдёшь?

Заплакала жена, а Иван взял свою жалейку и заиграл.

Прошло так с месяц или больше, Иван и говорит жене:

— Сходи-ка ты к отцу, выпроси у него какую-нибудь завалиющую лошадёнку: поеду и я свинку искать.

— Дурень ты, — говорит жена, — свояки уже, пожалуй, её нашли и домой ведут, а ты только теперь надумал ехать!

— Ну и пусть! Сходи к отцу. А коли не даст, то я и пешком пойду. Пошла жена к отцу.

— Батюшка, — говорит, — просит мой Иван хоть какую-нибудь завалиющую лошадёнку — задумал и он за, свинкой ехать.

Царь посмеялся, а лошадёнку дал. Собрался Иван, сел на клячу задом наперёд и погоняет.

— Смотрите, — удивляются царские слуги, — дурак-то наш по-дурацки и едет!

Выехал он за город и бросил свою клячу волкам на поживу.

А сам как крикнет, как свистнет — прибегают к нему все три коня: сивый, гнедой, буланый.

— Что скажешь нам, хозяин?

— Ах, кони мои добрые! — говорит Иван. — Есть в некотором царстве, в некотором государстве свинка — золотая щетинка, рылом пашет, ногами боронует, а вслед за ней пироги растут, да такие, что и самому царю есть впору! Не сможем ли мы достать её?

— Сможем! — — отвечает сивый конь. — Ты поедешь за свинкой на самом молодом из нас. Но надо вам захватить с собой шёлковый шнурок да кожаную плётку.

— А где мне их взять? — спрашивает Иван.

— Погоди маленько.

Взвился сивый конь и полетел на зелёные луга. Через минуту прилетает с кожаной плёткой и шёлковым шнурком.

— Вот тебе всё, что надо. Только смотри — бей свинку этою плёткой покрепче, пока она не сдастся, а ты, буланый, топчи её копытами.

Влез Иван буланому коню в правое ухо, в левое вылез и стал добрым молодцем, сел — только его и видели.

Долго ли, коротко ли они летели, прилетели в то царство, где жила свинка — золотая щетинка. Смотрит Иван, а та и вправду рылом пашет, ногами боронует... Подкрался он к свинке и давай её плёткой хлестать. Конь копытами бьёт, а он плёткою лупит. Свинка терпела-терпела, да и силы не стало.

— Ах, заморский царевич Иван Иванович, за что ты меня убиваешь?

— Сдавайся, — кричит Иван, — не то не выпущу тебя живой!

И бил её до тех пор, пока свинка не сдалась. Накинул тогда Иван ей на шею шёлковый шнурок, сел на буланого коня и поехал, а свинка сзади бежит.

Едет он так, едет, глядь — идут навстречу два полка солдат, музыка играет. “Ну, — думает Иван, — это, пожалуй, мои свояки ещё за свинкою едут”. Влез он буланому коню в левое ухо, а в правое вылез и стал таким, как прежде. Коня отпустил, а свинку привязал шнурком к дубу. Ну, свинка та и давай своей работой заниматься: рылом пашет, ногами боронует...

Разложил Иван в дубняке костёр, греется и на жалейке играет.

Подъезжают свояки ближе, смотрят — из дубняка вьётся дымок.

Говорят, они своим слугам:

— Ступайте поглядите, кто это там дымит. Слуги пошли, обо всём разведали.

Прикурили от огонька и назад воротились.

— Ну, что там? — спрашивают свояки.

— Да это наш дурачок дымит там. Он уже и свинку ведёт.

— Не может этого быть! — удивляются свояки. — Мы сами пойдём посмотрим. А ежели что, то выпросим у него свинку, а то и отберём.

Приходят они в дубняк, видят — и правда: сидит Иван у костра, на жалейке играет, а свинка у дуба своей работой занимается.

— Здравствуй, свояк!

— Здравствуйте!

— Так это ты прежде нас свинку добыл?

— Я одну только добыл, — отвечает Иван, — а там их целое стадо: хватит и вам.

— Что ты врёшь, свояк! Такая только одна и есть на свете. Отдай ты нам эту свинку. А Иван на своём:

— Моя свинка, — говорит, — я сам и отведу её тестю.

А свояки как пристали к нему — никак не отвяжутся. “Мы тебе, — говорят, — дадим и то и сё...” Надоело Ивану их слушать.

— Да ну вас, — говорит, — если отрежете по пальцу-мизинцу с правой ноги, то забирайте её себе.

Подумали свояки и согласились; что ж, мизинец стоит полцарства! Отрезали они пальцы, забрали свинку — золотую щетинку и весёлые повели её в столицу.

А Иван спрятал пальцы в свою торбу, погрелся ещё немного у огонька, потом кликнул буланого коня, сел на него и помчался.

Сваяки ехали, видимо, с месяц, а Иван за день управился.

Подъехал он к городу, пустил буланого на зелёные поля, а сам пошёл к жене.

Увидела его жена без ничего, всплеснула руками:

— Куда же ты девал отцову лошадёнку?

— Да знаешь, — говорит Иван, — плохонькая попалась кобылка, притомилась в дороге... Ну, я и бросил её, а сам пеший вернулся.

Жена в плач:

— Ой, горюшко мне с тобой — выпросила я у батюшки кобылку, а ты загубил её да и свинки не привёл...

Вот спустя некоторое время вернулись и свояки со свинкою. Привязали её на дворе возле царских хором. И начала свинка чудеса вытворять: рылом пашет, ногами боронует, а за ней готовые пироги растут...

Сколько тут радости было и своякам, и царю! Созвал царь гостей — панов и князей — на диво то поглядеть. Ведь ни у одного из царей не бывало ещё такой свинки!

Разъехались гости, а свояки пошли просить тестя, чтобы царство им отписал.

Царь подумал и говорит:

— Нет, за одну только свинку я царство не отпишу. Есть в некотором царстве, в ином государстве чудо-кобылица — из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Пасётся она на зелёных лугах, на шелковых муравах. И стерегут её двенадцать коней с золотыми гривами. Если вы ту кобылицу заодно с конями поймаете да ко мне приведёте, то отпишу вам царство тогда.

Просчитались свояки — ничего не поделаешь: надо ехать искать кобылицу.

Набрали они войска ещё больше и поехали.

Опять пристаёт жена к Ивану:

— Вон свояки твои за кобылицею поехали, а ты дома сидишь! Отец им всё царство отпишет, а мы как жить будем?

— Э-э, — говорит Иван, — и куда мне ехать? Что у меня, войско своё или что? Как-нибудь проживём и без царства!

Прошло некоторое время, опять просит Иван жену:

— Сходи-ка ты к отцу: а не даст ли он мне ещё одну лошадёнку? Поеду и я за свояками.

— И что ты, дурень, мелешь? Сваяки-то, пожалуй, назад уже возвращаются с кобылицей, а ты ещё только собираешься.

— А коли возвращаются, то и я с ними вернусь. Невелика беда!

— Мне совестно перед отцом, — говорит жена. — Опять задаром лошадёнку загубишь. Что я тогда скажу ему?

— Загублю так загублю. Твой отец от того не обеднеет.

Пошла она к отцу и выпросила у него ещё лошадёнку. Сел Иван на клячу, отъехал немного от города и бросил её волкам на поживу. А сам крикнул-свистнул, и стали перед ним его хорошие кони. Рассказал Иван коням про чудесную кобылицу.

— Так это же наша мать! — говорит сивый конь. — Но там теперь не двенадцать караульчиков возле неё, а девять, ведь мы тебе служим. Трудную задачу ты задал нам, хозяин. Но попробуем тебе помочь. Ступай к своему тестю да выпроси у него дедов безмен.

Вернулся Иван в хоромы, выпросил у царя дедов безмен на двенадцать пудов. Взял его в руки и размахивает им, как тростинкой. Удивляется царь:

— Дурень, а силён! Ишь ты! Пришёл Иван к своим коням.

— Теперь, — говорит сивый конь, — я сам поеду с тобой. А ты смотри, как сядешь на кобылицу, то бей, её безменом промеж ушей, и бей до тех пор, пока она не остановится. А я тем временем буду возле неё летать и просить: “Матушка, лучше сдавайся, а то мой хозяин больно злой: забьёт тебя безменом...”

Ну, так всё и случилось, как сказал сивый конь.

Изловчился Иван, сел на кобылицу, и та понесла его под самые небеса... Но сила, носила — не падает Иван: сидит на спине, будто врос, да двенадцатипудовым безменом бьёт её промеж ушей.

Заморилась кобылица и говорит:

— Тридцать три года живу я на свете, а ещё никто на мне не езживал! Кто ты таков?

— Это, матушка, наш хозяин, — говорит за Ивана сивый конь. — Сдавайся, а то он больно сердитый: забьёт тебя.

— Ну что ж, — вздохнула кобылица, — ходила я на воле, а теперь придётся ходить подневольною. погоди, Иван Иванович, перестань меня бить.

— Вот так бы давно и сказала, а то у меня рука уже заболела тебя дубасить, — говорит Иван.

Едет Иван на кобылице назад в своё царство, а за нею девять коней да десятый сивый конь Ивана.

Едет он, видит — навстречу войско валит, музыка играет. “Это, наверно, мои свояки”, — думает Иван.

Отпустил он своего сивого коня на зелёные луга, развёл костёр, греется себе и на жалейке играет.

Заметили свояки дымок. Посылают слуг узнать, кто там дымит. Пошли слуги, всё разглядели, прикурили от огонька и назад воротились.

— Ну, кто там? — спрашивают свояки.

— Да это наш дурень ведёт кобылицу, и рядом с ней девять коней с золотыми гривами.

— Как девять? А тесть ведь сказал двенадцать!

— Нет, только девять.

— Тогда мы сами пойдём посмотрим. Приходят:

— Здорово, свояк!

— Здравствуйте!

— Что, кобылицу ведёшь?

— Ага, там их много пасётся. Я взял себе только одну и девять коней впридачу. Сваяки переглянулись, покачали головами:

— Будет тебе, своячок, над нами смеяться! Ведь это кобылица, про которую отец говорил.

— Да нет, это не та, — не соглашается Иван. — Ваша вам осталась. Я чужих не беру.

— Хоть бы и так, — говорят свояки, — да ты нам эту вот уступи. Мы тебе что хочешь дадим.

И начали они просить. Что делать? Согласился Иван и говорит:

— Ладно, берите, да только отрежьте мне за неё у себя по пальцу-мизинцу с правой руки.

Жаль было своякам пальцев, но Иван твердо стоит на своём. Посоветовались меж собой свояки.

— Что ж, — говорят, — доктора у нас свои, лекарства свои — враз всё заживёт: отрежем по пальцу.

Вернулся Иван домой, как и в первый раз, ни с чем.

— Скажи хоть, куда ты отцову лошадёнку девал? — спрашивает жена.

— Как куда? Околела! Что ж ты думаешь: сам ехал, да ещё какой безменище вёз...

Спустя некоторое время приводят свояки ту кобылицу. Так рады, что и не расказать: понятно, царство теперь-то им достанется!

Уж тут приходится царю бумагу писать — царство зятьям передавать.

— Нет, — говорит царь, — я передумал. Вы не всё ещё сделали. Есть в некотором царстве, в ином государстве, за синими морями, за высокими горами лев. Сидит он у колодца, двенадцатью цепями прикованный. И носят ему день и ночь двенадцать человек воду из колодца: лев всю её выпивает и все болезни у людей и у скота в себя забирает. Ежели вы этого льва мне добудете и приведёте в наше царство — тогда всё ваше будет!

Подумали свояки: “Может, дурень и льва добудет, а мы уж как-нибудь у него выманим”.

— Хорошо, — говорят, — приведём льва! Собрались и поехали.

А жена напустилась на Ивана:

— И что ты, дурень, себе думаешь? Только лежишь да на жалейке играешь. Видишь, свояки вон за львом уже поехали. Отец им всё царство отпишет, а мы с тобой милостыню просить пойдём.

— Ах, милая жёнушка, — говорит Иван, — а люди разве не живут подаванием? И мы как-нибудь проживём.

Жена на том и успокоилась.

Вот прожили они с месяц или два, и просит Иван жену опять сходить к отцу за лошадёнкой.

— Нет, — говорит жена, — уж теперь не пойду. Коли хочешь — ступай пешком: всё равно с тебя никакого толку!

Иван спорить не стал, простился с женой и тронулся в путь-дорогу. Вышел в чистое поле, кликнул своих коней. Сивый конь и говорит ему:

— Теперь ты поедешь на гнедом. Как доскачешь до того царства, подъедешь к столице, то коня отпусти, а сам ступай к колодцу и скажи, что ты сам, мол, берёшься поить льва. А если царь наймёт тебя, не зевай. Вот тебе молоток — он любую цепь разобьёт...

Долго ли Ивану — часа за три очутился он у колодца.

— Добрый день, молодцы! — поздоровался Иван с работниками, что черпали воду.

— Добрый день!

— Трудно вам тут работать?

— Ой, трудно!

— Так давайте я буду за вас поить льва.

— Что ты! — говорят работники. — Нас двенадцать, да и то мы не справляемся.

— Ничего, я справлюсь. Доложите вашему царю.

Пошёл старший работник, доложил царю. Царь обрадовался: одному-то ведь меньше платить надо.

— Наймите его на три дня, — говорит царь. — Ежели справится, тогда и договариваться будем.

Работники отошли от колодца, а Иван принялся скорей за работу. И так у него гладко пошло, что лучше и не надо.

Старший работник побежал к царю.

— Диво! — говорит. — Лев не успевает всей воды выпить, что он один подаёт.

— Ну что ж, — говорит царь, — посмотрим, что завтра получится.

Ночью Иван говорит льву:

— Знаешь что: давай убежим отсюда. В моём царстве тебе вольготней будет.

И так это расхвалил своё царство, что лев вскоре согласился бежать с ним.

— Только не разорвать тебе цепей, какими я к колодцу прикован.

— Ничего, разорву.

Взял Иван молоток да как стукнул, так одна цепь и разлетелась. Двенадцать раз стукнул — двенадцать цепей разлетелось.

Сел тогда Иван на льва и помчался в своё царство. Встречает по пути свояков. Увидели те, что Иван едет на льве, и стали его просить-умолять:

— Отдай нам этого льва.

— Ого, — не соглашается Иван, — всё вам да вам! Дайте и мне привести хоть кого-нибудь тестю. А то вот жена всё ругает меня: вы, говорит, будете царством владеть, а нам нищенствовать придётся.

— Мы тебе, Иван, что хочешь дадим, только отдай нам льва.

И так стали его уговаривать, что Иван согласился.

— Ладно, — говорит, — но только теперь я возьму с вас подороже: вырежьте у себя со спины по куску кожи...

Свояки не стали перечить.

“Доктора свои, лекарства свои — залечим, — думают. — Зато уж теперь наверняка царством будем владеть. А тогда старого царя и этого дурня выгоним прочь!”

Взял Иван два куска кожи, скрутил их в трубочки и спрятал в свою торбу. Потом, когда свояки отъехали со львом версты две, кликнул он гнедого коня, сел и — айда домой!

Вернулся Иван к жене. Слуги царские над ним смеются:

— Ишь, — говорят, — за три дня за львом пешком ходил. И куда уж там дурню с умными тягаться!

А жена плачет:

— Что ты себе думаешь? Над тобой люди смеются.

— И пусть смеются: не всем же плакать!

— Небось, поплачешь, коль отец своим царство отпишет, а нам ничего не будет.

— Э, да к чему нам царство это! Даст клочок земли и хватит с нас.

Жена и успокоилась: не будешь же всё время плакать! И слез ведь не хватит.

Приводят свояки того заморского льва, с музыкой, с песнями. Собрались со всего царства князья да паны на диво поглядеть. А царь на радостях задал такой пир, что никто такого и не видывал.

Три дня и три ночи пировали. А когда окончился пир, созвал царь зятьёв. Явились к нему зятья с жёнами и младшая царская дочь. Только Иван не пришёл.

— А где же твой дурень? — спрашивает царь младшую дочку. — Почему он не идёт? Хоть бы послушал, как я царство делить буду.

Пошла она к мужу:

— Иди к отцу, послушай, как там и что.

— А зачем мне ходить-то?

— Пойди попроси у него хоть клочок земли. Пошёл Иван в царские покои и стал у порога. Царь говорит старшим зятьям:

— Вот, зятя мои милые, отдаю я вам всё своё царство, а сам остаюсь на ваших хлебах да милости.

— Спасибо, батюшка, — поклонились зятя.

— А мне, отец, что даёшь? — спрашивает Иван с порога.

— Ничего тебе не даю! На печи царство не зарабатывают.

Посмотрел Иван на свояков и говорит:

— А они что сделали, что ты отдаёшь им царство?

— Как что? — удивился царь. — Они мне добыли дива заморские.

— Где добыли? У меня выклянчили! Погляди-ка, отец, есть ли у них на правых ногах пальцы-мизинцы.

— А ну, снимайте сапоги! — велит царь зятьям.

Зятя сняли — и правда: нету у них на правых ногах пальцев-мизинцев!

Открыл Иван свою торбу и достал оттуда пальцы.

— Вот они! — говорит. — Это за свинку я у них взял. А теперь посмотри, отец, есть ли у них на правых руках пальцы-мизинцы.

Посмотрел царь — нету! А Иван достаёт их из той же торбы.

— Это я за кобылицу у них взял. Ведь они тебя обманули: привели только девять коней. А где ж ещё три?

— Да, — почесал царь затылок, — обманули: трёх коней не хватает...

Тут вышел Иван из дворца, крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом — и явились перед ним три золотогривых коня.

Царь глаза вытаращил, а зятя как полотно побледнели.

— Теперь, — говорит Иван, — погляди, отец, на спины своих зятьёв: целы ли они?

Посмотрел царь — не хватает по куску кожи...

Вынул Иван из торбы два куска, приложил к спинам — их кожа!

— Это, отец, я им за льва памятку сделал.

Видит царь — всё правда! Прогнал он тогда своих зятьёв-обманщиков, а Ивану всё царство отдал

Ох и золотая табакерка

Жил себе сирота Янка, сын лесника. Отец и мать у него умерли, а родных никого не было. Так и жил он один в лесу, в отцовой хате. А чтоб было веселей, держал пестрого котика.

Привык к нему котик. Бывало, куда хозяин идет, туда и он.

Пошел раз Янка собирать хворост. Ну, понятно, и котик за ним. Набрал Янка вязанку хвороста, несет домой, а котик тащит за ним сухую веточку. Уморился Янка, присел на пенек отдохнуть, подумав, как тяжело жить ему на свете, и громко застонал:

— Ох, ох!..

И только он так сказал — выскочил из-под пня маленький старичок с длинной бородой.

— Ты зачем меня звал, хлопец?

Посмотрел Янка в испуге на него и говорит:

— Нет, дедушка, я не звал тебя.

— Как не звал? — заспорил старичок. — Я ж не глухой! Ты два раза назвал мое имя: Ох, Ох... Теперь ты должен мне сказать, что ты от меня потребуешь.

Подумал Янка и говорит:

— Ничего мне не надо. Вот только голодный я очень. Коли есть у тебя кусок хлеба, то дай.

Ох нырнул назад под пень и тащит оттуда кусок хлеба и миску щей.

— На, — говорит, — поешь. Наелся сирота, котика накормил и низко поклонился старичку:

— Спасибо, дедушка, за обед: давно я такой вкусной еды не едал.

Взвалил он на плечи свой хворост и пошел веселее домой.

Прошел день, второй, опять голод одолевает. Вспомнил Янка про старичка. “Пойду, -думает, — может, он накормит меня еще раз”.

Пришел к тому самому месту, сел на пенек и вздохнул:

— Ох!

Выскочил старичок.

— Что скажешь, хлопец? Поклонился ему Янка:

— Я голодный, дедушка. Может, дал бы ты мне кусок хлеба?

Вынес ему старичок тотчас кусок хлеба и миску щей.

Так с той поры и пошло: захочется Янке есть — он и идет к старичку.

Раз вынес ему старичок вместо обеда золотую табакерку.

— Вот что, хлопец, -говорит, -не беспокой меня больше: я уже стар и обед мне носить тяжело. Возьми эту табакерку. Если тебе что понадобится, ты открой ее, и мой слуга мигом явится перед тобой. Он не хуже меня выполнит все, что ты прикажешь.

Взял Янка золотую табакерку, поблагодарил от всего сердца старичка и пошел, приплясывая, домой. Открыл он дома золотую табакерку — выскочил из нее маленький человечек, но не такой, как дедушка Ох, а молодой да приткий.

— Что прикажешь? — спрашивает Янку тоненьким голоском человечек.

— Дай мне, братец, чего-нибудь поесть.

И вмиг поставил человечек на стол миску щей, положил большой ломоть ржаного хлеба, а сам скок в золотую табакерку и закрылся.

Пожил так Янка некоторое время, и захотелось ему по свету походить, людей повидать, себя показать, а то ни разу он нигде, кроме своего леса, не бывал.

Взял он золотую табакерку, кликнул котика и тронулся в путь.

Много обошел он деревень, городов, много чудес повидал и пришел наконец к синему морю. Видит — лежит на морском берегу серебристая рыбка. Видно, волной ее выбросило во время прибоя. Трепыхается рыбка, бьется о камни, а никак назад в море попасть не может.

Пожалел Янка бедную рыбку. Взял он ее потихоньку и бросил в море.

Плеснула рыбка хвостиком, глотнула воды, очнулась, а потом высунула из воды головку и говорит голосом человеческим:

— Спасибо тебе, добрый молодец, что спас ты меня от смерти. Может, и я когда-нибудь тебе помогу.

Усмехнулся Янка:

— Зачем мне, рыбка, твоя помощь: у меня в кармане не такой помощник есть. Но рыбка уже не слышала его.

Пошел он дальше. Вдруг выбегает из норки серая мышка.

Котик цап ее за спину и хотел съесть.

Жаль стало Янке мышку. Был он такой, что всех жалел: помнил, как прежде трудно ему жилось. Взял он мышку, погладил и посадил в карман, а потом вынул из торбы хлебную корочку и бросил ей туда.

— Ешь, — говорит, — ты, поди, проголодалась. Мышка и успокоилась, стала корочку грызть. Идет он, идет по берегу моря, а тут и вечер наступил — надо искать ночлег. Видит — высится на горе большой дворец. “Нет, — думает Янка, — туда меня не пустят”. Пошел он дальше. Глядь — стоит у моря маленькая рыбацья хижинка. Зашел Янка в рыбацью хижинку и попросился переночевать.

— Хорошо, -говорит хозяин, -ночуй. Мне веселей будет.

Разговорился Янка с хозяином.

— Что это за дворец был по дороге? — спрашивает он у хозяина.

— Это дворец королевский, — говорит хозяин. — Там живет сам король. Да вот недавно случилась у него беда: прилетел полночью морской змей, схватил его дочь и унес на свой заколдованный остров, куда ни дойти, ни доплыть. Король теперь прямо волосы на голове рвет. Объявил по всему королевству: кто, дескать, вернет ему дочь, за того и выдаст ее замуж и все королевство после смерти своей отпишет. Много наезжало сюда разных княжичей да королевичей, но никто до острова того добраться не смог: морской змей такую волну подымает, что ничего не поделаешь...

Вспомнил Янка о своем волшебном помощнике из золотой табакерки и говорит рыбаку:

— Передай, если можешь, королю, что завтра ни свет, ни заря он свою дочку увидит.

Пошел рыбак и рассказал о том королю. Позвал король к себе Янку. Посмотрел на него, пожал плечами. “Неужто, -думает, -этот простой мужик сделает то,

чего княжичи да королевичи не могли сделать? Не может этого быть!” По королю так хотелось увидеть свою дочь, что он решил попытать счастья еще раз.

Вот и спрашивает он Янку:

— Правда ли, хлопец, что ты берешься вызволить дочь мою из неволи?

Поклонился Янка королю и отвечает:

— Правда, пане король. Я лгать не умею.

— Ну смотри, — говорит король, — чтобы завтра до восхода солнца моя дочь была у меня, а не то велю разорвать тебя железными боронами.

— Ладно, — согласился Янка. — Пусть будет по-твоему.

Вышел он из дворца, открыл золотую табакерку. Выскочил из нее шустрый человечек:

— Что прикажешь?

— Окажи, братец, милость: построй за ночь железный мост от дворца королевского до заколдованного змеева острова и поставь на нем золотую карету с шестериком. Завтра чуть свет я поеду на остров.

— Хорошо, -говорит человечек, -все будет исполнено, как ты просишь.

Вернулся Янка к рыбаку и спать завалился. Наутро поднялся он ни свет ни заря, глядь — перекинут железный мост от королевского дворца до змеева острова, и стоит на мосту золотая карета, запряжена шестериком, и возле коней стоит его помощник с кнутом.

Подошел Янка к своему помощнику, вынул табакерку и говорит:

— Спасибо тебе, братец. А теперь ступай отдыхать, а то, видно, ты сильно уморился.

Человечек отдал Янке кнут, а сам спрятался в золотой табакерке.

Сел Янка в карету и поехал за королевой. Приезжает на остров, видит — стоит там большой темный замок и выглядывает из окна изумленная королева. Давно не видела она людей и обрадовалась Янке, как брату родному.

— Кто ты таков? — спрашивает. — И зачем ты приехал сюда?

— Не спрашивай, панночка, — отвечает Янка, — а садись поскорей в карету.

Поедем к отцу твоему.

Еще больше возрадовалась королева, услышав такие слова.

— Но я ж не могу через дверь выйти, там треклятый змей спит. Он ночью за добычей летает, а днем у дверей отдыхает.

— Так лезь через окно.

— Боюсь.

Подставил Янка руки:

— Прыгай!

Прыгнула королева из окна и прямо к нему на руки. Схватил ее Янка, усадил в карету и помчался молнией к королевскому дворцу.

Услыхал змей грохот, вскочил, глядь — нет королевы... Он — вдогонку. Бежит, аж мост дрожит, огонь из пасти пышет...

Оглянулся Янка — гонится вовсю за ним змей.

Вот-вот нагонит. Давай парень тогда кнутом лошадей хлестать. Те рвутся вперед во всю прыть лошадиную.

Примчался Янка к берегу, высадил королеву из кареты, потом открыл потихоньку золотую табакерку и велел своему помощнику снести мост. Человечек вмиг снес мост, а замороженный змей упал в глубокое море и захлебнулся.

Тем временем проснулся король, глянул в окно — глазам своим не верит: ведет Янка ко дворцу его дочь!

Выбежал король навстречу, стал дочь обнимать, целовать. Уж так счастлив, так рад.

— Ну, парень, -говорит он Янке, -порадовал ты меня. Отдам тебе за это дочь свою в жены и отпишу вам после своей смерти все королевство.

Сыграли свадьбу, и стал сирота Янка мужем королевы. Все его любили, только одна королева искоса на него поглядывала: не по душе ей, что сделалась она женою простого мужика. Вот и пристала она однажды к мужу:

— Скажи мне, кто тебе мост построил, по которому ты меня привез?

Янка все отмалчивался, отнекивался, да не дает ему жена покоя.

— Помру, — говорит, — если не признаешься. Что тут делать — признался Янка и показал жене золотую табакерку.

— Только поклянись, -говорит, -что ты никогда ее без меня в руки не возьмешь. Жена поклялась, а потом и говорит:

— Хочу жить с тобой в замке на острове. Вели своему помощнику, чтобы мост построил.

Не стал Янка ей перечить: открыл при жене табакерку, велел помощнику — и построился мост.

Переехали они в змеев замок. Жена говорит:

— Не снимай моста: мы будем по нем на берег ездить — к отцу в гости и куда вздумается.

Прожили они несколько дней в замке. Захотелось Янке поехать на охоту. Взял он лук, котика и мышку, чтоб в дороге веселей было, и поехал по мосту.

Только сошел на берег, глядь — не стало за ним моста! “Что за диво?” — думает Янка. Хватъ за карман, а там нет табакерки... Котика взял, мышку взял, а табакерку забыл...

Тут обо всем он и догадался. “Вот тебе и королевнина клятва! — подумал про себя Янка. — Я пожалел ее, из беды выручил, а она мне за мое добро злом отплатила. Придется теперь опять возвращаться в свою избушку да голодать, как прежде”.

Сел он на морском берегу и от обиды даже заплакал.

Вдруг слышит — мышка в кармане скребется. Высунула оттуда головку и спрашивает:

— Ты чего плачешь, добрый человек? Рассказал ей Янка про свое горе.

— Ничего, — утешает его мышка, — такую беду мы избудем.

Пошепталась она о чем-то с котиком, потом уселась к нему на спину, и поплыли они по морю. Доплыли до замка. Спрятался котик в саду, а мышка пролезла сквозь щелку в покои королевны.

Долго она там сидела, высматривая, где прячет королевна табакерку. И подглядела-таки — в деревянном ларчике!

Ночью, только королевна улеглась спать, прогрызла мышка ларчик, схватила табакерку и побежала к котуку в сад.

— Нашлась, -говорит, -золотая табакерка!

— Так садись скорей ко мне на спину! -велел котик. — Поплывем назад.

Села мышка ему на спину, и поплыл котик, пофыркивая, по волнам.

Доплыли они почти до самого берега. Спрашивает котик у мышки:

— А ты не потеряла табакерку?

— Нет, — говорит мышка, — вот она! Подняла табакерку, чтобы показать коту, да не удержала — табакерка и бултых в море!

— Ах ты, разиня! — рассердился котик. — Что ж ты наделала?

Выплыл он на берег и схватил мышку зубами за спину:

— Я тебя задушу!

Увидел это Янка, отобрал у котика мышку. А как узнал, что случилось, то сел у моря и сильно пригорюнился — так жаль было ему табакерки!

Вдруг выплыла из моря серебристая рыбка:

— Ты о чем, человек, горюешь? Расскажи мне — может, я тебе чем помогу, ведь ты избавил меня когда-то от смерти.

Поглядел Янко — и узнал ту самую рыбку.

— Эх! -тяжко вздохнул он. -Великая у меня потеря...

И рассказал рыбке про свое горе. Выслушала его рыбка и говорит весело:

— Это что за беда! У меня тут в море табакерок сколько хочешь. Я буду выбрасывать их, а ты гляди, какая твоя. Свою возьми, а мои назад мне верни.

Плеснула рыбка хвостом и нырнула на дно моря. Вскоре начала она выбрасывать на берег табакерки — серебряные, золотые, брильянтовые. У Янки прямо в глазах зарябило от табакерок. Начал он к ним внимательно приглядываться и — увидел-таки свою. Обрадовался Янка, кинул в море лишние табакерки и крикнул рыбке:

— Спасибо тебе, рыбка! Выручила ты меня из беды.

Взял он свою золотую табакерку и пошел по свету вместе с котиком и мышкой искать лучших людей.

Пан и сказочник

Один богатый пан очень любил сказки слушать. Бывало, кто ему что ни наплетет, он все правдой считает.

Захотелось этому пану такую сказку послушать, какой бы он не поверил. И объявил он повсюду: "Если кто расскажет мне такую сказку, чтобы я сказал: врешь, дам тому тарелку золота".

Нашелся один такой сказочник. Звали его Янка. Приходит он к пану:

— Ставь, пан, тарелку золота, буду сказывать сказку.

Поставил пан на пол тарелку золота, а сам уселся в кресле и закурил трубку с длинным чубуком.

— Ну, рассказывай. Только смотри, как бы вместо золота розог не получить.

Присел Янка на корточки перед тарелкой и начал рассказывать:

— И чего, панок, на свете-то не бывает! Вот какой случай со мной вышел однажды. Было это в то время, когда мой отец еще и на свет не родился. Жил я с дедом. Делать дома нечего, вот дед и отдал меня к одному хозяину пчел пасти. А было у того хозяина целых пятьдесят колод пчел. Надо каждый день поутру пересчитать их и на пастбище гнать. А вечером пригнать, опять пересчитать, подоить да в ульи загнать. И хозяин мне твердо сказал: "Ежели ты хоть одну пчелу потеряешь, то не заплачу тебе за целый год". Вот какая была нелегкая работа!

— Все может быть, — соглашается пан. Глянул Янка на тарелку золота и продолжает рассказывать:

— Однажды пригнал я пчел с пастбища, пересчитал: нету одной пчелы... Батюшки-светы, быть беде! Я бегом назад — пчелу искать. А уже вечереть начало. Я туда, я сюда — нету пчелы. Вдруг слышу — где-то пчела ревет. Смотрю — за рекой семь волков напали на мою пчелу. А она, бедняжка, от них изо всех сил отбивается, не сдается. Бросился я на помощь пчеле. Прибежал к реке — нет переправы. Что делать? А тут вот-вот волки пчелу разорвут. Я, долго не раздумывая, схватил себя за чуб, раскачал — и гопля через реку! Но до другого берега не долетел — упал посреди реки и камнем пошел ко дну. Опамятовался кое-как и начал искать дорогу, чтобы наверх выбраться. А тут, как назло, на дне реки кто-

то костер развел да такого дыму напустил, что прямо глаза ест, даже рыба носом сопит и дороги из-за дыма не видать. Иду это я ощупью, глядь — медведь стоит. Хотел я схватить его за хвост, да он ко мне головой повернулся. Я сунул ему руку в горло, добрался до хвоста и за него ухватился. Испугался медведь да как рванется наверх — ну, и вытащил меня. Сам бросился с перепугу в лес, а я на берегу остался, да не на том, что надо. Тут схватил я себя опять за чуб, раскачал еще посильней, чем в первый раз, и — прыг на другой берег!

— Мало ли чего на свете не бывает, — говорит пан. — Может, и правда.

— Правда-то правда, пане, да, пожалуй, с изъязном. Ну так вот. Перескочил я на другой берег, да с разбегу так грохнулся оземь, что по самый пояс увяз. Я и туда, и сюда — не выбраться. Без лопаты, думаю, ничего не поделаешь. Побежал домой, схватил лопату — и назад. Откопал себя и бегу на помощь пчеле. Прибежал, отогнал волков, а пчела уже и ноги протянула: задрали ее волки, пока я туда да сюда бегал. Что делать? Прикрыл я пчелу веткой, чтоб волки не съели, а сам пошел к хозяину.

"Беда", — говорю. "А что за беда?" — спрашивает хозяин. "Волки пчелу задрали". Как рассердился хозяин, как затопал на меня ногами: "Теперь не дам тебе ни гроша!" Молчу я. Виноват.

Посердился хозяин и спрашивает: "А волки еще не съели пчелу?" — "Нет". — "Ну, это хорошо, что хоть пчела-то цела. Поедем заберем".

Запрягли мы две пары волов, поехали. На лугу сняли шкуру с пчелы, порубили мясо на куски и привезли домой. Дома засолили — целых двенадцать бочек вышло. Весь год ели мы то мясо с хозяином.

— Мало ли чего на свете не бывает! — говорит пан. — Может, и правда.

— Ну, а как кончился год, хозяин прогнал меня и не заплатил и ломаного гроша. Только выпросил я у него кусок воску. Вылепил я из того воску лошаденку, сел на нее и поехал к деду, ведь отца-то у меня еще не было. Еду, еду — приехал в лес. А тут и есть захотелось. Потянул носом — чую, на елке жареным пахнет. Подъехал я к елке, а там в дупле жареные дятлы пищат. Ну, голод не тетка. Полез я в дупло за дятлами. Лезу рукой — не влез, лезу ногой — не влез,

лезу головой — не влез, бросился всем туловищем — влез. Наелся там дятлов сколько хотел — и назад. Лезу рукой — не вылезу, лезу ногой — не вылезу, лезу головой — не вылезу, всем туловищем понатужился — тоже не вылез. Вспомнил я, что у хозяина за лавкой топор лежал. Побежал, взял топор, прорубил в дупле дырку побольше, да и вылез.

— Мало ли чего на свете не бывает! — говорит пан. — Может, и правда.

— Вылез я, сел на лошадку, заткнул топорик за пояс и еду дальше. А топорик тяп да тяп, тяп да тяп... Вдруг лошадка стала — и ни с места. Оглянулся я — половины лошадки нету: обрубил ее топорик! Чтоб тебе пусто было! Вырезал я палку из ракиты, сшил лошадку, да и еду опять. А ракета вдруг стала расти и расти — выросла до самого неба. Ну, думаю, полезу на небо, погляжу, что там делается.

Пан перестал пыхтеть трубкой:

— И что же ты там видел на небе?

— Чего я там только не видел, пане! Иду я это по небу, а в одной хате святые вечеринку справляют: пьют, гуляют, веселые песни распевают. Хотелось мне к ним зайти, да нет, думаю, с пьяными лучше не связываться, а то еще тумачков надают. Иду дальше. В другой хате святой Микола храпит под столом, словно пшеницу на базаре продал. Видно, порядком хлебнул.

— Мало ли чего на свете не бывает! Может, и правда, — говорит пан.

— И верно, что правда! Своими глазами видал. Зашел я к Миколу, думал — может, чем поживлюсь. Да где там! Бутылки на столе пустые, хлеба ни крошки. Покрутился я, вижу — валяется возле хозяина золотая шапка. Возьму, думаю, хоть Миколину шапку. Зайду где-либо по дороге в корчму, меня за нее и накормят. Взял я шапку — и назад. А тут Микола проснулся, начал шапку искать. А ее нету. Наделал он крику-шуму... Надо, думаю, домой бежать, а то поймают — от беды не уйти. А тут никак не найду того места, где ракета на лошадке растет. Я и туда, и сюда — нету ракиты. Вдруг вижу — святые на току гречиху веют, мякина так по всему небу и рассыпается. Давай я ее ловить да веревку вить. Свил,

привязал одним концом к небу и начал на землю спускаться. Спустился к другому концу веревки, а земли все не видать. Повис я меж землею и небом. Хорошо еще, что со мной топорец-то был. Возьму это я отрублю конец веревки, снизу подточаю и дальше спускаюсь.

— Мало ли чего на свете не бывает! — говорит пан. — Может, и правда.

— Точал я этак, точал, да и не заметил, как сквозь землю проскочил и в аду очутился. Иду по аду, разглядываю, как там и что. Вдруг вижу: ваш покойный батюшка — худой, босой, оборванный — свиной пасет.

Вытаращил пан глаза, трубка изо рта выпала:

— Врешь, хам! Не может этого быть, чтоб отец мой да свиной пас!

А Янка хватить тарелку с золотом — и за двери!

Пану наука

Ну так слушайте! Расскажу вам не сказку, а быль.

Было это еще во время панщины. И злые же были паны! Не люди, а зверье. Попадешь к такому вот пану, и хоть ложись да помирай: ничем ему не угодишь. И правду говорят: “Черта нянчить — не унянчить”.

Так вот и пан. Уж ты ему как стараешься и работаешь хорошо, а он все покрикивает: “Не так, негодяй, не так, оборванец, не так, пся крев!” и ест тебя поедом, издевается, презирает. А чуть что не угодишь, живьем шкуру сдерет.

Ой, тяжко, как тяжко было жить при панах!

Так вот. Был в одном поместье такой злой пан. И чего он только не вытворял! Как только над людьми не измывался. Не одного до смерти запарол. А своих крепостных и за людей вовсе не считал.

Велел раз поганый этот пан, чтобы все, у кого были волы на продажу, приводили бы их только к нему на панский двор. Расставил по краям села стражу и не позволял проезжать гуда ни одному купцу. А ежели приведет кто на панский двор вола на продажу, так пан посмотрит и скажет:

— Ты что это привел, осел? Ведь это ж не вол, а козел!

И заплатит, как за козла. А кто вздумает ему перечить — пошлет того на конюшню и всыплет розог.

Долго мучились люди с таким поганым паном, долго терпели, да что поделаешь, кому пожалуешься? Ведь паны-то всюду тогда заседали — и в судах, и в поместьях.

Но нашелся, наконец, один человек, что отплатил пану за все людские обиды да слезы.

Был это смышленный да удалый парень, звали его Римша. Рано он осиротел, но и один кое-как обзавелся хозяйством. Гордый был парень Римша. Никто не отваживался его пальцем тронуть.

Вот привел раз Римша на панский двор вола продавать. Вышел пан на крыльцо и говорит:

— Что ж это ты привел, осел? Это же не вол, а козел!

Оглянулся Римша, видит — никого кругом нету, показал пану хворостину и спрашивает:

— Что это, пане: береза или лоза? Я же тебе привел вола, а не козла!

И давай хлестать пана хворостиной. Бил, бил, пока рука не заболела.

— Вот тебе, — говорит, — за то, что ты над людьми измываешься! Коль одужаешь, то дожидайся меня еще в гости. Сказал так Римша, оставил вола и в лес убежал. Нашли дворовые люди пана без памяти — так отлупил его Римша. Только на третий день опамятовался пан.

— Поймать мне Римшу! — велел он слугам.

Да где там! Его и след уж простыл. Были прежде леса дремучие, темные. Живи себе в них сколько хочешь, никто тебя не найдет.

Идет день за днем, а пан никак одужить не может. Каких только докторов не звали — а толку никакого: видно, здорово-таки отбил ему Римша печенки.

А тут вскоре приезжает в поместье новый доктор с целым сундуком разных лекарств. Позвал к себе — пан нового доктора, угощает его и просит, чтоб полегил его.

— Хорошо, — говорит доктор, — я пана вылечу. Надо только баню натопить.

Затопили слуги баню. Повел доктор пана в баню, посадил его на полок и велел за жердину держаться обеими руками. А сам стал натирать его разными мазями.

Сидит пан, за жердину держится да только побряхтывает.

Да недолго кряхтел он. Достал вскорости доктор из кармана сыромятный ремень, привязал им к перекладине панские руки и заткнул ему кляпом рот. Потом взял хворостину и говорит:

— Что это, пане: береза или лоза? Я же продал тебе вола, а не козла!

Видит пан, что это сам Римша, а не доктор, и хотел было закричать, да не может — во рту кляп!

Вертится пан, как вьюн на горячей сковородке, а Римша лупит его по чем попало. Чуть было всю кожу с пана не содрал. Потом сел на коня и поехал. Только его и видели.

Долго хворал пан. Все думали, что уже конец ему. Да злого-то и смерть не берет: по весне пан одужал и задумал за границу, на воды, ехать. Начал он собираться, а тут как раз денег не хватает. Вот и порешил пан продать лес. Объявил о том, и стали купцы наезжать, лес смотреть. Рядились-рядились, да никак не могут в цене сойтись: пан, вишь, скупой был и больно дорожился.

Приехал однажды в поместье какой-то очень на вид богатый купец. Повел его пан лес осматривать. Пан хвалит лес, хочет подороже взять с купца, а тот все поддакивает ему и ведет его дальше в гущину. Забрались они в такие дебри, что и свету белого не видать. Вот купец и давай руками сосны обхватывать, саженем толщину мерить. Обхватил и пан одну сосну.

— Вот смотри, — говорит, — какое бревнище! Прямо золото, а не лес.

А купец вынул из кармана ремень, да и привязал пана к сосне. Потом вытащил из-под полы хворостину, показал пану и спрашивает:

— А что это, пане: береза или лоза? Я же тебе продал вола, а не козла!

И начал пана лупить... Бил, бил, сколько влезло, да так и бросил его к сосне привязанного.

Весь день простоял пан у дерева, пока не нашли его там дворовые люди.

С год, почитай, после того провалялся пан, а все никак не одужает.

Опять советуют ему доктора на воды ехать. Продал пан лес, зерно, скот. Набрал много денег и собрался за границу ехать, на воды.

А Римша все за паном следит. Доведался он, по какой дороге пан будет ехать, и устроил на него засаду: расставил на три гона один от одного двух верхоконных с хворостинами.

Подъезжает пан к первому хлопцу, а тот тряхнул издали хворостиной и кричит:

— Что это, пане: береза или лоза?

— Держи его, держи! — кричит пан кучеру. — Это ведь Римша!

Кучер хватъ ножом по постромкам, сел на пристяжную и погнался за хлопцем.

Только он скрылся из глаз, подъезжает к панской карете другой такой же хлопец. Замахнулся издали хворостиной и говорит:

— Что это, пане: береза или лоза?

— Хватай его, хватай, негодяя! — кричит пан лакею. — Это ведь Римша.

Вскочил лакей на вторую лошадь и помчался за хлопцем. Остался пан в карете один. Вдруг откуда ни возьмись перед ним Римша. Вынул он из-под полы хворостину, тряхнул ею и спрашивает:

— Что это, пане: береза или лоза? Я же продал тебе вола, а не козла!

Избил Римша пана, забрал у него деньги и ушел в лес, в свою землянку.

Много добра потом сделал Римша бедным людям: и деньгами им помогал, и от злых панов выручал.

Еще и поныне в дремучем лесу между Запольем и Новоселками стоит гора. Называют ее Римшиной горою. Говорят, там и жил гордый и смелый парень Римша.

Пилипка-сынок

Жили муж и жена. А детей у них не было. Горюет жена: некого поколыхать, некого утешить...

Пошел однажды муж в лес, вырубил из ольхи полено, принес домой и говорит жене:

— На, поколыхай.

Положила жена полено в колыбель и давай колыхать, песенки напевать.

— Люли-люли, сынок, с белыми плечами, с черными очами...

Колыхала день, колыхала второй, а на третий глядь — лежит в колыбели мальчик!

Обрадовались муж с женой, назвали сына Пилипкой и стали за ним ухаживать.

Подрос Пилипка и говорит отцу:

— Сделай мне, тата, золотой челнок, серебряное веслышко — хочу рыбу ловить.

Сделал ему отец золотой челнок, серебряное веслышко и отправил на озеро рыбу ловить.

А сынок — уж если ловить, так ловить — день-деньской ловит и ночь ловит. Даже домой не идет: уж больно хорошо рыба ловится! Мать ему сама и обед носила. Принесет к озеру и кличет:

— Пилипка-сынок, выходи на бережок, съешь пирожок!

Подплывет Пилипка к берегу, выбросит из челна рыбу, а сам съест пирожок и опять на озеро.

Проведала старая ведьма баба Яга — костяная нога, как мать кличет Пилипку, и порешила его со свету сжить.

Взяла она мешок и кочергу, подошла к озеру и начала кликать:

— Пилипка-сынок, выходи на бережок, съешь пирожок!

Пилипка подумал, что это мать, и подплыл. А баба Яга подцепила кочергой челнок, вытащила на берег, схватила Пилипку и — в мешок.

— Ага, — говорит, - больше не будешь ты рыбку ловить!

Закинула мешок за плечи и понесла к себе, в чашу лесную.

Долго она несла, утомилась, села отдохнуть и уснула. А Пилипка тем временем выбрался из мешка, наложил в него тяжелых камней и вернулся опять к озеру.

Проснулась баба Яга, схватила мешок с камнями и, кряхтя, понесла домой.

Принесла и говорит своей дочке:

— Изжарь мне на обед этого рыбака. Вытряхнула баба Яга мешок на пол, а там одни только камни...

Разозлилась баба Яга, как закричит на всю хату:

— Я тебе покажу, как меня обманывать! Побежала она опять на берег озера и давай звать Пилипку:

— Пилипка-сынок, выходи на бережок, съешь пирожок!

Услыхал это Пилипка:

— Нет, - говорит, — ты не моя мать, а ведьма, баба Яга: я тебя знаю! У моей мамы голос потоньше.

Как ни звала баба Яга, а Пилипка ее не послушался.

“Ладно, — подумала баба Яга, — сделаю я себе голос потоньше”.

Побежала она к кузнецу и говорит:

— Кузнец, кузнец, наточи мне язык, чтобы был потоньше.

— Ладно, - говорит кузнец, - наточу. Клади на наковальню.

Положила баба Яга свой длинный язык на наковальню.

Взял кузнец молот и начал клепать язык. Выклепал так, что он совсем тонким сделался.

Побежала баба Яга к озеру и кличет Пилипку тоненьким голоском:

— Пилипка-сынок, выходи на бережок, съешь пирожок!

Услыхал Пилипка и подумал, что это мать его кличет. Подплыл он к берегу, а баба Яга цап его да в мешок!

— Теперь ты меня не обманешь! — радуется баба Яга.

И, не отдыхая, принесла она его прямо домой. Вытряхнула из мешка и говорит дочке:

— Вот он, обманщик! Топи печь, изжарь его. Чтоб был к обеду готов.

Сказала, а сама куда-то ушла. Растопила дочка печь, принесла лопату и говорит Пилипке:

— Ложись на лопату, я тебя в печь посажу. Лег Пилипка и поднял ноги вверх.

— Не так! — кричит ведьмина дочка. - Этак я тебя в печь не всажу.

Пилипка свесил ноги вниз.

— Не так! — опять кричит ведьмина дочка.

— А как же? — спрашивает Пилипка. - Покажи сама.

— Глупый ты! — выругала его ведьмина дочка. - Вот как надо. Смотри.

Легла она сама на лопату, протянулась. А Пилипка за лопату да в печь! И за-слонкой ее прикрыл и покрепче ведьминой ступой прижал, чтоб не выскочила из горячей печи.

Только он выбежал из хаты, видит — идет баба Яга.

Прыгнул Пилипка на высокий густой явор и спрятался в ветках.

Вошла баба Яга в хату, понюхала — жареным пахнет. Достала из печи жаркое, наелась мяса, кости на двор выбросила и начала на них покатываться, приговаривая:

— Повалюсь, покатаюсь, Пилипкиного мясца наевшись, крови напившись.

А Пилипка в ответ ей с явора:

— Поваляйся, покатайся, дочкиного мясца наевшись, дочкиной крови напившись.

Услыхала это ведьма, так и почернела от злости.

Побежала к явору и давай его зубами подгрызать. Грызла-грызла, зубы поло-мала, а крепкий явор стоит, как стоял.

Побежала тогда баба Яга к кузнецу:

— Кузнец, кузнец, выкуй мне стальной топор, а не то я твоих детей съем.

Испугался кузнец, выковал ей топор. Прибежала баба Яга к явору, стала его рубить.

А Пилипка говорит:

— Не в явор, а в камень! А ведьма свое:

— Не в камень, а в явор! А Пилипка свое:

— Не в явор, а в камень!

Тут топор как стукнется о камень — весь выщербился.

Взвыла от злости ведьма, схватила топор и побежала к кузнецу точить.

Видит Пилипка — начал явор покачиваться. Подрубила его ведьма. Надо спа-саться, пока не поздно.

Летит стадо гусей. Пилипка к ним:

— Гуси, гуси, сбросьте мне по перышку! Я с вами к отцу-матери полечу, там вам заплачу. Гуси сбросили ему по перышку. Сделал Пилипка из этих перьев только полкрыла. Летит вторая стая гусей. Пилипка просит:

— Гуси, гуси, сбросьте мне по перышку! Я с вами к отцу-матери полечу, там вам заплачу...

И вторая стая сбросила ему по перышку.

Потом прилетела третья и четвертая. И все гуси сбросили Пилипке по перышку.

Сделал себе Пилипка крылья и полетел вслед за гусями.

Прибежала ведьма от кузнеца, рубит явор, так щепки и летят.

Рубила, рубила, а явор — бух! — упал на ведьму и задушил ее.

А Пилипка прилетел с гусями домой. Обрадовались отец с матерью, что Пилипка вернулся, усадили его за стол, начали потчевать.

А гусям дали овса. Вот и сказка вся.

Покатигорошек

Жили дед с бабой. Было у них два сына и дочка Палаша. Красивые выросли сыновья — высокие да стройные. А дочка, та еще краше.

Сыновья землю пахали, хлеб сеяли, хозяйством занимались, этим вот и жили.

Однажды управились они до срока с работой, все с поля убрали, свезли и обмолотили.

Поглядел отец на неполные закрома, да и говорит:

— А хлеб-то, сыны мои милые, нонешним летом скупо уродился. Не пойти ли вам к чужим людям на заработки? Запас беды не чинит.

Подумали братья — что ж, и правда: не мешало бы иметь лишний грош в хозяйстве. За него весной можно будет хлеба прикупить, коль своего не хватит. Да вот куда на заработки пойти? Кругом всё бедные люди живут.

— Сходите за пуцу, — советует отец. — Может, вас там кто и наймет.

Набрали братья харчей по торбе и говорят:

— Если через неделю не вернемся, то пусть Палаша принесет нам свежего хлеба.

— А как же я узнаю, куда вам его нести? — спрашивает Палаша.

— А мы возьмем с собой куль соломы и будем по дороге бросать по соломинке — вот след этот и приведет тебя к нам.

— Раз так, то мне нетрудно вас будет найти, - согласилась сестра.

Собрались братья и пошли.

Идут да по соломинке вслед за собой бросают.

Прошли они поле, вошли в дремучую пущу. А в пуще той жил страшный Смок с железным языком. Увидел он, что братья след за собой оставляют, взял, да и перебросил соломинки на другую стежку. А вела та стежка напрямиком к костяному дворцу.

Прошла неделя. Не вернулись братья. Радуетя отец:

— Видно, нашли они там подходящую работу. Отнеси им, дочка, свежего хлеба.

Взяла Палаша хлеба, да еще к хлебу кое-чего и двинулась в путь-дорогу. Идет и все к соломинкам присматривается. Вдруг видит перед собой дворец — из костей человеческих построенный, черепами человеческими крытый...

Испугалась девушка: “Куда это я попала?” — думает.

А тут и сам хозяин из дворца выходит — пугало поганое.

— А-а, — ухмыляется он, — попалась ты ко мне в руки! Давно я на тебя заглядывался, забрать в свой дворец собирался. А вот ты и сама явилась ко мне. Ну что ж, теперь отца-мать забывай, ко мне ступай. Будешь жить в моем дворце наймичкой. А не захочешь — заброшу и твой череп к себе на крышу.

Залилась Палаша горькими слезами, да что делать... Не смилостивится поганый Смок.

А тем временем Папашины братья и правда нашли себе у одного богатого человека хорошую работу. Порядились работать на своих харчах. Проработали неделю, а потом видят, что харчи уже вышли. Ждали они, ждали сестру — да так и не дождались.

Приходят братья домой и спрашивают:

— А чего ж ты нам, батька, еды не прислал?

— Как не прислал? — удивляется отец. - Ведь Палаша понесла вам и хлеба и к хлебу...

— Нет, — говорят братья, — мы ее и видеть не видели.

Испугались отец с матерью, горюют: “А не пропала ли где дочка?”

— Я пойду ее искать, — говорит старший брат.

— Иди, сынок, — согласились отец с матерью. Собрался он и пошел. Идет пущей-лесом, видит — соломинки совсем в другую сторону повели. Пошел он по той стежке, куда соломинки вели, и пришел к костяному дворцу.

Увидала его Палаша из окна, выбежала навстречу.

— Ах, братец, родной мой! — плачет сестра. - Несчастливая я теперь, невольница горемычная...

И рассказала она брату, как в неволю к поганому Смоку попала.

— Не плачь, сестрица, — утешает ее брат, — я тебя вызволю.

— Нет, братец, не знаешь ты, с кем дело имеешь. Ступай-ка лучше скорее назад, а то Смок убьет тебя. Он за сто верст людской дух чует.

— Смерти я не боюсь, — отвечает брат. — А вот давай-ка лучше подумаем, как твоего хозяина обмануть, как тебя отсюда к отцу-матери вернуть.

Говорит сестра:

— Подожди ты тут, а я пойду спрошу у хозяина, пустит ли он тебя к себе во дворец. А там мы что-нибудь да придумаем.

Пошла она к Смоку.

— Что бы ты, — говорит, — хозяин, сделал, если бы сюда мой брат пришел проведать меня?

— Как гостя бы принял, — ухмыльнулся Смок. Поверила ему Палаша и привела брата во дворец.

Усадил Смок гостя за стол и говорит Палаше:

— Принеси нам железных бобов. Принесла Палаша котел железных бобов.

— &mdaвай, гостюшка, пополуднуем, — говорит Смок. И стал загребать из котла пригоршнями.

Взял и гость один бобок, подержал во рту да и выплюнул.

Смок скривился.

— Ты, видать, гость, не больно голодный?..

— Благодарствую, — говорит гость, — есть мне и правда не хочется...

— Ну, так пойдем посмотрим мои богатства. Обошли они все покои, все подвалы -г- добра у Смока и не счесть: и золото, и серебро, и меха драгоценные.

Повел Смोक гостя на конюшню. А стояло там двенадцать жеребцов, и каждый жеребец на двенадцати цепях к железным столбам прикован.

— Ну что, гость, кто из нас побогаче: ты или я? — хвалится хозяин.

— Да где уже мне с тобой равняться, — говорит гость. — У меня и сотой доли того нету.

— А теперь я тебе покажу еще одну штуку. Привел его Смोक к колоде — в четыре сажени толщиной, в двенадцать длиной.

— Видишь эту колоду?

— Вижу, — отвечает гость.

— Так вот: если ты без топора перерубишь ее, без огня сожжешь, тогда вернешься домой живым. А не то смерть тебе!

Гость говорит:

— Хоть убей меня на месте, а сделать этого я не могу.

— Не можешь! — закричал Смोक. — Чего ж ты ко мне в гости явился? Ты ведь со мной, с самим царем лесным, подружить задумал!

Убил Смोक гостя, глаза выколол, а самого в конюшне на перекладине повесил.

Прошел день, другой, не вернулся домой старший брат.

Говорит тогда младший брат отцу-матери:

— Пойду я сестру искать.

Жаль отцу-матери отпускать его в неведомую дорогу, последний ведь он у них остался. Начали они его отговаривать.

— Нет, — говорит младший брат, — пойду, собрался и пошел.

Ну, понятно, и с ним случилось то же, что и со старшим.

Проведала о том Палаша, громко заголосила;

— Ах, хозяин! Зачем сжил моих родных братьев со свету? Одни теперь старики, отец с матерью, у меня остались. Раз так, то убей и меня и повесь в своей конюшне заодно с братьями...

— Нет, — ухмыляется Смок, — тебя убивать я не буду. А вот ежели отца и мать поймаю, так сразу убью, чтоб ты больше о них и не думала.

Трудно стало жить отцу-матери без детей. Сидят они, горюют: кто на старости лет присмотрит за ними, кто похоронит...

Пошла однажды баба за водой. Глядь — катится по дороге горошинка. Подняла она ту горошинку и съела.

А вскорости родился у них мальчик. Да такой пригожий — полный, кудрявый, с русыми волосами. И дали ему отец с матерью имя Покатигорошек.

Растет мальчик не по дням, а по часам. Радуются отец с матерью, любят — будет им в старости помощь. Одна только беда: притронется к кому-нибудь из детей, играючи, Покатигорошек, а дитя так и валится, как сноп. Каждый день приходят к старику со старухой соседи жаловаться, что Покатигорошек, мол, детей их обижает.

Так вот и рос он.

Однажды стал Покатигорошек спрашивать у матери:

— Почему я у вас один? Почему нет у меня ни сестер, ни братьев?

Мать утерла углом платка глаза и говорит:

— Были у тебя, сынок, и братья и сестрица...

— А где же они? Коль поумирали, то я ничего поделывать не в силах, а коль в неволю попали, то пойду их вызволять.

Рассказала мать, что знала про своих детей.

На другой день вышел Покатигорошек на улицу погулять. Нашел там старый какой-то гвоздик, принес домой и говорит:

— Отнеси, тата, гвоздик этот к кузнецу да скажи ему, чтобы выковал из него булаву на двенадцать пудов.

Отец ничего ему не сказал, а про себя подумал:

“Вот дитячко-то какое у меня народилось, не такое, как у людей. Еще мал, а уже над отцом смеется. Где ж это видано, чтоб из гвоздика двенадцатипудовую булаву выковать?”

Закинул отец гвоздик на полку, а сам поехал к кузнецу и заказал ему двенадцатипудовую булаву.

Вечером привозит булаву домой. Взял Покатигорошек булаву, вышел на огород, размахнулся и кинул ее в небо. А сам вернулся в хату и лег спать.

Наутро поднялся Покатигорошек, припал правым ухом к земле, слышит: гудит земля!

— Тата! — кличет сын. — Ступай-ка послушай, булава-то назад с неба летит.

Подставил он колено, булава ударилась о колено и переломилась надвое. Посмотрел на нее Покатигорошек и говорит:

— Ты мне, тата, сделал булаву не из того железа, что я тебе дал. Скажи кузнецу, чтобы сделал из того гвоздика!

Почесал отец затылок и поехал опять к кузнецу, на этот раз уже с гвоздиком.

Удивляется кузнец — как это можно из гвоздика да двенадцатипудовую булаву выковать! Но все же принялся за работу. Бросил гвоздик в огонь, а тот и давай расти, как на дрожжах. Растет и растет.

Выковал кузнец из гвоздика двенадцатипудовую булаву, да еще вон сколько железа осталось...

Привез отец булаву домой. Сын поглядел на нее и спрашивает:

— Из чего кузнец ковал булаву? Может, опять не из гвоздика?

— Нет, теперь, — говорит отец, — сделано все, как ты и просил.

Вскинул Покатигорошек булаву на плечо, простился с отцом-матерью и пошел по белу свету искать сестру и братьев.

Долго ли коротко шел он, пришел-таки к Смокову дворцу. На дворе встретила его сестра Палаша.

— Кто ты такой? — спрашивает. — И зачем явился сюда? Ведь тут страшный-престрашный Смок живет...

Рассказал ей Покатигорошек, кто он и куда идет.

— Нет, — говорит Палаша, — неправда это: было у меня двое братьев, да поганый Смок поубивал их, на перекладине в конюшне повесил. А ты не мой брат. И не поверила она.

— Так дозвожь хоть переночевать у вас! — попросил Покатигорошек. Пошла Палаша к Смоку.

— Ты чего так запечалилась? — спрашивает ее Смок.

— Да вот пришел хлопец какой-то и говорит, что он мой брат. Просится переночевать с дороги.

Взял Смок свою волшебную книгу, развернул ее, поглядел и говорит:

— Да, у тебя еще будет один брат... Но не этот... Этот обманывает. Позовика его сюда, я с ним сам поговорю.

Вошел Покатигорошек к Смоку и сказал:

— Добрый день, хозяин!

— Добрый день, гость!

Поставил Смок на стол угощение — железные бобы.

— Садись, — показал он Покатигорошку на железное кресло.

И только Покатигорошек сел, так кресло и рухнуло.

— Э-э, хозяин, — удивляется Покатигорошек. — И непрочные же у тебя кресла! Разве нет хороших мастеров, чтобы сделали покрепче?

Испугался Смок. Принес другое кресло, покрепче.

Сел Покатигорошек за стол. Смок подсунул ему котел.

— Угощайся.

— Да я и правда за долгую дорогу проголодался, — говорит Покатигорошек.

И начали они есть. Смок высыплет горсть в свой ртище, а Покатигорошек — две. Ест, аж за ушами трещит.

Опорожнили весь котел.

— Ну что, наелся? — спрашивает Смок.

— Не очень. Только червячка заморил. Видит Смок: в еде не справиться ему с этим хлопцем!

— Так пойдем посмотрим на мои богатства, — говорит Смок.

Показал Смок Покатигорошку все свои богатства.

— У кого больше добра, — ухмыляется Смок, - У тебя или у меня?

— Я не богат, — говорит Покатигорошек, — но и тебе-то хвастаться нечем.

Разозлился Смок.

— Ты смеешься надо мной! Пойдем, я покажу тебе одну штуку.

Привел он Покатигорошка к той же колоде, к какой и братьев его водил.

— Если без топора перерубишь ее, без огня сожжешь, то отпущу тебя домой.

А нет — будешь там, где и братья твои...

— Ну, это мы еще посмотрим! — смеется Покатигорошек. - Не пугай сокола вороной!

Притронулся он пальцем-мизинцем к колоде, а та враз и рассыпалась на мелкие щепки. А потом какдохнул, так от щепок ничего и не осталось.

Видит Смок — не простой гость попался.

— Пойдем теперь поборемся, — говорит Смок. — Посмотрим, кто из нас сильнее.

— Зачем сразу бороться. Давай сперва на руках попробуем: я твою руку сожму, а ты мою.

— Да где уж тебе, молокососу, со мной на руках тягаться! — стал горячиться Смок.

— Ничего, давай!

Разозлился Смок не на шутку:

— Ну, давай!

Схватились. Покатигорошкова рука только посинела, а Смокова аж почернела.

— Нет, — говорит Смок, — так бороться я не согласен. Давай лучше по-другому.

Дохнул он — сделался медный ток. Дохнул Покатигорошек — сделался серебряный.

Начали биться. Дохнул Смок — вогнал Покатигорошка в серебряный ток по щиколотки. Стукнул Покатигорошек Смока булавой — ушел Смок в медный ток

по колени. Второй раздохнул Смок — вогнал Покатигорошка в серебряный ток по колени.

А Покатигорошек как стукнул Смока булавой — ушел Смок в медный ток по самую грудь. Смок запросился:

— Погоди, гость: давай передохнем.

— Да не больно мы и устали, — усмехается Покатигорошек. - Я с дальней дороги и то чувствую себя ничего. А ты целыми днями вылеживаешься себе как пан.

Подумал Смок, покрутил головой и говорит:

— Видно, хлопче, убьешь ты меня.

— Для того и пришел я!

— Оставь мне хоть полжизни, — завопил Смок. — Забирай все мои богатства, только до смерти не убивай.

— Нет, нечистая сила, хватит! Ты обозвал меня молокососом, обесславил, а теперь еще милости просишь. Нету тебе пощады!

Вырвался Покатигорошек из серебряного тока и давай бить булавой Смока. Бил, бил и вогнал его в медный ток по самые уши.

Тут Смоку и конец пришел.

Отдохнул немного Покатигорошек и пошел в Смокову конюшню. Вывел одного жеребца в поле, снял с него шкуру мешком и залез сам в тот мешок. Сидит там и ждет. Прилетает ворон с вороненком. Стали шкуру клевать. А Покатигорошек хватать вороненка за ногу.

Увидел это старый ворон, заговорил голосом человеческим :

— Кто тут?

— Я, Покатигорошек.

— Отдай мое дитя.

— Добудь целящей и живящей воды — отдам.

— Хорошо, — согласился ворон. — Добуду.

Взял он две фляжки и полетел за тридевять земель, в тридесятое царство. А в том царстве бил из-под одной горы родник с водою целящей, а из-под другой — с водою живящей. Набрал ворон воды и той и другой и назад воротился.

— На, — говорит Покатигорошку, — тебе воду, только верни мне дитя.

Тут вмиг Покатигорошек разорвал вороненка надвое.

— Ай-яй! — заголосил старый ворон. — Что ты наделал?

— Ничего, — говорит Покатигорошек. — Это я, чтоб попробовать.

Окропил он вороненка целящей водой — сделался он целым, покропил живящей — ожил вороненок.

— Ну вот видишь, — радуется Покатигорошек, — теперь я знаю, какая это вода.

Поблагодарил он старого ворона, а сам пошел на конюшню, к мертвым братьям. Окропил их живящей водой — ожили братья, покропил целящей — прозрели глаза.

— Ой, — говорят братья, — и как же мы долго спали!..

— Спать бы вам тут веки вечные, если б не я, - отвечает Покатигорошек.

Братья протерли глаза, вглядываются.

— Кто ты такой? — спрашивают Покатигорошка.

— Ваш брат.

— Нет, — заспорил младший брат, — братьев у нас больше не было. Ты обманываешь. А старший брат говорит:

— Ну что ж: кто бы ты ни был, а коли нас из беды вызволил, ты нам и брат.

Обняли братья Покатигорошка, поблагодарили его. Потом сожгли Смоков косяной дворец, забрали сестру, и все вместе домой вернулись.

И пошел там пир на весь мир. И я у них был. Мед, вино пил. По бороде текло, а в рот не попало.

Полещуки и Полевики

Было у отца двенадцать сыновей, все хлопцы рослые да удалые.

Жили они на большой поляне, среди дремучего леса. Занимались хозяйством, охотились на диких зверей и птиц.

Старик-отец, как голубь седой, сидел и летом в колушке и только распоряжался. И были в семье лад да любовь.

Оженились сыновья, пошли у них свои дети. Большая выросла семья. Все слушались старика-отца, и каждый делал свою работу.

Но вот спустя некоторое время умер отец. И пошли в семье нелады. Ссорятся жены братьев, одна другую поедом едят, нету согласия. И такая пошла между ними свара, что и мужа ничего поделать не могут. Кричат жены, хотят делиться.

“Ну что ж, — думают братья, — надо делиться”. Начали делиться. Да дело оно не такое и легкое, как им казалось. Кое-как с криком да зыком поделили добро и скот. А как дело дошло до земли, то чуть друг друга не поубивали: никак не могут поделить свою полянку, чтоб никому не было обидно. Перессорились братья из-за земли и стали один другому врагами.

Только два младшие брата жили между собой в большом согласии: куда один, туда и другой. Не захотели они биться с братьями за землю, покинули отцову хату и пошли по свету искать другого пристанища.

Сделали братья из двух дубов большие сани, запрягли в них шесть пар волов, положили добро, посадили жен с детьми и двинулись в путь на санях по песку. А коровы и мелкий скот пошли за ними.

Протащили волы по песку дубовые сани немного, да и стали как вкопанные. А колес-то у братьев не было, и ничего о них не знали они. Ведь никуда из своего леса не только летом, но и зимою не ездили.

Начали братья отпиливать круглые колодки и подкладывать их под полозья. Катятся колодки, и сани вперед ползут. Надоело младшему брату подкладывать под полозья колодки, вот и говорит он старшему:

— &mdaвай сделаем так, чтоб колодки сами под полозьями крутились.

И сделали они первые в тех краях колеса. Легче пошли теперь волы, так что братья и сами сели на воз. Едут и дивуются, как это они до сих пор без колес обходились.

Ехали они, ехали, доехали до большой реки. Осмотрели реку — всюду она глубокая, нигде нету удобного места, чтоб переехать вброд. А тут такая буря

поднялась, что лес, словно зверь, ревет. Ломают буря деревья, как соломинки, и бросает в реку. Плынут они по реке целыми грудами.

Посмотрел на них младший брат, подумал и догадался, как перебраться через реку.

Наловили они с братом деревьев, очистили их от веток, связали бревна одно с другим и сделали крепкий плот. А когда буря утихла, втащили свой воз на плот. Сами стоят на плоту, управляют длинными жердями — баграми, и плывет себе плот, как корабль.

Увидели коровы, что волы поплыли на другой берег, кинулись в реку за ними вдогонку. Только свиньи да овцы побоялись прыгнуть в воду. Стоят на берегу, хрюкают, блеют. Вернулись братья с плотом назад и забрали их.

Так переправились все через широкую и глубокую реку.

Поехали они дальше и забрались в такую пущу, что и конца ей нету.

Начали братья прорубать в пуще просеки да гребли мостить. Да куда там! Чем дальше, тем лес все гуще и гуще, а в нем такие провалья, что и выбраться нельзя.

Старший брат заморился, ослаб.

— Останусь, — говорит он младшему брату, — я здесь, ведь силы не хватит из этого лесу выбраться.

И остался жить со своею семьей в лесу. С той поры и его самого и весь его род стали называть поле-щуками.

А младший брат не захотел в лесу оставаться. Был он силен, как тур, и надеялся на свою силу. Он один прокладывал просеки, гатил гребли и ехал дальше.

И до наших времен остались еще на Полесье те просеки да гати, что понаделал младший брат.

Долго ли он так выбирался из дремучего леса, или недолго, но вот наконец стали попадаться прогалины да песчаные поляны. Поселился младший брат на этих полянах, стал их распахивать да сеять хлеб.

И с той поры прозвали его и весь его род полевиками.

А потом расселились полещуки и полевики, заняли и другие леса, и поля, стали добрыми соседями.

Так живут они и теперь.

Потерянное слово

Женился парень. Взял девушку в жёны не из своей деревни, а из дальнего села.

Пожили они, мало ли, много ли, жена и говорит мужу:

— Съездил бы ты, Иванка, мою матушку навестить.

Запряг Иванка лошадь и поехал.

Хорошо его тёща встретила. Картошку на стол поставила, грибочков солёных, пирогов с рыбой. А потом налила в миску такое, чего он никогда не ел. И кислое оно, и сладкое, не густое, не жидкое, не холодное, не горячее. Вкусное! Ел бы да ел! Две миски Иванка съел. И спрашивает тёщу:

— Это что же вы такое наварили?

— Кисель это овсяный! Неужели не знаешь?

— Не знаю! А Параска моя умеет его варить?

— Отчего ж не уметь? Умеет!

Погостил ещё немного Иванка у тёщи и домой отправился.

Едет и твердит: “Кисель, кисель, кисель...”

А навстречу прохожий. Поздоровались они. Только Иванка сказал “добрый день”, вылетело у него из головы слово. Никак не может вспомнить!

Почесал Иванка затылок и повернул обратно к тёще. Хорошо ещё, что недалеко отъехал.

Приехал и спрашивает:

— Как та еда называется, которой вы меня угощали?

— Кисель, овсяный кисель! Иванка снял шапку и проговорил в неё три раза: “Кисель! Кисель! Кисель!” Потом надел шапку и сказал:

— Теперь-то уж не забуду!

Полпути проехал, с барином встретился. Свернул коня прямо в лужу, чтобы барину дорогу уступить, шапку по обычаю снял. Да как закричит:

— Ой, потерял! Ой, потерял!

— Что ты потерял? — спрашивает барин.

А Иванка чуть не плачет:

— Такую штуку потерял, что ни за какие деньги не купишь!

— Давай вместе искать, — говорит барин, — я тебе помогу!

Засучили они рукава, стали в луже потерю искать. Барин осторожно ищет, чтобы руки в грязи не испачкать. А Иванка опустил руки в лужу по локоть, по дну шарит.

— Что же ты делаешь? — говорит барин. — Разве так найдёшь? Всю грязь перемешал. Не лужа, а кисель!

Иванка как закричит:

— Спасибо тебе, барин! Отыскал ты мою потерю!

Вскочил на телегу и хлестнул коня.

Барин так и остался на дороге с растопыренными руками. Потом покрутил головой и поехал куда ехал.

А Иванка уже к дому подъезжает. Выбежала жена ворота раскрыть, а он ей с телеги кричит:

— Параска! Ты кисель умеешь варить?

— Умею!

— Так беги скорее вари! А то я опять забуду, как он называется.

Наварила Параска киселя, созвали гостей, всех угостили. С тех пор в той деревне научились кисель варить.

Почему барсук и лиса в норах живут

Когда-то, рассказывают, не было у зверей и скота хвостов. Только один царь звериный — лев — имел хвост.

Плохо жилось зверям без хвостов. Зимой еще кое-как, а подойдет лето — нету спасения от мух да мошкары. Чем их отгонишь? Не одного, бывало, за лето до смерти заедали оводы да слепни. Хоть караул кричи, коль нападут.

Доведался про такую беду звериный царь и дал указ, чтоб все звери шли к нему хвосты получать.

Кинулись царские гонцы во все концы зверей созывать. Летят, в трубы трубят, в барабаны бьют, никому спать не дают. Увидали волка — передали ему царский

указ. Увидали быка, барсука — тоже позвали. Лисице, кунице, зайцу, лосю, дикому кабану — всем сказали, что надо.

Остался один лишь медведь. Долго искали его гонцы, нашли наконец сонного в берлоге. Разбудили, растолкали и велели, чтоб за хвостом поспешал.

Да когда ж оно было, чтоб медведь да торопился. Бредет себе потихоньку, по-маленьку — топ, топ, все кругом разглядывает, нюхом мед выискивает. Видит — пчелиное дупло на липе. “Дорога-то к царю долгая, — думает, — надобно подкрепиться”.

Взобрался медведь на дерево, а там, в дупле, меду полным-полно. Забормотал он на радостях, да и стал дупло выдирать, мед загребать, за обе щеки уплетать. Наелся, глянул на себя, а шуба-то вся в меду да в трухе!.. “Как же, — думает, — в таком виде пред царские очи являться?”

Пошел медведь на речку, вымыл шубу, да и прилег на пригорке сушиться. А солнышко так припекло, что не успел Мишка и оглянуться, как уже сладко захрапел.

Тем временем стали звери к царю собираться. Первой прибежала лиса. Огляделась по сторонам, а перед царским дворцом целая куча хвостов: и длинные, и короткие, и голые, и пушистые...

Поклонилась лиса царю и говорит:

— Ясновельможный господин царь! Я первая откликнулась на твой царский указ. Дозволь же мне за это выбрать себе хвост какой захочется...

Ну, царю-то все равно, какой хвост дать лисе.

— Ладно, — говорит, — выбирай себе хвост по вкусу.

Разворошила хитрая лиса всю кучу хвостов, выбрала самый красивый — длинный, пушистый — и помчалась назад, пока царь не передумал.

За лисой прискакала белка, выбрала себе хвост тоже красивый, да только поменьше, чем у лисы. За нею — куница. И она с хорошим хвостом назад побежала.

Лось, тот выбрал себе хвост самый длинный, с густою метелкой на конце, чтоб было чем от оводов да слепней отмахиваться. А барсук схватил хвост широкий да толстый.

Лошадь взяла себе хвост из сплошного волоса. Прицепила, махнула по правому боку, по левому — хорошо бьет. “Теперь мухам смерть!” — заржала она на радостях и поскакала на свой луг.

Последним прибежал зайчик.

— Где же ты был? — говорит царь. — Видишь, у меня один только маленький хвостик остался.

— А мне и этого хватит! — обрадовался зайчик. — Оно и лучше, чтоб налегке от волка и собаки убежать.

Прицепил себе зайчишка коротенький хвостик куда полагается, скакнул раз, другой и побежал веселый домой. А звериный царь, все хвосты раздав, пошел спать.

Только под вечер проснулся медведь. Вспомнил, что надо ведь к царю за хвостом торопиться. Глянул, а солнце-то уже за лес катится. Кинулся он со всех ног галопом. Бежал, бежал, аж вспотел бедняга. Прибегает к царскому дворцу, а там — ни хвостов, ни зверей... “Что ж теперь делать? — думает медведь. — Все будут с хвостами, один я без хвоста...”

Повернул Мишка назад и злой-презлой потопал в свой лес. Идет он, вдруг видит — на пне барсук вертится, ладным своим хвостом любитесь.

— Послушай, барсук, -говорит медведь, -зачем тебе хвост? Отдай его мне!

— И что ты, дядька медведь, выдумал! — удивляется барсук. — Разве можно такого красивого хвоста лишиться?

— А не дашь по доброй воле, силой отберу, — буркнул медведь и положил свою тяжелую лапу на барсука.

— Не дам!.. — закричал барсук и рванулся изо всех сил бежать.

Смотрит медведь, а у него в когтях кусок барсучьей шкуры остался да кончик хвоста. Бросил он шкуру прочь, а кончик хвоста себе прицепил и двинулся в дупле мед доедать.

А барсук от страха места себе не найдет. Куда ни спрячется, все ему мерещится, что вот-вот придет медведь, остаток хвоста отберет. Вырыл он тогда в

земле большую нору, там и поселился. Рана на спине зажила, а осталась, зато темная полоска. Так до сих пор она и не посветлела.

Бежит раз лиса, глядь — нора, а в ней кто-то храпит, словно подвыпил. Забралась она в нору, видит, там барсук спит.

— Что это тебе, соседушко, наверху тесно, что ты под землю забрался? — удивляется лиса.

— Да-а, лисичка, — вздохнул барсук, — правда твоя — тесно. Если б не еду искать, то и ночью бы не выходил отсюда.

И рассказал барсук лисе, отчего ему на земле тесно. “Э-э, — подумала лиса, — коль медведь на барсучий хвост позарился, то мой ведь во сто раз краше...”

И побежала она искать от медведя убежища. Пробегала целую ночь, нигде спрятаться не может. Наконец под утро вырыла себе нору, такую же, как у барсука, залезла в нее, прикрылась своим пушистым хвостом и спокойно уснула.

С той поры барсук и лиса живут в норах, а медведь так без хорошего хвоста и остался.

Почему волки колокольчика боятся

Служила у станowego лиса и службу свою старательно исполняла. Правда, неизвестно, кем и как она служила, — может, кур ему к обеду поставляла либо еще что.

Однажды становой говорит лисе:

— Проси у меня чего хочешь за свою службу. Что ни попросишь — все тебе дам!

Думала, думала лиса, чего бы попросить, и надумала.

— Дайте мне, - говорит, - свой колокольчик, чтобы, когда я где пройду, все меня боялись, как самого господина станowego.

Становой согласился. Дал ей свой колокольчик, да и говорит:

— Гляди же не потеряй его! А потеряешь или отдашь кому, я с тебя шкуру спущу!

Побожилась лиса, что никому не отдаст и не потеряет, и пошла себе гулять по белу свету. Кто только ни слышит колокольчик-все пугаются и дают лисе все, что она ни скажет.

Проведал волк про то, что лиса добыла себе у станowego колокольчик и что всякий ее боится и дает ей все, чего она только ни пожелает.

Вот приходит он к лисе и просит хоть на часок этот колокольчик. Не хотела лиса давать, да уж очень волк стал ее просить.

— Ну уж ладно, кум, — согласилась лиса, — на, бери, если потеряешь, поплачешь тогда. Становой-то за этот колокольчик с нас обоих шкуру сдерет!

Взял волк колокольчик, да и побежал скорее раздобыть себе чего-нибудь. Прибежал он в поле к пастухам.

— Меня, — говорит, — становой прислал, чтобы вы ему дали лучшего барана, а не дадите, так он сам сейчас приедет и вас в холодную посадит!

Не поверили ему пастухи и давай его бить. Натравили на него собак, били, били и колокольчик отняли. Пропал колокольчик.

Заплакал волк, пошел к лисе и рассказывает ей, так, дескать, и так.

Заплакала и лисица, да что уж тут поделаешь? Поминай как звали колокольчик станowego.

С того времени, как только волк слышит колокольчик, думает, что это становой едет его искать. И, чуть живой от страха, бежит куда глаза глядят.

Про попа Кирилу и его работника Гаврилу

Попу Кириле никак не везло на работников. Сколько ни нанимал он их, ни один не жил больше месяца. Кто в том виноват? Поп жалуется, что работники-де виноваты. А работники — что поп: работать заставляет, а кормить не желает.

Так ли оно, или не так, но вот поехал однажды поп Кирила опять нового работника искать. Отъехал немного от дому, глядь — идет хлопец навстречу. С палкой в руке, с торбой за плечами.

Придержал поп лошадь.

— Куда идешь, паренек?

— Да куда глаза глядят.

— Чего так?

— Да может кто на работу наймет. Пригляделся поп к прохожему. “Чем не работник? — думает. — Росток, правда, не вышел, да зато дюж и плечист”.

— Так нанимайся ко мне, — говорит поп.

— Чего ж не наняться, наймусь.

— А какую плату хочешь?

— Да никакой, — отвечает хлопец. — Коль отслужу у тебя год, дам разок по спине кулаком тебе и разок матушке. А коли нет — вы дадите мне по разу кулаком по спине да со двора прогоните. Вот и вся плата.

Ну, попу такой работник больно понравился. “Что ж, — подумал он про себя, — дадим мы ему с матушкой пару кулаков и спустя месяц-другой прогоним. А пока лучшего работника нету, — пусть этот побудет”.

— Ладно, — говорит поп. — Я согласен. А как тебя звать?

— Гаврила.

— Ну так садись, Гаврила, на воз.

Сел хлопец на воз, и поехал поп назад довольный. Проехали с полдороги — лошадь заморилась. Аж мокрая вся, в мыле. Бока так ходуном и ходят, отдышаться не может.

— Что это с лошастью? — удивляется поп. — Едем налегке, а она больше замылилась, чем с поклажей.

— Видно, батюшка, ты ей овса жалеешь, — посмеивается хлопец.

Поп подумал: может, и правду Гаврила говорит. А того и не знал он, что новый его работник такой тяжелый.

Добрались кое-как домой. Поп дает работнику' топор в руки:

— Ступай, — говорит, — Гаврила, дрова рубить.

— Да на что мне топор, — отказывается работник, — я и без него обойдусь.

Поп думает: “И глупый какой-то парень попался на этот раз! Как это можно дрова без топора рубить?”

А Гаврила подошел к поленнице, взял самое большое полено, размахнулся и как оземь! Полено так на мелкие куски и разлетелось. Стукнул другим — и то расколосось в щепки.

Смотрит поп из окна, радуется: подходящего работничка нанял! Наутро посылает поп Гаврилу в поле. Запряг Гаврила лошадь в соху и начал пахать. Лошадь так бегом и бежит, и вовсе не устает, ведь пахарь-то сам соху подталкивает.

Принес поп обед в полдень.

— Хватит тебе пахать, — говорит работнику, — обедать ступай!

Выпряг Гаврила лошадь и хлоп ее ладонью по крупу. Тут лошадь и рухнула со всех четырех копыт наземь.

Поп глаза вытаращил:

— Чего это лошадь упала?

— Да это она поваляться захотела, — отвечает работник.

Пообедал Гаврила и говорит попу:

— Пускай лошадь передохнет маленько, мы сами пахать будем.

Взялся поп за соху, Гаврила за дышло, и пошли пахать. Поп поднял полы, еле за работником поспекает: такую он ему запарку задал!

Пахали, пахали, пока и солнце зашло.

Приехали домой и спать улеглись. Вот поп и хвалится попадье:

— Ну и работник же у нас! Такого поискать — не найдешь. Ест что попало, а сила как у вола. Нынче как стукнул лошадь кулаком по крупу, так мой буланый и копыта задрал.

Выслушала матушка и говорит:

— Глупый ты, Кирила. И нашел чему радоваться! Если работник кулаком лошадь свалил, так что же с нами-то будет...

— И правда, — схватился поп за спину. — А я-то про уговор и забыл. Что же нам делать, матушка?

— Вот что мы сделаем, — советует попадья. — В наш овес медведи ходить повадились. Так ты разбуди его да скажи: “Ступай, Гаврила, коров из овса выгони. А если какую поймает, то домой гони”. Ну, медведь его там и задерет...

Поп так и сделал. Разбудил работника и послал его в поле коров из овса выгонять.

Взял Гаврила кнут и веревку и пошел. Видит — в овсе медведи пасутся. Тут как закричит он на все поле:

— Э-гей, гей!..

Испугались медведи и — кто куда. Один с перепугу прет напрямиком на Гаврилу. А Гаврила хватя его за уши, связал веревкой, перетянул раз-другой кнутом и потащил на попов двор. Медведь упирается, лапами землю роет, целый ров прорыл.

Притащил его кое-как Гаврила на двор.

— Батюшка, а где корову поставить? — кричит. Поп спросонья не разобрал и отвечает:

— Да в коровник загони! Сказал и опять на весь дом захрапел. А Гаврила потащил медведя в коровник. Тут медведь пуще прежнего разошелся. Весь двор изрыл, все столбы повалил. Еле загнал его Гаврила в коровник.

Пошла утром матушка коров доить, глядь — одни только объедки от них валяются, а в углу медведь храпит. Попадья с перепугу еле жива домой прибежала.

— Пошли ты своего работника ночью на мельницу! — кричит попу. — Пусть его там черти задушат...

Позвал поп под вечер работника и говорит:

— Завтра надо опару ставить, а муки у нас в доме ни жмени. Поезжай-ка, Гаврила, на мельницу.

Делать нечего. Правду говорят: нанялся, что продался. Запряг Гаврила лошадь, положил на воз мешки с зерном и поехал на мельницу.

А на мельнице той черти водились, и никто из людей ночью там не молол.

Вот приехал Гаврила в самую полночь, подошел к двери:

— Отворяй, мельник!

Черти молчат, думают, кого бы это послать дверь открыть.

Тут Гаврила трах ногой в дверь, враз ее высадил, увидели это черти и врассыпную — кто в кусты, кто в болото...

— Эй, мельники! Куда это вы? — кричит Гаврила.

Схватил одного за загривок:

— Стой! Мели!

Черт и так и этак — никак вырваться не может. Крепко держит его Гаврила.

Начал он молотить вместо мельника.

Навалил Гаврила полон воз мешков, а всё мука из лотка сыплется.

— Ну, хватит, — говорит Гаврила мельнику, — а то лошадь не довезет.

Взвалил он мешки с мукой на телегу, и правда, не сдвинет лошадь такого воза.

Что тут делать? Схватил Гаврила черта за рога, поставил его в припряжку и — айда! Дома пустил черта в хлев, а сам спать улегся.

Наутро видит поп — в хлеву черт скачет. Испугался поп, замахал крестом и бегом к попадье.

— Что делать, матушка? Нашего-то Гаврилу и черти не забрали...

Матушка развела руками.

— Что ж, — говорит, — одно остается сделать. Напиши ему бумагу да пошли к царю, чтоб пенсию тебе за три года выхлопотал... А пока он будет в дороге, мы уложим свое добро да выедем в другое место. Вернется Гаврила назад, а нас и нету...

Поп так и сделал. Кликнул Гаврилу и говорит:

— На тебе вот эту бумагу. Бери лошадь и повозку да поезжай к царю, выхлопчи мне пенсию за три года.

Взял Гаврила старую телегу, на которой сено возили, запряг медведя, черта в пристяжку и покатил к царю. Едет, только гром гремит, только пыль курит.

Приезжает он в столицу и катит прямо на царский двор. Часовые испугались, доложили царю:

“Так, мол, и так, ваше величество, какой-то незнакомый хлопец из неведомого царства на медведе и черте к тебе приехал”.

Царь испугался, за трон забился.

— А спросите, — говорит, — что он от меня хочет?

Вернулись часовые, спросили. Гаврила достал из-за пазухи бумагу и подает часовым. Те опять к царю — с бумагою.

А никакой пенсии царь попам не платил. Пенсию попы от архиерея получали. Но чтоб не иметь дела с чертом, отсчитал царь тыщу рублей и говорит часовым: — Отдайте их попову посланцу, да только пусть поскорее назад едет.

Получил Гаврила тыщу рублей, повернул телегу и назад. Приезжает домой. Видит — на дворе два воза стоят, а на них все поповы пожитки. “Эге! — думает Гаврила. — Видно, хозяева куда-то перебираются. Кому ж я тогда служить буду?”

Спрятал он в хлеву медведя и черта, а сам распорол на одном возу мешок, высыпал сухари, залез в него и лежит.

Тем временем вернулись из комнат хозяева. Поп сел на один воз, попадья на другой — и поехали.

А надо сказать, что была попадья пудов на десять весом. Как уселась она на мешке, где лежал Гаврила, так работник и закричал. Прислушалась попадья — что-то под нею трещит...

— Батюшка!.. — кричит она попу. — На моем возу ось трещит. Боюсь, как бы не сломалась.

Подошел поп к возу, посмотрел — ось цела и колеса целы.

— Это ты, матушка, на сухари села, вот они и трещат.

— Да нет, Кирила, сухари твердые, а я на мягком мешке сижу!

— Сухари, тебе говорю, сухари! — заспорил поп. — Я же их сам на этот воз клал.

Поднялась матушка, глядь в мешок, а там — их работник Гаврила!.. У попа с попадьею так глаза на лоб и полезли.

— Так это ты здесь, Гаврила? — говорит поп.

— А где же мне быть? — смеется Гаврила. — Где хозяин, там и работник должен быть.

Что тут делать попу? Сел он с матушкой на передний воз и — поехали.

А работник едет следом за ними на другом возу.

Поп едет да все спину почесывает:

— Что нам делать, матушка? Как от Гаврилы избавиться?

— Ничего, — говорит попадья, — избавимся! Ты только меня слушайся.

Наступил вечер. А тут как раз хорошие места пошли — озеро с крутым берегом да кусты.

— Давай, — говорит матушка попу, — тут заночуем. Мы ляжем с тобой рядом, а Гаврилу положим в стороне, к воде поближе. И только он уснет, возьмем, да и бросим его в озеро.

— Хорошо, — обрадовался поп, — так мы и сделаем!

А работник все это слышал: поп был глуховат, и матушка ему на ухо громко говорила.

Остановились путники на берегу озера. Поужинали и легли спать. Поп с попадьею за дорогу устали и сразу уснули как убитые. А работник пошел в кусты, разложил костер, сидит себе да греется.

Проснулась в ночи попадья и, не разобрав спросонья, бросила батюшку в озеро. Поп плюхнулся, как мешок, и пошел ко дну...

Наутро Гаврила приготовил поесть и будит матушку:

— Пора, матушка, завтракать. Протерла попадья глаза, видит — перед ней работник Гаврила здоров и живёхонек!..

— Ты что... с того свету вернулся? — дивуется попадья.

— Так и есть, матушка, вернулся, — говорит работник.

— Ну, как там?

— Очень хорошо.

— А где ж батюшка? — оглянулась попадья.

— Да он там, где и я был, — говорит работник.

— На том свете?

— Ага. Ему там уж так понравилось, что сказывал — другую попадью себе найдет и сюда больше не вернется.

— Как так другую?! — вскрикнула попадья. — А я-то с кем буду! Нет, старый черт, я тебе все патлы повырву за этикие речи! Ишь ты, другую попадью захотел...

И как стояла, так и бухнулась попадья в озеро по па Кирилу на том свете искать.

А Гаврила запряг лошадей, да и поехал своей дорогой.

Разумная дочь

Жил один бедняк с женой. Родилась у них дочь. Надо справлять родины, а у него ни хлеба, ни к хлебу. Чем гостей угощать?

Пошел бедняк за водою на речку. Набрал полные ведра, назад возвращается. Глядь — лежит в кустах телочка. Да такая слабая, плохенькая, что сама и не подыметя.

Принес бедняк домой воду и рассказал жене о телочке.

— Так возьми ее, — говорит жена.

Вернулся он на речку, взял телочку и домой принес.

— Давай, — говорит жене, — зарежем ее: будет чем гостей угостить.

Понравилась жене телочка — такая пестренькая, белолобая.

— Нет, — говорит она, — пускай растет.

— Да она ведь совсем слабенькая. Видно, кто-то ее бросил, чтоб в коровнике не околела.

— Ничего, может, и выходим ее. Подрастет дочка — будет ей молоко.

Послушался муж жену, и стали они телочку выхаживать.

Окрепла телочка, растет как на дрожжах. И дочка тоже как на дрожжах растет. Да такая умница вышла, что и старики охотно ее слушаются.

Выкормилась из пестренькой, белолобой телочки славная корова.

Подросла девочка, исполнилось ей семь лет, стала сама корову пасти.

Засмотрелся однажды богатый сосед на бедняцкую корову.

— Откуда она у тебя? — спрашивает. Бедняк и рассказал ему все как было.

— Эге, — говорит богатей, — так это ж моя телочка! Это я ее выбросил — не думал, что она на ноги подыметя. Нет, тогда я заберу свою корову назад...

Запечалился бедняк.

— Ведь я ж ее выкормил, — говорит он. — Теперь она моя.

Не соглашается богатей:

— Не отдашь по-хорошему — пойдем к пану судиться.

Что делать? Пошли судиться к пану. Богатей подал пану руку, поздоровался: известно, богатый с богатым свои люди. Пан ему говорит :

— Садись.

Сел богатей в кресло, а бедняк у порога стоит, снял шапку. Пан на него и не смотрит.

— Ну, что скажешь? — спрашивает он богатого.

— Да вот, пане, какое дело вышло, — начал жаловаться богатый. — Семь лет назад забрал этот человек мою телку, а теперь не отдает.

Выслушал пан и бедняка, а потом говорит им:

— Хорошо. Суд мой будет таков. Задам я вам три загадки: “Что на свете жирнее всего?”, “Что на свете слаще всего?”, “Что на свете быстрее всего?” Кто отгадает, у того и корова останется. А теперь ступайте домой, пораздумайте. Завтра приходите с отгадками.

Вернулся бедняк домой, сел и плачет.

— Чего ты, тата, плачешь? — спрашивает дочка.

— Да вот хочет богатый сосед корову у нас отобрать, — отвечает отец. — Пошли мы с ним к пану на суд, а тот задал нам три загадки. Кто из нас отгадает, у того и корова останется. Да где ж мне отгадать те загадки!

— А какие, тата, загадки? — спрашивает дочка.

Отец сказал.

— Ничего, тата, не печалься, — говорит дочка. — Ложись спать. Утро вечера мудренее: завтра что-нибудь да придумаем.

А богатый пришел домой и радуется.

— Ну, баба, — говорит он жене, — будет корова наша! Только нам надо с тобой отгадать три загадки: что на свете жирнее всего, что слаще всего и что быстрее всего?

Подумала жена и говорит:

— Вот диво! Да тут отгадывать-то нечего. Нет ничего на свете жирнее моего рябого борова, слаще липового меда наших пчел, а быстрее нашего гнедого жеребца никто бежать не может: ведь он как помчится, так и ветер его не догонит!

— Правда, — согласился муж, — я так пану и скажу.

Наутро приходят богатый с бедным к пану.

— Ну что, отгадали мои загадки? — спрашивает пан.

Богатый вышел вперед:

— Да тут и отгадывать-то нечего: нету на свете никого и ничего жирнее моего рябого борова, слаще липового меда моих пчел и быстрее моего гнедого жеребца.

— А ты, — спрашивает пан у бедняка, — отгадал?

— Отгадал, пане: нет ничего жирнее земли — ведь она нас всех кормит; нет ничего слаще сна — хоть какое случилось горе, а уснешь, все позабудется, и нет ничего быстрее людских мыслей: ведь сам ты еще здесь, а мысли уже далеко-далеко.

Правильно отгадал бедняк! И пришлось пану присудить ему корову.

— Кто это тебя научил так отгадывать мои загадки? — спрашивает он у бедняка.

— Моя дочка-семилетка, — говорит бедняк. Удивился пан: не может быть, чтоб какая-то малолетняя бедняцкая дочь отгадывала его загадки! Решил он посмотреть на умную девочку. Приехал однажды к бедняку, а тот как раз в это время был в поле. Встретила пана дочь-семилетка.

— Девочка, — спрашивает пан, — к чему мне лошадей привязать?

Посмотрела девочка на сани и на повозку, что стояли на дворе, и говорит:

— Можешь к зиме привязать, а можешь и к лету.

Пан так глаза и вытаращил: как это можно привязать лошадей к зиме или к лету? Смеется, видно, над ним девчонка!

— Ну, хоть к саням привяжи, хоть к повозке, — пояснила девочка недогадливому пану.

Видит пан, бедняцкая дочка и вправду очень разумная. Обидно это пану. Услышат люди, что она умнее его, тогда хоть беги из поместья.

Поговорил пан с девочкой и поехал, а ей сказал, чтоб отец пришел к нему вечером.

Пришел бедняк вечером к пану.

— Что ж, — говорит пан, — умна твоя дочка. А я все же умнее ее.

Дал пан бедняку решето с яйцами:

— На, отнеси это дочке да скажи, чтоб она посадила на них наседку и вывела мне к утру цыплят на завтрак. А не выполнит этого — велю бить кнутом.

Пришел бедняк домой пригорюнясь. Сел на лавку и плачет.

— Ты чего, тата, плачешь? — спрашивает дочка.

— Да вот, доченька, какая беда; задал тебе пан новую загадку.

— Какую?

Показал отец решето с яйцами:

— Сказал, чтоб ты посадила на эти яйца наседку и вывела ему к утру цыплят на завтрак. А разве можно это сделать?

Дочка подумала и говорит:

— Ничего, тата, завтра что-нибудь да придумаем. А пока что возьми, мама, эти яйца да изжарь на ужин яичницу.

Утром говорит дочка отцу:

— На тебе, тата, горшок, ступай к пану. Скажи, чтоб он за день ляду вырубил, выкорчевал да вспахал, просо посеял, сжал и обмолотил да в этот горшок насыпал — цыплят кормить.

Пошел отец к пану, подал ему пустой горшок и сказал все, что дочка велела.

Подкрутил пан усы и говорит:

— Умная ж у тебя дочка, а я все же ее умней.

Взял он три льняных стебля, подал их бедняку:

— Скажи дочке, чтоб она к утру этот лен вытеребила, спряла, соткала и сшила бы мне из него рубашку.

Вернулся отец домой пригорюнившись. Дочка спрашивает:

— Что сказал тебе пан?

Подал отец ей три льняных стебля и рассказал, что пан загадал.

— Ничего, — отвечает дочка, — ложись, тата, спать: завтра что-нибудь да придумаем.

Наутро дает дочка отцу три кленовые палки и говорит:

— Отнеси их пану да попроси его посадить их, за одну ночь вырастить и сделать из них станок для тканья, чтоб было на чем полотно ему на рубашку наткать.

Пошел бедняк к пану, подал три палки и сказал так, как дочь научила.

Покраснел пан и говорит:

— Умная ж у тебя дочка — ничего не скажешь. А я все же умнее ее! Так вот передай ей, чтоб она не пешком пришла ко мне, не на лошади приехала, не голая, не одетая и принесла б мне подарок, да такой, чтоб я не мог принять его. Если она все это сделает, то приму ее в дочери — вырастет, паньейю будет! А не сделает — плохо ей придется...

Вернулся отец домой пуще прежнего запечаленный.

— Ну, что ж тебе, тата, пан сказал? — спрашивает дочка.

— Да вот, доченька, наделала ты беды и нам и себе своими отгадками...

И рассказал ей отец, что пан загадал. Засмеялась дочка:

— Ничего, тата! Как-нибудь обманем пана и на этот раз. Только поймай мне живого зайца.

Пошел отец в лес, поставил капкан и поймал зайца.

Дочка сняла рубашку, набросила на себя вместо платья рыбачью сеть, села верхом на палочку и поехала с зайцем к пану.

Пан стоит на крыльце, видит — опять перехитрила его бедняцкая дочка! Разозлился он и натравил на нее собак — думал, что они разорвут умницу. А девочка выпустила из рук зайца — собаки и кинулись за ним в лес.

Подошла она к пану.

— Лови, — говорит, — мой подарок: вон он в лес убежал...

Пришлось пану взять умную девочку в дочери. Поехал пан вскоре за границу, а девочке сказал:

— Смотри ж без меня не суди людей моих, а то плохо тебе придется.

Осталась девочка одна в усадьбе. И случилось в то время такое дело. Пошли два мужика на ярмарку. Один купил телегу, а другой кобылу. Запрягли кобылу в телегу и домой поехали. По дороге остановились отдохнуть. Легли и уснули. А проснулись, глядь — бегают у телеги молодой жеребеночек. Дядьки заспорили. Тот, чья телега была, говорит: “Жеребенок мой — это моя телега ожеребилась!” А тот, чья кобыла, на своем настаивает: “Нет, жеребенок мой — это моя кобыла ожеребилась!”

Спорили, спорили и порешили ехать к пану на суд.

Приехали, а пана нет дома.

— Рассуди хоть ты нас, — просят дядьки приемную панскую дочку.

Узнала девочка, какое у них дело, и говорит:

— Пусть тот из вас, чья кобыла, выпряжет ее из телеги и поведет под уздцы, а тот, чья телега, пускай тащит ее на себе в другую сторону.

За кем жеребенок побежит, тот и будет его хозяином.

Так дядьки и сделали. Жеребенок побежал за кобылою, на том спор у них и окончился.

Вернулся пан из-за границы и узнал, что умная девочка без него судила. Рассердился он, поднял крик:

— Что ж ты меня не послушалась? Теперь ты мне не дочка. Возьми себе из поместья что пожелаешь и ступай домой, чтоб я тебя больше не видел!

— Хорошо, — говорит девочка. — Но мне хочется на прощанье тебя вином угостить.

— Угости, — буркнул пан. — Только поскорей. Напоила его девочка вином, пан и уснул без памяти. Тогда велела она слугам запрячь лошадей, положила пана- в Карету и повезла домой. Дома с отцом вынесла его из кареты и перенесла в сени на кучу гороховины.

— Вот тебе, — говорит, — постель вместо перины. Отлеживайся себе.

Проснулся наутро пан, по сторонам озирается: где же это он? Увидал свою приемную дочку и спрашивает:

— Почему я тут, в грязной мужицкой хате лежу?

— Ты сам так захотел, — смеется девочка. — Ты мне сказал: “Бери себе из поместья что пожелаешь и ступай домой”. Я и взяла тебя. Вставай, бери топор и мотыгу да иди вместо отца панщину отбивать. Ты мужик крепкий, будет работник из тебя неплохой.

Услыхал это пан, вскочил на ноги и так махнул назад в свое поместье, что только его и видели. Даже от лошадей с каретой отказался.

Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак

Жил-был царь, а у царя была дочь. Вот задумал царь свою дочь замуж отдать. Кликнул он клич:

— Выдам дочь замуж и отдам полцарства тому, кто может от меня схорониться, чтобы я не нашел.

А был тот царь волшебник.

Вот день прошел, другой прошел — нет охотников.

На третий день пришел добрый молодец по прозвищу Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак и говорит:

— Я схоронюсь от тебя, царь.

— Ладно, — отвечает царь-волшебник, — схоронишься, женю тебя на своей дочери и дам полцарства, а нет — мой меч — твоя голова с плеч.

Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал за тридевять земель, в тридевятое царство, и там на заповедном лугу обернулся цветком.

На другой день царь встал раненько, умылся беленько, почитал волшебную книгу и говорит:

— Слуги мои верные, ступайте в тридевятое царство на царский заповедный луг, сорвите там все цветы и принесите сюда.

Принесли ему слуги цветы, царь выбрал один цветок, дунул на него, и стал из цветка добрый молодец.

— Ну, что, Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак, на первый раз не мог от меня схорониться.

На другой день Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал в тридевятое царство; прибежал к большому болоту, обернулся окунем-рыбой и нырнул в бездонное озеро. А царь взял волшебную книгу, прочитал и говорит:

— Ступайте, мои верные слуги, в тридевятое царство, осушите там большое болото, закиньте сети в бездонное озеро и выловите мне рыбу-окуня.

Принесли слуги того окуня царю-волшебнику. Он дунул на него, и стал вместо окуня добрый молодец.

— Ну, вот, Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак, и другой раз не мог от меня схорониться. Если и третий раз не схоронишься, голову тебе отрублю.

И в третий раз Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал за тридевять земель в самое дальнее царство, добежал до высокого дуба, корни в земле, а макушка в небе. Влез он на тот дуб, обернулся малой иголкой, схоронился под корой, сидит.

Прилетела птица Нагай, села на тот дуб и спрашивает:

— Что за человек тут схоронился?

— Я, Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак.

— А сюда попал как?

— Хочу на царской дочери жениться. А царь свою дочь отдаст за того, кто может от него схорониться. Два раза он меня находил, коли третий раз найдет, не быть мне живому.

— Я тебе, молодец, помогу, — говорит птица Нагай.

И обернула она малую иголку в пушинку, укрыла пушинку себе под крыло и полетела к царю-волшебнику. Когда царь-волшебник лег спать, птица Нагай положила малую пушинку царю за пазуху.

Утром царь встал, волшебную книгу прочитал и дал такой приказ:

— Слуги мои верные, ступайте за тридевять земель в самое дальнее царство.

Найдите в этом царстве самый большой дуб. Тот дуб спилите, на дрова поколите, в костры сложите, а костры сожгите, в золе найдите малую иголку и мне ту иглу принесите.

Слуги все сделали, как царь приказал, а иголки не нашли.

Когда царь о том узнал, он вышел на крыльцо и зовет:

— Эй, Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак, покажись.

— Нет, не покажусь, — отвечала ему из-за пазухи малая пушинка, — ты сперва бояр собирай, дочку под венец наряжай, тогда покажусь.

Делать нечего, царь-волшебник бояр собрал, дочку в карету посадил и кричит:

— Покажись. Все сделал, как ты хотел.

Вдруг вылетела малая пушинка и обратилась добрым молодцем.

Тут сыграли свадьбу, и стал Синяя свита-Налево сшита-Соломенный колпак с молодой женой жить-поживать, половиной царства управлять.

Синяя свита навыворот шита

Жил-был царь-чародей. Кликнул он клич по всему царству: “Кто сумеет от меня спрятаться, тому полцарства отдам”.

Нашелся такой охотник — Синяя свита навыворот шита. Приходит он к царю-чародею.

— Я, — говорит, — могу так спрятаться, что ты меня не найдешь.

— Хорошо, — говорит царь. — Коли спрячешься — полцарства тебе, а нет — голова с плеч. Распишись.

Расписался Синяя свита навыворот шита и давай прятаться. Пред царем стоял добрым молодцем, бежал по двору черным соболем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем.

Коль бежать, так бежать — забежал в тридевятое царство. А в том царстве был большой-пребольшой луг. Прибежал он на тот луг и обернулся тремя цветиками.

На другой день поднялся царь, посмотрел в свою волшебную книгу и говорит:

— Преду мной стоял добрым молодцем, бежал по двору черным соболем, под воротами лез белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Прибежал на большой луг в тридевятое царство и обернулся тремя разноцветными цветиками.

Кликнул царь своих слуг и велел им сходить в то царство да принести с большого луга три цветика разноцветных.

Пошли слуги. Долго шли или коротко, дошли до большого луга, сорвали те цветики, завернули в платочек и принесли их царю.

— Ну что. Синяя свита, спрятался ты от меня? Сделался Синяя свита человеком и говорит:

— Дозволь мне, царь, еще раз спрятаться.

Царь дозволил.

Синяя свита навыворот шита пред царем стоял добрым молодцем, бежал по двору черным соболем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Коль бежать, так бежать — забежал за тридевять земель, в тридесятое царство. А в том царстве есть такое болото, что сверху мох, а под ним озеро. Зашел он в мох, обернулся рыбой-окунем, забрался на самое дно озера и сидит там.

Утром поднялся царь, посмотрел в свою волшебную книгу и говорит:

— Преду мной стоял добрым молодцем, бежал по двору черным соболем, под воротами лез белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Забежал за тридевять земель, в тридесятое царство, обернулся рыбой-окунем и спрятался во мшистом болоте!

Велел царь своим слугам идти в тридесятое царство, очистить болото мшистое и поймать там окуня.

Так слуги и сделали: болото очистили, забросили невод и поймали окуня. Завернули его в платочек, принесли царю.

— Ну что. Синяя свита навыворот шита, спрятался ты от меня и во второй раз? — смеется царь.

Синяя свита сделался опять человеком и говорит:

— Дозволь, царь, спрятаться еще раз.

Царь позволил.

Синяя свита стоял пред царем добрым молодцом, бежал по двору черным сободем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Коль бежать, так бежать — забежал в тридесятое царство, где растет такой дуб, что корнями в землю врос, а вершина в небе. Взобрался на дуб, обернулся иглой, воткнулся под кору и сидит там. Прилетела на дуб птица Нагай, нюхом учуяла, что сидит под корой человек, и спрашивает:

— Кто здесь?

— Я, — говорит Синяя свита.

— А чего ты сюда забрался?

— Да вот взялся я от царя-чародея спрятаться, да никак не выходит.

— Хочешь, я тебя спрячу?

— Спрячь, добрая птица. Век благодарить тебя буду.

Птица Нагай обратила его в пушинку, взяла себе под крыло, отнесла в царский дворец и положила спящему царю за пазуху.

Чуть свет царь поднялся, умылся, заглянул в волшебную книгу и говорит:

— Предо мной стоял добрым молодцом, бежал по двору черным сободем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем, забежал в тридесятое царство. Есть там дуб, что корнями в землю врос, а вершина в небе. Забрался он под кору его и сидит там, обернувшись иголкой.

Велел царь спилить дуб, порубить на дрова и сжечь.

Так слуги и сделали, а Синюю свиту не нашли. Приходят к царю, говорят:

— Нет Синеи свиты.

— Как так нету? — удивился царь. — Не может этого быть!

— Нету и все, — говорят слуги. Вышел царь на крыльцо, начал звать:

— Синяя свита навыворот шита, явись!

— Собери своих генералов, — отвечает Синяя свита, — тогда и явлюсь.

Слышит царь голос Синеи свиты, а не знает, откуда идет он. Крутился он, крутился, всюду заглядывал, а Синяя свита будто водой разлился.

Ну, делать нечего, собрал царь своих генералов. Вышел на крыльцо и опять зовет:

— Синяя свита, явись!

— Нет, — слышит он голос Синей свиты, — ты сперва отпиши мне при генералах полцарства, тогда и явлюсь. А то ты обманешь — знаю я тебя!

Уж так не хотелось царю, а пришлось отдать полцарства. И только поставил он при генералах на указе царскую свою печатку, как из-за пазухи у него вылетела легкая пушинка и обернулась добрым молодцем.

— Вот и я! — говорит Синяя свита. Схватил он тот указ — да себе в карман. Перестал с той поры царь в прятки играть.

Солдат Иванка

Прослужил солдат Иванка двадцать пять лет, выслужил синий билет и пошел домой. Было у него денег всего три копейки. А был солдат этот человек добрый, последним поделится.

Бот идет он, идет, летит навстречу жучок:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, жучок!

— Отслужил ты, солдат, двадцать пять лет?

— Отслужил.

— Выслужил синий билет да три копейки деньгами?

— Выслужил.

— Дай мне копейку! Я тебе в беде помогу.

Добрый солдат взял, да и отдал ему копейку. Подхватил жучок копейку и полетел своею дорогой.

Идет солдат, а сам думает: “Ничего, у меня еще две копейки осталось: на одну чарку водки выпью, на другую махорки куплю”.

Только он так подумал, глядь — мышка бежит:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, мышка!

— Отслужил ты, солдат, двадцать пять лет?

— Отслужил.

— Выслужил синий билет да три копейки деньгами?

— Выслужил.

— Дал копейку жучку?

— Дал.

— Дай и мне копейку! Я тебе в беде пригожусь. Добрый солдат дал и мышке копейку. Схватила мышка копейку и в норку потащила. “Ну что ж, — думает солдат, идучи дальше, — пить не буду, куплю за последнюю копейку махорки и так дойду”” Только он это подумал, глядь, — из-под мостика рак ползет.

— Здорово, солдат!

— Здорово, рак!

— Отслужил ты, солдат, двадцать пять лет?

— Отслужил.

— Выслужил синий билет да три копейки деньгами?

— Выслужил.

— Дай мне одну копейку. Я тебе в беде пригожусь.

Отдал солдат и последнюю копейку, а сам пошел дальше.

Приходит в столицу. Видит — у царского дворца народу полно. Одни на трубах да на скрипках играют, другие веселые песни распевают, третьи всякие фокусы показывают. Особенно старается какой-то королевич с перьями на шляпе, всех расталкивает, сам наперед рвется.

— Что тут такое? — спрашивает солдат Иванка у царского слуги.

— Да вот, — отвечает слуга, — дело-то какое: есть у царя одна-единственная дочка, она отродясь еще не смеялась, и никто не может ее рассмешить. А царь объявил, что тот, кто ее рассмешит, станет ее мужем.

Солдат расхрабрился, усы подкрутил и начал поближе ко дворцу пробираться: “Может, — думает, — мне удастся ее рассмешить”.

— Ты куда, грязный солдат, прешь? -крикнул на него королевич с перьями на шляпе. — Тут и без тебя женихов хватит!

Схватил он его за шиворот и оттолкнул прочь. Солдат споткнулся да и бухнулся в грязную лужу — только что перед этим большой дождь прошел.

Поднялся солдат мокрый, измазанный, вся шинелишка в грязи. “Вот так беда! — думает. — Как же теперь обсушиться? Эх, кабы здесь были жучок, мышка и рак, пожалуй, они в беде мне помогли бы!” Только он так подумал, как вмиг явились перед ним жучок, мышка и рак.

— Ну, что у тебя, солдат, за беда? — спрашивают.

— Да вот, сами видите, — отвечает солдат.

— Снимай свою шинелишку! Солдат снял. Жучок, мышка и рак подхватили шинель и потащили на речку.

Увидела это царская дочь из дворца — загляделась: что за комедия?

Помыли солдатские помощники шинель и потащили сушить ее на берег. Стал рак на шейку, поднял вверх клешни, а жучок с мышкой и повесили на них шинель. Рак не выстоял — упал в грязь вместе с шинелью... Потащили они опять шинель в речку мыть. Вымыли и опять на рачьих клешнях развесили. Мышка выкручивает, а жучок вокруг летает да крылышками помахивает, ветерок нагоняет, чтоб скорее сохла.

Царевна смотрела-смотрела на все это, да и рассмеялась. Приходит к отцу и говорит:

— Никто из князей, королей и генералов меня не рассмешил, а рассмешил вот простой солдат. За него я и замуж пойду.

Хоть царь и не рад, что будет его зятем простой солдат, но ничего не поделаешь.

И стал солдат мужем царской дочери, а жить во дворце не хочет.

— Я ко дворцам, - говорит, - непривычный: буду жить в простой хате. Ты мне, женка, только солдатских харчей сюда присылай да махорки побольше.

Поставили ему в царском саду простую хату, вот и остался он там жить. Живет и беды не знает.

Тем временем королевич с перьями на шляпе сам стал королем, но никак не может забыть, что царская дочь вышла не за него, а за простого солдата. Собрал он свое войско и пошел на царя войной.

Посылает царь дочь за солдатом — пора, мол, на войну собираться.

— Нет, — говорит солдат жене, — на войну я не пойду, я свое отслужил — у меня синий билет.

Заплакала жена и сама с отцом поехала на войну. А солдат набил в трубку целую осьмушку махорки да так запыхтел, что весь царский дворец дымом заволкло. Выкурил трубку и говорит самому себе:

— Эх, если б были здесь жучок, мышка да рак! Они дали бы мне добрый совет, как короля одолеть.

И вдруг стали перед ним жучок, мышка и рак:

— Что скажешь нам, добрый солдат? Чего ты нас звал?

— Да вот хотел бы с вами посоветоваться, как короля одолеть.

— Ладно, — говорят. - Мы поможем тебе. Мышка и рак принесли из царских кладовых меч-кладенец, а жучок полетел в чистое поле и привел коня богатырского с гривой серебряной.

Стукнул конь перед солдатом копытом и говорит;

— Влезай, Иванка, мне в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванка коню в правое ухо, а в левое вылез и стал таким богатырем-молодцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— А теперь садись на меня, — говорит конь. Сел Иванка на коня богатырского и двинулся на войну. Приезжает, видит — королевское войско побивает царское войско.

Ударил Иванка коня по бокам шпорами и ринулся в гущу королевского войска. Как махнет мечом-кладенцом, так по правую сторону войско как мякина сыплется, а по левую — как солома стелется. Целый день, с утра раннего и до вечера, воевал Иванка. Разбил в пух и прах вражье войско, подлетел к королю, отрубил ему руки по самые плечи и поехал к царю.

Царь, понятно, не узнал его.

— Скажи, добрый молодец, — спрашивает царь, — кто ты таков, какого ты роду-звания? Ничего солдат ему не ответил.

— Чем же тебя наградить за твою храбрость?

— Ничего мне не надо, — говорит солдат, — дай мне только свой царский платочек на память.

Дал ему царь свой платочек.

Приезжает Иванка в сад, влез коню в левое ухо, в правое вылез и стал таким, как был. Пустил коня на волю, а сам пошел в свою хату.

Воротился царь с дочкой с войны. Всюду в трубы трубят, пляшут, поют — такая у всех радость!

Приходит царская дочка к солдату Иванке.

— Эх, — говорит, — напрасно ты не поехал с нами! Хоть бы поглядел, что там было: сколько войска, а пушек сколько!.. Да не одолеть бы нам короля, если б не один отважный рыцарь. Как налетел он — все королевское войско разбил в пух и прах и самому королю руки отрубил по самые плечи. А кто он — неведомо. Вот был бы мой муж таким! А то вот не повезло мне, бедной. Не муж у меня, а растяпа!

— Ты, женка, меня не брани, а скорей неси солдатских харчей да махорки, — говорит Иванка.

Принесла жена харчей и махорки. Ест солдат свои харчи, курит махорку.

Вылечился тот безрукий король и опять объявил, что идет-де войной на царя и его дочку. Да не один, а с двумя другими королями вместе.

Собирается царь на войну, посылает дочку за мужем.

— Ах, — говорит она, — муженек ты мой любезный, опять идет на наше царство войско великое, и ведут его три короля. А батюшка мой уже стар — воевать не в силах. Не поедешь ли ты вместо него?

— Куда мне ехать, — говорит солдат, — я уже свое отвоевал.

— А если они землю нашу завоюют, то что нам тогда делать?

— Не завоюют! Тот храбрый рыцарь поможет вам.

— А мы ведь не знаем, кто он и где искать его...

— Ничего, он и сам вас найдет.

Заплакала жена и поехала вместе со стариком-отцом на войну. А солдат съел все харчи, выкурил всю махорку, да и говорит самому себе:

— Вот если б были здесь теперь мои помощники — жучок, мышка да рак!

Только он это вымолвил, как явились вмиг перед ним жучок, мышка и рак.

— Что скажешь нам, добрый солдат?

— Да вот хочу с вами посоветоваться, как троих королей одолеть.

— Ладно, — говорят ему помощники. — Мы поможем тебе.

Притащили мышка и рак из царских кладовых новый, втрое больший меч-кладенец, а жук полетел в чистое поле, на зеленые луга и привел оттуда нового коня богатырского с золотою гривой.

Топнул конь копытом перед солдатом и говорит:

— Влезай, Иванка, мне в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванка коню в правое ухо, в левое вылез и стал таким богатырем-молодцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— А теперь, — говорит конь, — садись на меня, поедем королевское войско разбивать.

Сел Иванка на коня богатырского и поехал на войну.

Приезжает, а там солдаты королевские окружили царя с дочкою и кричат им, чтобы в плен сдавались.

Тут как врезался Иванка во вражье войско, как начал бить его... Направо махнет, как мякина войско сыплется, махнет налево — как солома стелется. Кого сам рубит, а кого конь копытом топчет...

Три дня и три ночи воевал Иванка. Разбил в прах все вражье войско, потом подлетел к безрукому королю, отрубил ему и голову.

— Уж теперь тебе, поганец, не ступать больше на землю нашу! — говорит Иванка.

А два других короля еле живые бежали. Подъехал Иванка к царскому шатру. Царь с радостью встретил его.

— Кто ты таков? — спрашивает. — Какого ты роду-звания?

Ничего не ответил Иванка.

— Чем же мне тебя наградить, храбрый рыцарь?

— Ничего мне, — говорит, — не надо, дай мне только на память золотой перстенок твоей дочки.

Очень понравился царской дочке рыцарь: она и отдала ему свой золотой перстенок.

Сел Иванка на коня, только его и видели. Приехал домой усталый, не смог даже влезть коню в левое ухо, а в правое вылезть, как сноп повалился на траву и уснул богатырским сном.

Спит он сутки, спит вторые, а конь пасется в саду, ведь хозяин-то не успел его от себя отпустить.

На третьи сутки вернулся царь с войны.

И пошел пир горой по всей столице! Музыка играет, народ веселится.

Вышла царская дочь в сад к своему мужу. “Он, видно, там с голоду уже помер”, — думает она.

Входит в хату, смотрит — никого нету. Она туда-сюда, вдруг видит: в саду золотогривый конь пасется, а рядом с ним пригожий рыцарь спит.

Подошла царевна к рыцарю и заметила у него на руке свой золотой перстенок, а из кармана уголок отцовского платочка торчит...

Разбудила царевна рыцаря.

— Кто ты такой, славный рыцарь? — спрашивает.

— Как кто! Муж твой, солдат Иванка! — отвечает рыцарь.

Обрадовалась царевна, что такой красивый сделался ее муж, взяла она его за руку, повела к отцу.

— Вот, — говорит, — батюшка, кто нас из беды вызволил, — муж мой, солдат Иванка!

И показала отцу свой золотой перстенок и с его меткою царский платочек.

Ну, Иванка не стал больше влезать богатырскому коню в левое ухо, а так и остался славным богатырем.

Говорят, живет он и теперь.

Старый отец

В прежние времена было так: как состарится отец, завезет его сын в глухую пуцу да и бросит там...

Вот однажды повез сын отца в пуцу. Жаль ему отца — сильно любил он его, да что поделаешь! Не повезешь, люди засмеют, старых обычаев, скажут, не держится. Еще из села прогонят...

Едет он невеселый, а отец и говорит ему:

— Неужто ты, сынок, меня, старого да хворого, одного в лесу бросишь?

Подумал сын, утер слезу и говорит:

— Нет, батя, не брошу. Но для людей хотя бы надо это сделать. Ночью я за тобой приеду и буду тебя до самой смерти в темной коморе держать, чтоб никто не видел.

Так сын и сделал.

Когда настала ночь, он привез из пуцы отца и спрятал его в темной коморе.

А случилось несчастье — град все жито побил, и нечем было новое посеять.

Пришел сын к отцу в темную коморку, жалуется:

— Что делать? Не посеем жита — в будущем году без хлеба останемся. Отец говорит:

— Нет, сынок, доколе я жив, без хлеба мы не будем. Слушай меня. Когда ты был еще маленький, я гумно строил. А был в том году большой урожай. Вот я необмолоченным житом гумно и накрыл. Сними стреху, обмолоти — и будет у тебя зерно на посев.

Сын так и сделал. Снял стреху с гумна, обмолотил и посеял осенью жито.

Дивуются соседи: откуда это он зерно достал? А сын молчит, ведь нельзя же признаться, что это старик-отец ему помог.

Подошла зима. Нечего есть. Опять идет сын к отцу в темную комору.

— Так, мол, и так. — говорит, — придется с голоду помирать...

— Нет, — говорит отец, — с голоду мы не померем. Слушай, что я тебе скажу. Возьми лопату да покопайся в хате под лавкою. Там, как был я еще молодой,

закопал немного денег про черный день. Жизнь, сынок, прожить — не поле перейти: все может случиться. Так я думал, так и делал.

Обрадовался сын, выкопал отцовы деньги и купил зерна.

И сам с семьей ест да еще и соседям занимает. Вот они и спрашивают у него:

— Скажи нам, брат, откуда ты хлеб достаем? Признался сын:

— Отец, — говорит, — кормит меня.

— Как же так? — дивуются соседи. — Ты же отвез своего отца в лес, как и все добрые сыновья!

— Нет, — говорит сын, — я сделал не так, как вы делаете, а оставил отца у себя век доживать. Вот зато, как пришла беда, отец мне и помог. У старых людей ума больше, чем у молодых.

Перестали с той поры сыновья отцов своих в пущу отвозить, а стали их под старость уважать да кормить.

Страшная закрутка

Прежде, почитай, в каждом селе был свой знахарь. А что ни знахарь — то первый плут. Знахарь, он и шепчет, и закрутки вырывает, и всяким колдовством занимается. Люди боялись их, угождали им, как злой болячке.

Ну так вот, был, значит, в одном селе такой знахарь. Знали его не только во всей околице, а и в целой округе. И никто не смел перечить ему, чтоб не накликать он какой беды.

А жил в том селе один смелый человек. Звали его Тодор. Много он по свету походил, где только не бывал, чего только не повидал.

— Голову морочит вам этот знахарь, — говорит Тодор соседям. — Ничего он не знает и не ведает.

— И что ты говоришь! — не верят соседи. — Гляди, как бы не наслал он на тебя беды...

— Ну так сами увидите, правду ли я говорю, или нет.

Пошел Тодор в свое жито и сделал закрутку. Спустя несколько дней приходит он к знахарю.

— Так, мол, и так, — говорит, — какой-то злодей сделал на моем жите закрутку. Боюсь, как бы не случилось чего дурного. Сходи вырви. Ты ж с нечистью этой водишься. Я заплачу тебе, чем хочешь.

Услыхал знахарь про плату и охотно согласился. Пошли они на поле. Поглядел знахарь издали на закрутку и говорит:

— Уж больно страшная закрутка. Так просто я к ней и сам боюсь приступить.

Снял он рубаху, чтоб напустить на Тодора больше тумана, да и пополз на карачках к закрутке.

Ползет знахарь да все покряхтывает, очень, мол, страшную закрутку кто-то сделал: видно, чтоб помер хозяин.

Подошли туда и Тодоровы соседи поглядеть, как будет знахарь страшную закрутку вырывать.

Тут Тодор, не долго думая, уселся верхом на знахаря, вынул из-под полы дубинку и давай дубасить обманщика.

— Уж я тебе, шельмец, покажу эту страшную закрутку! Я ж ее сам и сделал!

Вопит знахарь на всю глотку, а Тодор дубасит его по чем попало. Бил, бил, а потом и спрашивает:

— Ну, будешь добрым людям головы морочить?

— Нет, — стонет знахарь, — только отпусти меня живым.

Отпустил Тодор знахаря, поднялся тот да наутек — и от рубашки отказался.

Испугались соседи, решили, что знахарь сживет Тодора со свету: он-то ведь может все сделать... Но проходит неделя, вторая, и живет себе Тодор да плюет на знахаря.

А знахарь кряхтел, кряхтел, да и окочурился — видно, Тодорова дубинка была посильней его колдовства.

Сынок-с-кулачок

Жили дед с бабой. И был у них сынок. Да такой маленький, что из-под шапки не видать. Не больше кулака. Так дед с бабой его и звали: сынок-с-кулачок.

Поехал раз дед пахать, а бабе велел, чтоб обед приготовила и принесла ему в поле.

Приготовила баба обед и говорит сыну;

— Был бы ты большой, отнес бы отцу за меня обед. А то вот приходится самой мне идти, а сынок расхрабрился и говорит:

— Давай, мама, я отнесу обед.

— Да где уж тебе его донести! — не верит мать.

— Донесу!

Взял сынок-с-кулачок обед, поставил в дедов лапоть, а сам сел сзади и поехал, Едет себе и песенки напевает. Приехал на поле, зовет отца:

— Тата, я обед тебе привез! Увидал его отец, обрадовался:

— Молодчина, сынок!

Сел он обедать, а сын говорит

— Тата, посади меня на соху, я пахать буду.

— Да как же ты будешь пахать-то?

— А вот увидишь, — говорит сын, Посадил отец его на соху. Сынок-с-кулачок взял в руки вожжи и крикнул на лошадь:

— Но, сивка-бурка! И начал пахать.

А проезжал по дороге пан в бричке. Увидал он этакое диво.

— Продай мне, дед, своего пахаря, — просит пан.

— Нет, пане, не продам: это мой сынок.

А пан пристал, как смола: продай да продай!

— Я тебе, — говорит, — много денег дам.

Услыхал это сынок, подбежал к отцу и шепчет ему:

— Продавай, тата, только возьми за меня у пана пригоршню золота. Ты не бойся, я от него убегу.

Согласился дед и продал пану сына за пригоршню золота.

Взял пан мальчонку, посадил себе в карман и поехал. “Вот, — думает, — хорошего пахаря нажил. Такого ни у кого нету. Будут все паны мне завидовать!”

Тем временем мальчик продрал панский карман, выбрался из него потихоньку и выпрыгнул из брички. Пан даже и не заметил. Поехал себе домой чудесным пахарем хвастаться.

Огляделся хлопчик по сторонам, а кругом него лес густой. Походил он, походил по лесу да и заблудился.

А тут и вечер наступил. Сел он под елкой и плачет.

Откуда ни возьмись голодный волк. Схватил он мальчонку и проглотил его. Опаматовался мальчонка, начал брыкаться в волчьем животе, начал кричать:

— Эй, волк, неси меня домой!

— Не понесу! — говорит волк.

— Небось, понесешь, ежели тебе надоем.

— Посмотрим, — огрызнулся волк и побежал в поле искать овец.

Подбегает к стаду овец, а мальчик как закричит из волчьего живота:

— Гей, пастухи, волк за овцами крадется! Услыхали это пастухи, прогнали вора. Да еще и собак натравили на него.

Прибежал волк в лес и говорит мальчонке:

— Вылезай вон!

— Нет, не вылезу! — откликнулся мальчонка. - Неси меня домой.

— Не понесу! — злится волк.

Проголодался волк и пошел опять искать поживу. Но куда ни придет, все неудача: не дает ему мальчонка покоя.

Совсем исхудал волк, еле ноги волочит.

А мальчонка все на своем стоит:

— Неси меня домой!

Видит волк — ничего не поделаешь: понес мальчонку домой.

Принес ко двору и говорит:

— Вылезай. Вон твоя хата.

— Нет, - говорит хлопчик, - неси меня на двор. Принес его волк на двор и опять кричит:

— Вылезай!

— Нет, неси меня в сени.

Принес волк его в сени.

Тут мальчонка выскочил да как закричит:

— Тата, тата, иди волка бить!

Выбежал отец с кочергой и убил волка. Снял с него шкуру и бабе шубу пошил, А баба зажарила за это деду и сыночку гуся.

Вот и сказка вся

Трем-сын Безымянный

Жили дед с бабой. Родился у них сын. Пошел дед к попу, чтоб сына окрестил, имя бы дал, а тот и говорить не хочет; денег-то у деда нету, так какой же может быть разговор!

Так и остался дедов сын без имени.

Подрос мальчик, стал на улицу ходить. Гуляет с детьми, а те не знают, как его звать. А потом сами придумали ему имя: Безымянный. У всех имена как имена, а дедов сын — Безымянный!

Приходит он раз с улицы и спрашивает у матери:

— Почему это, мама, у всех имена, а у меня нету?

Мать и рассказала ему, почему он остался без имени.

— Если так, — говорит сын, — то жить мне в своем селе нельзя: пойду я по свету счастья искать. Мать в слезы:

— Ох, сынок, соколик ты мой, на кого же ты нас, стариков, покинешь?

— Как найду свое счастье, вернусь к вам, — говорит сын.

Собрали отец с матерью сыну на дорогу, что было, и пошел он себе помаленьку.

Шел, шел, приходит в большой, дремучий лес. Целый день шел он лесом, под вечер видит — стоит хатка. Зашел в хатку, а там три седых деда живут. Поклонился мальчик дедам:

— Дозвольте, люди добрые, у вас заночевать. Посмотрели на него деды и спрашивают:

— Ты откуда же, хлопчик, и какая беда тебя сюда привела?

Рассказал он им о себе. Деды выслушали, покачали головами и говорят:

— Если так, живи у нас. И будет тебе имя Трем-сын, это значит — будешь ты всем нам троим сыном.

Согласился мальчик и стал жить у дедов. Деды его и кормили, и поили, и всяким наукам обучали.

Прожил он так лет десять. Вырос совсем большой, захотелось ему по свету походить — ведь в лесу-то жить долго неинтересно. Вот и говорит он дедам:

— Отцы мои названные, пустите меня по свету походить.

— Хорошо, — согласились деды, — ступай.

Дали ему буланого коня и сказали:

— Будешь ты ехать этим лесом трое суток, на четвертые подъедешь к большой горе. Живет на той горе Жар-птица. Один раз разгонишься на коне — не поймаешь ее. Второй раз разгонишься — тоже не поймаешь. А третий раз как скакнешь, так и схватишь ее за хвост и вырвешь перо. Положи его в карман, коня пусти в луга заповедные, на зеленые травы-муравы, а сам ступай в столичный город к царю. У того царя все кони в коросте, и никакие лекари не могут вывести эту коросту. А ты возмись царских коней вылечить: два раза — на заходе солнца и перед восходом — почисть их жар-птичьим пером, и станут они такие, что поглядеть любо. А если случится с тобой беда какая, выйди в чистое поле и кликни своего буланого коня: он к тебе вмиг прибежит и будет служить тебе верно.

Поблагодарил Трем-сын дедов и поехал на буланом коне по свету странствовать. Ехал он трое суток, на четвертые подъезжает к высокой крутой горе. Смотрит — летает над ней Жар-птица. Вся так и сияет, так и горит, как солнце. Даже глаза слепит. Разогнался Трем-сын раз — не поймал. Второй раз разогнался — не поймал. Третий раз разогнался — вырвал перо из хвоста. Пустил буланого коня в луга заповедные, на зеленые травы-муравы, а сам положил жар-птичье перо в карман и пошел к царю.

Доложили царю, что вот, мол, нашелся человек, что берется царских коней вылечить.

Призывает царь его к себе.

— Ты правду говоришь, Трем-сын, иль обманываешь? — спрашивает царь.

— Правду, — отвечает Трем-сын.

— Так ступай на конюшню. Вылечишь — награжу, а не вылечишь — ласки от меня не жди.

Пошел Трем-сын на конюшню. А коней там и не счесть. И все такие заморенные, что и глядеть на них тошно.

Дождался Трем-сын вечера, выпроводил царских конюхов из конюшни, а сам принялся за работу. Одного коня жар-птичьим пером почистил, другого почистил, третьего, — половину коней перечистил. А утром, до восхода солнца, еще раз почистил их.

Приходят на другой день утром конюхи, видят — половина коней прямо загляденье! Куда и делась эта короста!

Побежали конюхи к царю, докладывают:

— Ваше царское величество, теперь ты своих коней и не узнаешь!

Царь не мог усидеть на троне, пошел сам на коней посмотреть. И правда: вылеченные кони так и блестят! Зовет он к себе Трем-сына:

— Чем тебя наградить за это? Отвечает Трем-сын:

— Ничего мне не надо, только оставь меня в конюхах, царь. Я всех твоих коней вылечу. Царь не перечил:

— Ладно. Будешь у меня не только конюхом, а и над всеми конюхами старшим.

И вот одолела конюхов зависть: они лет по двадцать — тридцать на конюшне служат, а этот парень только явился — уже и старшим стал над ними. Начали они между собой советовать: что бы такое придумать, чтобы нового старшего со свету сжить? И порешили они подсмотреть, чем он коней лечит. Выпроводил их Трем-сын перед заходом солнца из конюшни, а они остались у ворот, сквозь щели подглядывают.

Достал Трем-сын из кармана перо, и вдруг вся конюшня озарилась, как от пожара...

Дождались конюхи утра, бегут к царю.

— Так, мол, и так, ваше царское величество, — докладывают. — Трем-сын не своею силой коней лечит: достал он из кармана какое-то перо, так мы думали, что вся конюшня загорится.

Зовет царь Трем-сына:

— Ты чем коней моих лечишь? Нечего Трем-сыну таиться, он и говорит;

— Есть у меня перо Жар-птицы, им и лечу.

— Ну что ж, — говорит царь, — чем лечил, тем и лечи, лишь бы вылечил. Да только смотри конюшню мне не сожги.

Опять призадумались конюхи, как им Трем-сына со свету сжить.

— Давайте, — говорит один, — пойдем и скажем царю так: наш-де новый старшой спьяна похвалялся, что может для тебя Жар-птицу достать.

Так они и сделали.

“Ого! — думает царь. — Такой птицы ни у кого нету: будут мне все цари да короли завидовать!” Вот зовет он к себе Трем-сына.

— Правда, что ты можешь для меня Жар-птицу достать?

Пожал Трем-сын плечами:

— Нет, не могу.

— Как это так — не можешь! — рассердился царь. — Ты же вчера спьяна похвалялся, что достанешь ее! Смотри, ежели не достанешь, мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел Трем-сын запечаленный в чистое поле, кликнул своего буланого коня:

— Конь мой добрый, конь мой милый! Где б ты ни был, а ко мне чтоб прибыл.

И вмиг прибегает к нему конь его буланный:

— Ты зачем, хозяин, звал меня?

— Беда у меня, — отвечает Трем-сын. — Посоветуй, что делать. Задал царь такую задачу, что и не знаю, как ее разгадать: хочет он, видишь, чтоб я Жар-птицу ему достал.

Говорит конь:

— Не тужи, хозяин: эта беда не велика. Скажи царю, чтоб дал он тебе на дорогу три кубка сладко-пьяных напитков и ту скатерть, которою стол застилали, когда

царь венчался. И пусть запрягут в карету самых лучших коней. Когда все это будет сделано, садись да езжай к той горе. Там растет большой дуб. На том дубе Жар-птица ночует. Приедешь — расстели под дубом царскую скатерть да расставь на ней сладко-пьяные напитки. А сам спрячься и лежи. Только проснется Жар-птица, тотчас на землю слетит. Увидит она напитки и начнет их пить. Напьется и перекинется вверх ногами. А ты смотри не мешкай: заверни ее в скатерть и тащи прямо в карету. И езжай оттуда побыстрее. Обернется Жар-птица змеей, потом лягушкой, потом ящерицей, а ты ее из рук никак не выпускай.

Рассказал ему буланый конь, как и что делать, а сам помчался в луга заповедные, на зеленые травы-муравы.

Пришел Трем-сын к царю и сказал, что ему на дорогу надо. А у царя напитоковто вдосталь. Намешал он три кубка вина сладкого с пьяным, дал скатерть, запряг в карету самых лучших коней, вот Трем-сын и поехал. Приехал он под вечер к дубу, разостлал скатерть, поставил на ней три кубка вина, а сам за кустом спрятался.

Как сказал буланый конь, так все и случилось.

Завернул Трем-сын захмелевшую Жар-птицу в скатерть, сел в карету и помчался во весь опор.

Протрезвилась по дороге Жар-птица, обернулась змеей, потом лягушкой, потом ящерицей, но ничего: побушевала да опять Жар-птицею стала.

Привез ее Трем-сын в царский дворец. Развернул скатерть, и засиял весь дворец, как солнце.

— Ну, — говорит царь, потирая руки, — угодил ты мне, Трем-сын! Чем же наградить тебя за это?

— Ничего мне, царь, не надо, — отвечает Трем-сын. — Пошли меня опять на конюшню.

— Ладно, ступай на конюшню.

Начали конюхи новую думу думать, как бы им Трем-сына со свету сжить. Думали, думали, ничего придумать не могут. А тут вдруг один случай помог. Случилось в том царстве затмение. Целых три дня не светило Солнце, и никто — ни

сам царь, ни его мудрецы — не могли разгадать, почему три дня Солнце не светит. Пришли конюхи к царю и говорят:

— Ваше царское величество, Трем-сын вчера перед нами спьяна похвалялся: вот, говорит, и царь, и все его мудрецы не могли разгадать, почему затмение было, а я могу.

Зовет царь к себе Трем-сына:

— Это ты вчера спьяна конюхам говорил?

— Ничего не говорил, — отвечает Трем-сын, — и пьяным я не был. Это они, бессовестные, выдумали!

Рассердился царь:

— Ведь ты говорил, что можешь узнать, отчего три дня в моем царстве Солнце не светило!

— Как же можно о том доведаться? Что я, с Солнцем дружу, что ли?

— Да ты смеешься надо мной! — закричал царь. — Смотри, если не узнаешь, то мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел Трем-сын в чистое поле запечаленный. Свистнул-крикнул своего буланого:

— Конь мой добрый, конь мой милый! Где б ты ни был, а ко мне чтоб прибыл!

И вмиг конь бежит, копытами землю бьет.

— Что, снова беда? — спрашивает.

— Беда, мой конек, ой, беда!.. Выслушал его конь и говорит:

— Не тужи, хозяин, это еще не беда. Скажи царю — пусть он ссучит тебе клубок в три нитки: нитка золотая, нитка серебряная да нитка шелковая. Возьми тот клубок и пусти его перед собой: куда он покатится, туда и ты ступай. А прикатится тот клубок прямо к матери Солнца. Там ты и узнаешь, почему три дня затмение было.

Царь, долго не думая, ссучил клубок в три нитки, как сказал ему Трем-сын.

Вышел Трем-сын из царской столицы и пустил перед собою клубок. Докатился клубок до леса. Видит Трем-сын — бьются у дороги выдра с вороном. И

так бьются, что прямо кровью заливаются. Ворон выдру клювом клюет, а выдра ворона зубами грызет. Увидали они Трем-сына.

— Куда ты, Трем-сын, идешь, куда путь держишь? — спрашивают.

— Иду к матери Солнца.

— Зачем?

— Узнать, почему в нашем царстве три дня затмение было.

— Вспомни, Трем-сын, там и о нас: доколе нам биться? Бьемся мы до полу-смерти и даже не знаем, за что.

— Ладно, вспомню.

Покатился клубок дальше. Прикатился к морю. Лежит на море кит-рыба, а по нем люди ездят: даже колеи от езды повыбивали.

— Здравствуй, кит-рыба! — поздоровался Трем-сын.

— Здравствуй, Трем-сын! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду к матери Солнца.

— Зачем?

— Узнать, отчего в нашем царстве три дня затмение было.

— Вспомни там, пожалуйста, Трем-сын, и обо мне: доколе мне здесь лежать на одном месте? Я даже не могу на другой бок повернуться.

— Ладно, вспомню.

Покатился клубок дальше и попал в дремучую дубраву. А там, в дубраве, хатка стоит, вся обгорелая да обожженная...

Катится клубок прямо в хатку, а Трем-сын за ним следом идет. Встретила его на пороге старенькая, седая бабуля, мать Солнца.

— Трем-сын, — спрашивает его бабуля, — по доброй воле иль поневоле пришел ты сюда?

Поклонился Трем-сын старенькой бабуле:

— Поневоле, матушка. Велел мне мой царь узнать, почему в нашем царстве три дня затмение было. А не узнаю — царский меч, а моя голова с плеч...

Разговорила бабуля с хлопцем, и рассказал он ей, кого встречал по дороге: о выдре с вороном рассказал, о ките.

— Ладно, — говорит бабуля, — я тебе помогу. Когда вернется мой сын, я его обо всем расспрошу, а ты примечай.

Взяла бабуля воловью шкуру, завернула в нее Трем-сына и положила его в большой сундук, а сама постелила себе и сыну на сундуке постель.

Начало вечереть. И вдруг вкатилось в хату само Солнце.

— Добрый вечер, матушка! — поздоровался сын.

— Добрый вечер, сынок. Где ты ходишь, где ты все бродишь? Я одна без тебя скучаю.

— Ах, матушка, и не спрашивай! Большая у меня забота.

Дала ему мать на ужин чугунок картошки да миску кислого молока. Наелся сын и лег спать на сундуке.

Мать немного полежала, потом как схватится, будто спросонок.

Сын спрашивает:

— Чего это ты, матушка, испугалась?

— Ах, сынок, приснилось мне, будто в некотором царстве было затмение света. Почему это так?

— Да, — говорит сын, — это правда. А причина тому такая. Живет в окиян-море Настасья-Красавица. Я хотел окиян-море сжечь и взять ее себе в жены. Три дня жег я его, да не сжег. Вот какая беда у меня!

Мать опять полежала немного и снова схватилась.

Сын спрашивает:

— Чего это ты, матушка, испугалась?

— Ах, сынок, приснился мне сон, будто лежит на море кит-рыба. А по нем люди на повозках ездят, даже колеи на боках повыбивали. А он, бедняга, лежит и сдвинуться не может. Тяжко ему. Почему это так, сынок?

— Это потому, — отвечает сын, — что он корабли с людьми проглотил. Выплюнет он их — тогда и сможет на другой бок повернуться.

Полежала мать немного и опять схватилась.

— Матушка, чего ты нынче все пугаешься?

— Ах, сынок, видела я во сне: выдра с вороном бьются, аж кровь течет. Отчего бы это?

— Оттого, — отвечает сын, — что выдра взяла себе в кумовья ворона, а он понес крестить дитя да потерял его. Тогда она стала его бить, а потом они и забыли из-за чего бьются. А дитя выдры живет на озере у трех верб. Пусть ворон найдет его там и отдаст ей, тогда они и перестанут биться.

Поговорили они так, да и уснули.

Утром, когда Солнце вышло из дому, Трем-сын поднялся, поблагодарил добрую бабулю и пошел домой. Зашел по дороге к киту-рыбе и к выдре с вороном, рассказал им, что слышал он от Солнца. Выплюнулся кит-рыба все корабли с людьми и сразу легко перевернулся на другой бок. Нашел ворон потерянное им дитя выдры, и они биться перестали.

Пришел Трем-сын к царю.

— Ну что, Трем-сын, узнал, почему три дня не светило Солнце?

— Узнал, — отвечает Трем-сын. — Живет в окиян-море Настасья-Красавица, и вот Солнце хотело окиян-море сжечь и взять ее себе в жены. Три дня жгло его, да не сожгло. Оттого и не светило оно в то время.

Обрадовался царь, что узнал наконец о причине затмения света, и говорит:

— Чем же вознаградить тебя за это, Трем-сын?

— Ничего, царь, мне не надо — только хочу при своей службе остаться.

— Ладно, оставайся.

Пошел Трем-сын на конюшню и давай там конюхов бранить за их поклеп на него. А конюхи так и трясутся от злости. Собрались и опять начали думать, как бы им от Трем-сына избавиться. Один говорит :

— Пойдем, братцы, к царю да скажем ему, что Трем-сын хвастался, что, мол, может достать со дна окиян-моря Настасью-Красавицу...

Пошли к царю, так ему и сказали.

Зовет царь к себе Трем-сына:

— Ты что, Трем-сын, вчера спьяна говорил?

— Ничего не говорил, — отвечает Трем-сын. — И пьян я не был.

— Врешь! Ты говорил конюхам, что можешь достать со дна окиян-моря Настасью-Красавицу и мне привезти.

Стал Трем-сын спорить:

— Да как это можно? И само Солнце не могло ее выжечь оттуда, а я что делаю?

— Сделаешь! — крикнул царь. — Смотри: не достанешь, мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел Трем-сын, заплаканный, из дворца прямо в чисто поле. Крикнул-свистнул своего доброго коня. Конь бежит, копытами землю роет:

— Зачем, хозяин, меня беспокоишь?

— Беда, конек мой! Велел проклятый царь до стать ему Настасью-Красавицу со дна окиян-моря. Посоветуй, как это сделать?

— Это не беда, — отвечает конь. — Скажи царю, чтоб сшил он шелковый шатер и собрал заманчивого товару: цветистых платков, лент да ленточек...

Возьми все это и езжай к окиян-морю. Как приедешь, раскинь шатер да разложи в нем товары заманчивые. Настасья-Красавица будет гулять на лодке по морю. Первый раз проедет — ничего не скажет, а будет назад возвращаться — спросит у тебя:

“Пан купец, какими товарами ты торгуешь?” А ты ей скажи: “Коль угодно, Настасья-Красавица, плывите к берегу, я вам все свои товары покажу”. Она подплывет, а ты хватай ее за косы, сажай в карету и вези в царский дворец. А теперь прощай, Трем-сын, — говорит конь. — Если будет что надо еще, позови меня.

Как сказал добрый конь, так все и случилось. Привез Трем-сын Настасью-Красавицу в царский дворец. Понравилась она царю.

— Ну, Трем-сын, — говорит царь, — теперь проси у меня какую хочешь награду.

— Ничего мне, царь, не надо; пойду опять на конюшню служить.

И пошел.

Сильно полюбилась царю Настасья-Красавица. Старая его жена умерла, и вот захотелось ему на молодой жениться. Настасья ему говорит:

— Кабы знала я, что придется мне выходить замуж за самого царя, то взяла б я из окиян-моря всю свою красу, а то у меня при себе и половины ее нету.

Взволновался царь, призывает Трем-сына:

— — Достань со дна окиян-моря всю красу Настасьи-Красавицы! Нахмурился Трем-сын:

— И что ты надумал, царь? Да разве можно достать красу?

Царь затопал ногами, застучал своим посохом об пол:

— Молчать! Делай, что ведено! А нет, мой меч — твоя голова с плеч!

Вышел Трем-сын за город, в чисто поле. Крикнул-свистнул там своего коня буланого:

— Конь мой добрый, конь мой милый! Где б ты ни был, а ко мне чтоб прибыл!

Прибегает к нему его буланный конь:

— Ты зачем звал меня, хозяин?

— Опять не дает мне царь покоя, — говорит Трем-сын. — Хочет, чтобы я достал красу Настасьи-Красавицы. А где же достать-то ее?

Отвечает буланный конь:

— Ступай на окиян-море, там увидишь кит-рыбу. Скажи ему, чтоб выбросил он со дна моря золотой ларчик. В том ларчике утка, в утке — золотое яйцо. Это ее краса.

— Да ну ее! — нахмурился Трем-сын и направился к окиян-морю.

Долго шел он иль коротко, пришел наконец к киту-рыбе. Лежит он теперь на другом боку и беды не ведает.

— Здравствуй, кит-рыба! — поклонился Трем-сын.

— Здравствуй, Трем-сын, — отвечает кит-рыба. — Где ты бродишь, что ты ищешь?

— Да вот, — говорит Трем-сын, — пришел я к тебе за помощью. Выбрось-ка мне со дна окиян-моря золотой ларец Настасьи-Красавицы.

— Это можно. Только ты стань, братец, за семь верст от берега: если нырну я на дно, то большой прибой сделаю.

Отошел Трем-сын на семь верст от берега. Нырнул кит на дно и враз затопил весь берег.

Долго блуждал кит по дну, наконец вынес оттуда золотой ларец, подал его Трем-сыну.

Поблагодарил Трем-сын кита за услугу, открыл ларец, а утка — фырр! — и на море полетела...

Трем-сын от досады чуть не заплакал. “Вот если бы был теперь здесь тот ворон, он в беде мне помог бы!” — подумал Трем-сын.

И только он это подумал, видит — летит ворон. Погнался ворон за уткой, поймал ее над морем и разорвал на куски. Вывалилось из утки золотое яйцо и упало на самое дно моря.

Опять запечалился Трем-сын. “Вот, — думает, — если б была здесь та выдра, она мне в беде помогла бы!”

И только он так подумал, вдруг стоит перед ним выдра.

— Ты что хочешь, Трем-сын, от меня?

— Сделай милость, достань со дна окиян-моря золотое яйцо.

Бросилась выдра на дно окиян-моря. Три дня ждал ее Трем-сын.

На четвертый выплыла выдра и подала ему прямо в руки золотое яйцо.

Взял Трем-сын золотое яйцо, поблагодарил добрую выдру и назад воротился.

Разбила Настасья-Красавица золотое яйцо и на что уж была пригожа, а тут сразу вдвое прекраснее стала!

Царь погладил бороду, засмеялся.

— Ну, — говорит, — теперь будем венчаться!

— Нет, — отвечает Настасья-Красавица, — еще бы с тобой не пара.

— Отчего ж? — взволновался царь.

— Нету еще при мне моей веселости.

— Эй, позвать сюда Трем-сына! — велел царь. Приходит Трем-сын во дворец.

Настасья-Красавица говорит ему:

— Если ты сумел, славный молодец, добыть меня и красу мою, то добудь еще и мою веселость.

— Где ж мне добыть ее? — спрашивает Трем-сын.

— Возьми с собой своих конюхов да ступай в заморскую пущу. Там увидишь ты хатку. А живет в ней мой брат Волк Волкович. Он тебе сделает гусли-самогуды: это и есть веселость моя. И еще возьми мой платочек: если очень захочется тебе спать, ты утри им себе глаза...

Взял Трем-сын конюхов и в путь-дорогу пустился.

Долго ли шли они иль коротко, пришли наконец вечером в ту пущу, где жил Волк Волкович.

— Зачем, Трем-сын, ты явился ко мне? — спрашивает Волк Волкович.

— Сделай мне, будь ласков, гусли-самогуды.

— А есть ли кому лучиной светить? Видишь, уже темно, а без света я их не сделаю.

— Есть.

Послал Трем-сын одного из конюхов светить. Тот светил, светил, да и задремал. Волк Волкович и проглотил его. Облизнулся и просит дать второго работника. Послал Трем-сын ему второго. Тот тоже светил, светил, да и задремал. Волк и его проглотил. Просит он третьего. И третьего проглотил. И так всех по очереди.

— А теперь, — говорит Трем-сыну, — ты свети. Начал Трем-сын светить. Светил, светил, и вдруг так ему спать захотелось, что прямо беда. Достал он Настасьин платочек и стал глаза протирать. Поглядел Волк Волкович на платочек и говорит:

— Ах, Трем-сын, почему ж ты мне раньше ничего не сказал? Ведь это ж платочек родной моей сестрицы Настасьи-Красавицы! Ну, для нее я и готовых гуслей не пожалею!

Вынес он готовые гусли-самогуды:

— На, неси их сестре.

Взял Трем-сын гусли, поблагодарил Волка Волковича и назад пошел.

Идет он да тихонько на гусях наигрывает. Встречает по дороге разбойника с дубинкой в руках. Услыхал разбойник игру на гусях-самогудах, остановился и давай плясать. Сам скачет, и дубинка скачет. И никак остановиться не могут.

— Отдай мне, — просит разбойник Трем-сына, — эти гусли: уж больно они мне понравились!

— А ты мне что за них дашь?

— Дам я тебе свою дубинку.

— А что мне с ней делать?

— Она у меня такая, что какую угодно силу сама одолеет. Ставь хоть двадцать полков войска, а дубинка моя разобьет их впрах.

Отдал Трем-сын разбойнику гусли, а себе взял дубинку. Прошел он немного и вспомнил о гусях.

— Ах, — говорит, — что ж я наделал? Что я теперь скажу Настасье-Красавице? Эй, дубинка, беги отбери у разбойника гусли.

Дубинка — прыг, скок! — догнала разбойника и давай его дубасить.

— Отдай, — кричит, — Трем-сыну гусли-самогуды, а то я тебя убью!

Бросил разбойник гусли и скорее бежать от беды. Подхватила дубинка гусли и принесла их Трем-сыну.

Пошел он дальше. Сам на гусях играет, а дубинка скачет.

Попался навстречу колдун. Услыхал он музыку и тоже пустился в пляс.

Плясал, плясал, аж черная борода взмокла.

— Отдай мне эти гусли, — просит колдун Трем-сына.

— А ты мне что за них дашь?

Достал колдун из кармана золотую шкатулку.

— Дам тебе вот эту шкатулку.

— А что мне с ней делать?

Открыл колдун шкатулку, а из нее как повалит войско! Выстроились целые полки. Удивился Трем-сын: вот это штука!

Тут колдун крикнул войску:

— Марш по местам!

И войско опять повалило в шкатулку. Согласился Трем-сын и отдал колдуну гусли, а себе взял волшебную шкатулку. Пошел он с дубинкой и шкатулкою дальше. Прошло мало ли, много ли времени, опять вспомнил Трем-сын о гусях:

— Вот у меня теперь и войско свое имеется, а кто же ему марши играть будет?

Эй, дубинка, беги отбери наши гусли-самогуды!

Дубинка — прыг, скок! — побежала, отобрала у колдуна гусли. Пошли дальше с музыкой. Едет навстречу богатый купец. Услыхал он музыку и давай плясать. Сам пляшет, кучер пляшет, кони пляшут. Плясал, плясал купец, устал, снял сапоги, рубашку сбросил, а все пляшет.

Наплясался в досталь и говорит:

— Эй, паренек, отдай мне свои гусли!

— А ты мне что за них дашь?

Порылся купец в повозке, достал скатерть:

— На тебе вот эту скатерть.

— Зачем мне она?

— Как зачем? Стоит тебе только ее где-нибудь разостлать да сказать: “Жареное-вареное, ко мне!” — и все тебе будет.

А Трем-сыну давно уже есть хотелось.

— Ну давай, — говорит, — посмотрим, чем она угостит.

Разостлал купец скатерть посреди дороги, сказал, что надо, и тут вмиг такие кушанья да напитки явились, что лучших и не придумаешь. Наелся Трем-сын и променял гусли на скатерть.

Пошел он дальше. Вспомнил по дороге о гусях.

— Э, — говорит, — а все ж с гусями было идти веселей! Дубинка, верни-ка назад мне гусли!

Дубинка — прыг, скок! — подбежала к купцу и начала его дубасить:

— Отдавай гусли!

Бросил купец гусли, а сам вырвал у кучера кнут и давай гнать всю лошадью — от беды поскорее бежать.

Пошел Трем-сын дальше. Видит — на панском дворе плотники дом строят. Трем-сын заиграл на гусях. Вдруг все плотники побросали топоры — и в пляс. Пляшут и смеются. Весело им стало. Наплясались в досталь, а потом один из плотников говорит Трем-сыну:

— Вот позабавил ты нас, хлопец! А то мы всю жизнь на пана работаем и никогда не веселимся. На тебе за это от нас подарок.

И дал плотник Трем-сыну топорик.

— Зачем он мне? — спрашивает Трем-сын.

— Этот топорик не простой, — отвечает плотник. — Ты ему только прикажи, и он за ночь любой дворец выстроит. Мы его, братец, от пана прятали, а то как узнает он, отберет. Так лучше уж пускай им хороший человек пользуется.

Поблагодарил Трем-сын за подарок и пошел в столицу. Подошел он к реке, а за ней и сам царский дворец виден. Остановился Трем-сын на речном берегу и велел топорнику выстроить за ночь дворец — не хуже царского. Л сам лег спать. Встал чуть свет, видит — стоит новый дворец, да такой красивый, что лучше, пожалуй, царского. Открыл шкатулку — войско валом валит. Стало войско у дворца, ждет приказа. А тем временем разостлал Трем-сын скатерть — сам наелся, напился, войско накормил и начал на гусях наигрывать. А войско под музыку марширует: раз-два! раз-два!

Проснулся царь, посмотрел в окно — батюшки-светы! Стоит за рекою новый дворец, и войско под музыку марширует... Откуда все это?

Позвал он Настасью-Красавицу:

— Посмотри, душа моя, что это в нашем царстве творится...

Посмотрела она и говорит:

— Это работа Трем-сына. Послал царь за реку слугу:

— Позови мне Трем-сына!

Переправился слуга на челне через реку, передал Царский приказ. Трем-сын говорит:

— Не велик барин твой царь: если хочет, сам пускай ко мне явится.

Хоть и не подобает царю самому к своему конюху ехать, да делать нечего. Сел царь в челнок с Настасьей-Красавицей, поехал на другой берег к новому дворцу.

Трем-сын встретил их как подобает: с поклоном да с музыкой. И повел показывать свой дворец. Походили они, посмотрели — все здесь Настасье-Красавице по сердцу, а царь ходит, как туча темная: не по душе ему, что у конюха такой дворец да такое войско... Думает царь, как бы ему Трем-сына извести, чтоб дворец и войско забрать себе.

Пришли на кухню. Трем-сын хотел гостей угостить. Но только достал он свою волшебную скатерть, как Настасья-Красавица выхватила у царя меч — и хватить им по Трем-сыну. Так голова Трем-сына и покатила в угол. Тогда она изрубила его мечом на мелкие кусочки и велела поварам нагреть полный котел молока. Повара нагрели. Настасья бросила в кипящее молоко порубанного Трем-сына, потом вынула, остудила и живою водой покропила. И вмиг срослись все порубанные части! Еще раз окропила она живою водой — и Трем-сын вскочил на ноги. И стал он такой красивый да стройный богатырь, что поглядеть любо! Царь так глаза и вытаращил: вот бы ему теперь такую красоту да силу! И пристал он к Настасье-Красавице:

— Сделай и меня таким же!

— Ладно, — говорит она, — сделаю.

Схватила меч, изрубила царя на куски и бросила за изгородь собакам. А сама взяла за руку Трем-сына и повела во дворец, в палаты.

Созвал Трем-сын гостей со всех волостей, позвал отцов — родных и названных — сыграл веселую свадьбу.

И я на той свадьбе был, мед-вино пил, по бороде текло, а в рот не попало. Дали мне там смоляную лошадку, седло из лозы да гороховый кнут. Еду я назад на лошадке, вижу — овин горит. Остановил я лошадку, начал его тушить. А пока я тушил, лошадка моя от огня растаяла, седло козы поели, а кнут вороны расклевали... Оттуда пошел я дальше пешком да к вам пришел и рассказал эту вот сказку.

Хитрая лиса

Жили дед и баба. Ничего у них в хозяйстве не было, одна только курочка Хохлатка.

Жили они, жили и дожились до того, что и варить-то больше нечего. Вот дед и говорит бабе:

— Баба, а баба, свари, пожалуй. Хохлатку, а то что ж?..

Замахала баба руками:

— И что ты, дед, надумал! Уж лучше будем голодные, а Хохлатку варить я не дам.

Услыхала то курочка, побежала во двор, нашла там бобовое зёрнышко и принесла его бабе.

Говорит дед:

— Вот и хорошо! Свари, баба, хоть этот бобочек.

Поглядела старуха на бобок:

— Дед мой, дед, да какая ж с одного-то бобочка еда? Я для него и горшка не подберу. Лучше давай-ка посадим его. А как вырастет, испечём целый бобовый пирог.

— А где ж мы его посадим? — спрашивает дед.

— В поле.

— В поле его ворона выклюет.

— Ну, во дворе.

— Во дворе его курица выгребет.

— Давай посадим его тогда под полатями, в хате.

— Ладно, — согласился дед и посадил бобовое зёрнышко под полатями, в хате.

Взошёл бобок и давай расти. Рос, рос, упёрся в полати.

— Что нам, баба, делать? — спрашивает дед.

— Надо полати разбирать. Разобрал дед полати, а боб растёт и растёт — вырос до самого потолка.

— Что нам, баба, делать? — опять спрашивает дед.

— Надо потолок разбирать.

Разобрал дед потолок, а боб растёт и растёт — вырос под самую крышу.

Дед и крышу разобрал. Выглянул бобок на свет и давай расти ещё веселей.

Вырос до самого неба.

Взял тогда дед мешок, полез по стеблю на небо, собрал спелые стручки и назад воротился.

Обрадовалась баба: принёс дед целый мешок бобовых стручков.

— Ну, теперь-то мы уж пирога наедемся! Пошелушила баба стручки, высушила бобы на печи, смолола и замесила в деже на пирог тесто.

А тесто подымается и подымается — лезет оно вон из дежи. Положила его баба на лопату, вылепила пирог, разукрасила разными узорами, чтоб был покрасивей, и в печь.

А пирог растёт и растёт — из печи на шесток лезет. Открыла баба заслонку, а он прыг в хату, из хаты за порог и убежал. Бросились дед с бабой догонять пирог. Да где там!.. Так и не догнали.

Прикатился пирог в лес. А тут навстречу ему рыжая лиса. Схватила она пирог, выела мякиш, в серёдку шишек напихала и побежала с пирогом к пастушкам.

Нашла в поле пастушков и говорит:

— Пастушки, пастушки, дайте мне бычка-третьячка, я вам за это пирог дам.

Видят пастушки — хорош пирог у лисы: жёлтенькая корочка так и блестит, так и хочется его отведать. Подумали и отдали бычка-третьячка.

— Только смотрите ж не ешьте пирог, пока я не заеду за горку, — говорит лиса.

Села она верхом на бычка и поехала. И только скрылась за горкой, пастушки и говорят:

— Сядем на песочке, съедим по кусочку! Разломил пирог, а в нём одни только шишки еловые... Обманула их лисица-хитрица!

Едет лиса на бычке, видит — стоит на дороге пустая повозка, а недалеко человек пашет. Подкралась она тихонько к повозке, запрягла в неё бычка-третьячка, уселась на мягкой соломе и едет себе дальше, кнутом бычка погоняет.

Приехала в лес. Идёт ей навстречу волк. Набегался, умурился, еле ноги воло-
чит.

— Куда, кума, едешь? — спрашивает.

— За тридевять земель, в тридесятое царство.

— Зачем?

— Там, говорят, столько кур, что и коршуны их не клюют...

— А бараны в том царстве водятся? — облизнулся волк.

— Да там их хоть пруд пруди!

— О лисичка-сестричка, возьми и меня с собой: подвези хотя бы мой хвост.

— Что ж один-то хвост везти? Садись весь ты. Сел волк. Едут дальше. Встре-
чают медведя.

— Куда, кумовья, едете?

— За тридевять земель, в тридесятое царство...

— Зачем?

— Там, говорят, и коршуны кур не клюют, — отвечает лиса.

— Да там, говорят, и баранов хоть пруд пруди, — поддакивает волк.

— А мёду там много?

— Да там, говорят, медовые реки текут! Обрадовался медведь:

— Так возьмите и меня с собой. Хоть одну лапу подвезите.

— Что ж одну лапу везти? Уж садись ты весь. Уселись втроём, едут дальше.

Вдруг сломалась оглобля.

Говорит лиса медведю:

— Ступай, кум, принеси оглоблю. Пошёл медведь в лес, нашёл вывороченную
ель и притащил к повозке. Увидела лиса, раскричалась:

— Ах ты, медведище, ах ты, дурачище, разве это дерево для оглобли! — И к
волку: — Ступай, кум, принеси-ка оглоблю потоньше.

Пошёл волк и принёс кривой еловый сук. Лиса и на него накричала, плюнула
и пошла сама за оглоблей. А тем временем медведь с волком съели бычка-треть-
ячка, шкуру соломой набили, на ноги поставили и пошли себе, посмеиваясь.

Вернулась лиса, глядь — ни волка, ни медведя, только бычок стоит. Приладила она оглоблю, села в повозку, махнула на бычка кнутом, а тот — брык! — и повалился.

Поглядела лиса на бычка и обо всём догадалась.

— Пойдите же вы у меня! — пригрозила она волку и медведю и пошла своей дорогой.

Долго ли она шла, а в пути уж осень её застала. Встречает волка, того, что бычка съел:

— Здравствуй, кум! Как поживаешь?

— Плохо, — говорит волк. — Видно, простыл под дождём, так весь и трясусь. Зуб на зуб не попадает.

— Значит, надо новый тулуп сшить, — советует лиса.

— Ты верно, кума, говоришь, — согласился волк.

Побежал на выгон, схватил овечку и притащил в лес.

— Хватит на тулуп? — спрашивает у лисы.

— Мало, — говорит лиса. Принёс волк ещё одну овечку.

— А теперь хватит?

— Нет, надо ещё одну. Притащил волк и третью.

— Ну, а теперь, — говорит лиса, — надо портного искать.

— Где ж мне искать его, кумушка?

— Я знаю хорошего портного. Пойдём к нему. Привела лиса волка на луг. А там, в кустах, на привязи жеребец пасся.

— Вот он, портной. Засмеялся волк:

— Да какой же это портной? Нет, кумушка, как хочешь, а ума у тебя мало.

Обиделась лиса:

— Ты о моём уме не слишком-то языком болтай! Была я умной и буду, а ты как был дураком, так дураком и останешься.

Тут уже волк обиделся, даже обозлился:

— Ещё посмотрим, кто из нас поумней!

— Не хвались наперёд, — говорит лиса, — вот увидишь, как с тебя сейчас шкуру сдерут.

— Кто сдерёт? — щёлкнул зубами волк.

— Хозяин этого коня.

— Не может быть! — не верит волк.

— Вот увидишь. На чём жеребец привязан? — спрашивает лиса.

— На верёвке. Засмеялась лиса:

— Вот и видать, что ты дурак!

— Почему? — подскочил волк.

— Жеребец к колу привязан.

— Не может быть! — захлопал глазами волк.

— Идём, покажу.

Подвела лиса его к колышку, к которому был привязан конец верёвки, сняла верёвку, сделала петлю и закинула волку на шею. Не успел волк и опомниться, как очутился в петле.

Тут подбежала лиса к жеребцу, замахала хвостом. Жеребец испугался и как бросился бежать домой, только подковы заблестели.

Вот так и притащил он в петле волка своему хозяину. Ну, а там с него и шкуру сняли.

Вернулась лиса в лес, закопала овечек в мох про запас, одни только мозги на обед оставила. Села под елью и ест.

Идёт медведь, тот, что бычка съел.

— Что это ты, кумушка, жуёшь? — спрашивает.

— Мозги. Ты слепой, что ли?

— А где ж ты достала их?

— Из головы. И ты можешь достать, если хочешь.

— Как?

— Очень просто: разгонись да стукнись головою об дуб, вот мозги и выскочат.

— Спасибо, кума, за добрый совет. Так я и сделаю. А то есть давно хочется.

Нашёл он самый толстый дуб, разогнался изо всей силы да как грохнулся об него лбом!

Тут ему и конец.

А лисица-хитрица наелась и пошла запивать водой из ручья. Увидали её пастушки.

— А-а, старая обманщица! — закричали они в один голос и напустили на лису собак.

Черт, медведь и заяц

В одной деревне жили старик со старухой, и было у них трое сыновей. Бедно они жили. Пришло время старику помирать, поделил он между сыновьями все свое добро: старшему сыну дал он ручную мельницу, среднему — пастуший рожок, а меньшому — лыко на лапти.

Когда отец умер, старший сын взял свою мельницу и пошел куда глаза глядят. Вдруг видит он — стоит у дороги избушка. Он влез на крышу, положил жернова на трубу, а сам сел и ждет. Ночью в избушку вошли разбойники, сели за стол и стали считать свои деньги, а он как загремит на крыше жерновами, да и кинул их в трубу. Испугались разбойники, убежали, а деньги бросили на столе. Тогда слез он с крыши, забрал себе деньги, воротился домой и зажил богато, а братьям своим не дает и хлеба.

Делать нечего, взял средний брат свой рожок и пошел путем-дорогою. Шел он, шел, вдруг видит — стоит на лесной опушке сторожка, а в той сторожке был заперт медведь. Сел он у двери и давай трубить в рожок. Медведь как заревет, даже сторожка вся затряслась.

В это самое время едет мимо барин на тройке и спрашивает:

— Ты чего здесь делаешь?

— Зверя стерегу.

— Покажи мне его!

Только он отворил дверь и заиграл в рожок, медведь, как выскочит, как кинется на барина-и задрал его. Парень же сел на тройку и ускакал. Стал он еще богаче старшего брата, а меньшого кормить не хочет.

Что тому делать? Взял он с горя свое лыко и пошел себе по дороге в дремучий лес, да и забрел в большое болото. Сел он там на кочку и стал кроить лыко. Увидел его черт, вылез из болота и спрашивает:

— Ты что хочешь делать?

А тот отвечает:

— Буду тут церковь строить.

Испугался черт, побежал к своему старшему и говорит:

— Там какой-то человек хочет на нашем болоте церковь строить!

А старшой приказывает:

— Ступай скажи ему, пусть возьмет все, что захочет, только чтоб не строил тут церковь!

Пошел черт и передал, а тот говорит:

— Насыпьте мне золота полную яму, которую я выкопал.

Черти насыпали, но только жалко им стало золота. И приходит к нему черт, по прозвищу “Могучий”.

— Давай бороться. Кто кого поборет, тому и золото.

А парень отвечает:

— Вот под елкой лежит мой старый дед, ты вперед с ним поборись, а потом уж и со мной!

Подошел черт к елке, а там медведь.

— Давай бороться!

Тут как начал медведь его ломать, так тот едва ноги унес. Прибежал он снова к старшему и жалуется, что человек уж больно силен. Тогда выслал старшой другого черта, по прозвищу “Быстрый”. Тот приходит и говорит:

— Давай гоняться. Кто кого перегонит, тому и будут деньги.

А парень говорит:

— Вон под елкой мой сынок сидит, ты сперва с ним погоняйся.

Черт подошел к елке, а там заяц.

— Давай гоняться!

Заяц испугался и побежал. Черт кричит ему:

— Подожди, давай поравняемся! — а того уж и след простыл.

Опять пошел черт к старшему и плачется, что человек его обогнал, только, мол, его и видали! Вышел тогда третий черт, “Свистун”.

— Давай, - говорит, - свистать! Кто кого пересвищет, тому и золото.

— Давай! Ну свищи!

Черт как свистнул, так даже лес затрясся. А парень ему говорит:

— Завяжи-ка, брат, себе глаза, а не то, как я свистну, так они у тебя на лоб вылезут!

Завязал черт глаза платочком, а парень как свистнет его дубиной по уху, так тот даже завизжал.

— Давай я еще разок свистну!

— Ой, нет, братец, не свищи больше, у меня и так уж глаза на лоб вылезли.

Бери себе деньги!

Тот взял деньги и зажил богаче своих братьев.

Купил я у одного мужика овса, тут и сказка вся.